

Книга? Ну уж нет, спасибо.
Все что мне нужно, есть
в интернете, бесплатно!

8

6

1

3

Kudri_Putina: 26m
А че экспертиза реально
так пишется?

1

5

9

3

СМЕРТЬ ЭКСПЕРТИЗЫ

как интернет убивает
научные знания

ий_Философф: 4m
к очередная попытка
свое мнение!

6

1

8

Патриот123: 18m
Неужели вы не понимаете,
что это происки врагов?

7

9

3

5

Диванный_Эксперт:
На подобные исследо
тратятся миллионы, а
от них нет никакого!

5

2

3

ТОМ НИКОЛС

СынМаминойПодруги: 21m
Да кого вообще волнует,
что считает этот "эксперт"???

7

2

10

5

Том Николс
Смерть экспертизы
Как интернет убивает научные знания

Tom Nichols

THE DEATH OF EXPERTISE: THE CAMPAIGN AGAINST ESTABLISHED KNOWLEDGE AND WHY IT MATTERS, FIRST EDITION

© Oxford University Press 2017 «THE DEATH OF EXPERTISE: THE CAMPAIGN AGAINST ESTABLISHED KNOWLEDGE AND WHY IT MATTERS, FIRST EDITION was originally published in English in 2017. This translation is published by arrangement with Oxford University Press. Eksmo is solely responsible for this translation from the original work and Oxford University Press shall have no liability for any errors, omissions or inaccuracies or ambiguities in such translation or for any losses caused by reliance thereon.»

© Платонова Т.Л., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Оглавление

[Предисловие](#)

[Вступление Гибель экспертного знания](#)

[Что впереди](#)

[1 Эксперты и дилетанты](#)

[Нация любителей объяснять](#)

[Новое ли это явление?](#)

[Проблема не нова. А проблема ли это?](#)

[Время недостаточно информированных избирателей](#)

[Эксперты и обычные люди](#)

[2 Разговоры стали утомительны](#)

[Мне спор, пожалуйста](#)

[Возможно, все мы просто глупы](#)

[Склонность подтверждать свою точку зрения](#)

[Бабушкины сказки, суеверия и теории заговора](#)

[Стереотипы и обобщения](#)

[Я нормальный и вы нормальный как бы](#)

[3 Высшее образование: клиент всегда прав](#)

[Семь волшебных лет](#)

[Добро пожаловать, дорогие клиенты](#)

[Можно просто отправить электронную почту?](#)

[Типичный университет](#)

- [Не судите меня строго](#)
- [Колледж – не островок безопасности](#)
- 4 [Давай загуглю: как неограниченное количество информации отупляет](#)**
- [Возвращение закона Старджона](#)
- [Что в интернете фальшивка? Все](#)
- [Конечно, это безопасно. Я смотрел в Google](#)
- [Мудрость мегатолп](#)
- [Удаляю тебя из списка друзей](#)
- 5 [Много «новой» журналистики](#)**
- [Я прочитаю об этом в газете](#)
- [Слишком много хорошо – тоже нехорошо](#)
- [Радио убило звезду видео](#)
- [Американские заложники: День 15 000-й](#)
- [Никому не доверяй](#)
- [Кто умнее – зрители или эксперты?](#)
- [Что нужно делать](#)
- 6 [Когда эксперты ошибаются](#)**
- [Экспертов просят не беспокоиться](#)
- [Ошибки бывают разными](#)
- [Когда эксперт обманывает](#)
- [Я думал, ты студент pre-med\[38\]](#)
- [Я предсказываю!](#)
- [Восстановление отношений](#)
- [Заключение Эксперты и демократия](#)
- [«Эксперты отвратительны»](#)
- [Компетентность и демократия: смертельный штопор](#)
- [Те, кто знает, и те, кто решает](#)
- [Республика, если вы понимаете, что это значит](#)
- [А я не хуже тебя](#)
- [Восстание экспертов](#)

* * *

Посвящается Линн Мэри Николс и Хоуп Вирджинии Николс Первоклассной жене и бесподобной дочери

Предисловие

«Гибель экспертного знания» – это одна из тех фраз, что торжественно заявляют о собственной важности. Подобное название рискует отпугнуть массу читателей прежде, чем они откроют эту книгу, или даже заставить их специально искать в книге ошибки, чтобы просто поставить автора на место. Мне понятна такая реакция, потому что я сам испытываю похожие чувства, когда слышу любые огульные заявления. В нашей культурной

и литературной жизни преждевременно хоронили многие понятия: позор, здравый смысл, мужественность, женственность, детство, хороший вкус, грамотность, оксфордскую запятую и т. д. Последнее, в чем мы нуждаемся, – это в еще одной хвалебной оде в адрес того, что, как мы знаем, еще не до конца умерло.

И хоть экспертное знание, или профессиональная компетентность, еще не погибло окончательно, ему грозит опасность. Что-то явно идет не так. В настоящее время Соединенные Штаты – страна, зацикленная на преклонении перед собственным невежеством. И дело не только в том, что люди не обладают достаточными знаниями в области науки или политики, или географии. Все так и есть. Но эта проблема не нова. И на самом деле, это даже не проблема, пока мы живем в обществе, которое функционирует благодаря разделению труда – системе, которая предназначена для того, чтобы освободить нас от необходимости знать все обо всем. Пилоты управляют самолетами, адвокаты подают жалобы в суд, врачи назначают лекарства.

Никто из нас не да Винчи, рисующий «Мону Лизу» по утрам и проектирующий вертолеты по ночам. Так и должно быть.

Нет, гораздо большей проблемой является то, что мы *гордимся* своим незнанием. Американцы достигли того предела, когда незнание, особенно в том, что касается общественно-политических вопросов, является фактически достоинством. Отвергнуть мнение экспертов означает отстаивать свою независимость – способ американцев защитить свое все более ранимое самолюбие от возможных обвинений в том, что они чего-то не знают. Это новая Декларация независимости: мы теперь «считаем за очевидные истины» не только, что «все люди сотворены равными, что им даны их Творцом некоторые неотъемлемые права» и т. д., а любые мнения, даже заведомо неверные. Все поддается пониманию всякого, и каждое суждение по любому предмету так же хорошо, как любое другое.

Это не то же самое, что традиционная американская нелюбовь к интеллектуалам и всезнайкам. Я профессор, и я понимаю, что большинство людей не любят профессоров. Я начинал свою преподавательскую карьеру почти три десятилетия назад, когда работал в колледже недалеко от своего родного города. И время от времени я заезжал туда, чтобы провести своих и зайти в маленькую закусочную, которой владел мой брат. Однажды вечером, после моего ухода один из посетителей обратился к моему брату с вопросом: «Он ведь профессор, да? В любом

случае он кажется мне хорошим парнем». Если у вас такая же профессия, что и у меня, вы, должно быть, уже привыкли к этому.

Но вовсе не потому я взялся писать эту книгу. Интеллектуалы, которые выходят из себя из-за колких замечаний по поводу ненужности интеллектуалов, должны найти себе иной род занятий. Я работал преподавателем, советником по политическим вопросам, экспертом как в государственных, так и в частных организациях, выступал в качестве комментатора в различных средствах массовой информации. Я привык к тому, что люди бывают не согласны со мной. На самом деле, я приветствую это. Аргументированные, принципиальные споры – это признак интеллектуального здоровья и жизнеспособности демократического общества.

Скорее, при написании этой книги я руководствовался своей обеспокоенностью. Аргументированных и принципиальных споров больше не увидишь. В настоящее время уровень фундаментальных знаний среднестатистического американца так упал, что он пробил границу «невежественного человека», прошел черту «неверно информированного», а теперь катится в сторону «агрессивно заблуждающегося». Люди не просто верят глупостям, они активно сопротивляются процессу познания и не хотят отказываться от своих неверных убеждений.

Мне не довелось жить в Средние века, поэтому я не могу сказать, что это беспрецедентное явление, но на моей памяти подобного не было.

Это вовсе не означает, что я впервые задумался над подобным вопросом. В конце 1980-х годов, когда я работал в Вашингтоне, я наблюдал, как в самом обыденном разговоре люди мгновенно начинают учить меня тому, что следует сделать в определенных сферах деятельности, особенно в тех, которыми я занимался – контроль над вооружениями и внешняя политика. (Как обычно, совет был замаскирован словечком «они», например, как во фразе «им давно следовало бы...») Я был молод, и еще не успел стать закаленным экспертом, но меня поразила манера, с которой люди, не имевшие ни малейшего представления об этих предметах, уверенно советовали мне, как наилучшим образом достичь мира между Москвой и Вашингтоном.

В какой-то степени это понятно. Политика предполагает дискуссию. Люди хотят быть услышанными. Особенно актуально это было в годы холодной войны, когда ставки были слишком высоки – мир находился на грани уничтожения. Я признавал, что это неизбежная цена, которую платят люди, занимающиеся публичной политикой. Со временем я обнаружил, что другие

специалисты в различных политических областях сталкиваются с похожими проблемами, когда непрофессионалы вовлекают их в разного рода дискуссии о налогах, бюджете, иммиграционной политике, защите окружающей среды и многих других проблемах. Если вы эксперт в области политики, то это неотъемлемая часть вашей работы.

Впоследствии, однако, я начал слышать похожие истории от врачей. И от адвокатов. И от преподавателей. И, как оказалось, от многих других профессионалов, рекомендации которых оспаривать не принято. Эти истории удивили меня: вместо того чтобы задавать разумные вопросы, пациенты или клиенты настойчиво объясняли профессионалам, почему их совет ошибочен. В каждом случае сама мысль о том, что специалист знает, что он или она делает, отвергалась изначально.

Все поддается пониманию всякого, и каждое суждение по любому предмету так же хорошо, как любое другое.

Более того, сегодня меня особенно поражает не то, что люди отмахиваются от мнения экспертов, а то, что они делают это так часто, в самых разных ситуациях и с таким *гневом*. Возможно также, что нападки на экспертное знание стали более заметны из-за вездесущего Интернета, неупорядоченной природы обсуждения в социальных сетях или поступления новостей круглосуточно.

Но в таком неприятии экспертного знания присутствует столь явная уверенность в собственной правоте и такое неистовство, что это свидетельствует – по крайней мере, на мой взгляд – что это не столько недоверие, вопрос или поиск альтернатив, сколько нарциссизм в сочетании с презрением к чужой компетентности, то есть своего рода попытка самоутверждения.

А это лишь усиливает давление на экспертов, и им все сложнее призывать к разуму людей. Каков бы ни был предмет обсуждения, возможность конструктивного спора всегда разбивается о возмущенное эго, и все остаются при своих мнениях. А иногда это негативно сказывается на профессиональных отношениях и даже дружбе. Сегодня вместо споров от экспертов ждут того, чтобы они принимали подобные возражения, как честное заявление об иной позиции по конкретному вопросу. Мы должны «соглашаться – не соглашаться» – фраза, которая в настоящее время используется без разбора, чтобы, в том числе, погасить пламя жаркой дискуссии. А если мы настаиваем на том, что не все является делом вкуса, что какие-то вещи верны, а какие-то нет – что ж, тогда мы просто ничтожества в их глазах.

Возможно, я просто являюсь примером изменений, происходящих от одного поколения к другому. Я рос в 1960–1970-х годах – в эпоху, когда экспертам, может быть, слишком доверяли. Это было опьяняющее время: Америка не только находилась на переднем крае науки, но и была бесспорным мировым лидером. Мои родители были грамотными, но не образованными людьми, которые, подобно большинству американцев, полагали, что люди, отправившие человека на Луну, вероятно, были правы и в отношении большинства других важных вопросов. Я воспитывался не в атмосфере бесспорного подчинения властям, но в целом моя семья была типична в том, что верила, что люди, специализирующиеся в самых разных сферах, от ортопедии до политики, знают, что они делают.

Как верно указывают критики экспертного знания, в те дни мы доверяли людям, которые не только отправили Нила Армстронга в точку посреди Моря Спокойствия, но и многих менее известных американцев в такие места, как Кхешань и долина Йа-Дранг во Вьетнаме.

Доверие общества к экспертам и политическим лидерам было не только потеряно, им злоупотребили.

Теперь, однако, мы движемся в другом направлении. У нас нет здорового скептицизма по отношению к экспертам: вместо этого мы активно возмущаемся ими. А большинство людей полагает, что эксперты неправы просто по факту того, что они эксперты. Мы освистываем «яйцеголовых» – бранное слово, вновь вошедшее в моду – когда учим наших врачей тому, какие лекарства нам нужны, или когда убеждаем учителей в том, что ответы наших детей в тестовом задании верны, даже если они допустили ошибки. Каждый из нас не только так же умен, как любой другой – мы все считаем, что мы самые умные люди на земле.

Вместо того чтобы задавать разумные вопросы, пациенты или клиенты настойчиво объясняли профессионалам, почему их совет ошибочен. В каждом случае сама мысль о том, что специалист знает, что он или она делает, отвергалась изначально.

И никогда еще мы не ошибались так сильно.

Я должен поблагодарить очень многих людей за помощь в создании этой книги, но еще больше тех, кто не хотел бы, чтобы его ассоциировали с теми взглядами и выводами, что представлены в этой книге.

Впервые я написал пост под названием «Гибель экспертного знания» (“The Death of Expertise”) для своего личного блога «Военная комната^[1]» (“The War

Room”) еще в 2013 году. Этот пост заметил Шон Дейвис из онлайн-журнала The Federalist. Он связался со мной и предложил сделать из этого текста статью. Я благодарен Шону и The Federalist за то, что разместили мой материал, где его вскоре прочитало свыше миллиона человек по всему миру. Позже статью увидел Дэвид Макбрайд и в свою очередь обратился ко мне с предложением создать на основе ее главного тезиса книгу. Благодаря его редакторскому опыту и советам мы смогли сделать эту дискуссию более масштабной. И я благодарен ему и издательству, а также всем анонимным рецензентам будущей книги за то, что данный проект воплотился в жизнь.

Мне посчастливилось поработать в Военно-морском колледже США, и многие из моих коллег по нему, включая Дэвида Бёрбаха, Дэвида Купера, Стива Нотта, Дерека Реверона и Пола Смита, помимо прочих, дали свои комментарии и материалы. Но мнения и выводы в этой книге только мои: они никоим образом не представляют взгляды любого другого учреждения или правительственного органа США.

Несколько моих друзей и партнеров по переписке, представители разных профессий, были достаточно любезны, согласившись оставить свои комментарии, прочитать главы книги или предоставить ответы на разного рода вопросы, что находятся вне сферы моей компетенции, включая Эндрю Фачини, Рона Граньери, Тома Хенджвельда, Дэна Казету, Кевина Круза, Роба Мики, Линду Николс, Брендана Найхена, Уилла Сейлтена, Ларри Сейнджера, Джона Шиндлера, Джоша Шихена, Роберта Тробича, Майкла Уэйсса, Салену Зито и особенно Дэна Мерфи и Джоэла Энджела. Отдельную благодарность я хочу выразить Дэвиду Бекеру, Нику Гвоздеву и Полу Мидуре за их комментарии по нескольким черновикам рукописи.

Я весьма признателен Школе расширенного образования Гарвардского университета не только за возможность обсудить программу со студентами, но еще и за многочисленных превосходных ассистентов из числа студентов, которых школа предоставляет своему преподавательскому составу. Кейт Эйрлайн была бесценным ассистентом на этом проекте: она быстро и со знанием дела разбиралась даже с самыми необычными запросами. (Хотите знать, сколько точек быстрого питания открылось в Америке, начиная с 1959 года? Кейт может найти ответ на этот вопрос.) Но при этом любые фактические ошибки или неправильные толкования в данной книге мои и только мои.

Написание книги может быть удивительным и увлекательным опытом для автора, но не настолько приятным для окружающих его людей. Моя жена Линн и моя дочь Хоуп проявили максимум терпения, когда я работал над

этой книгой, и я безмерно благодарен им за то, что терпели меня в этот период. Эту книгу я посвящаю им обеим, с любовью.

И, наконец, я должен поблагодарить тех людей, кто помогал мне в процессе написания моей книги, но кто по объективным причинам не хочет, чтобы их имена называли. Я благодарен многочисленным профессиональным медикам, журналистам, адвокатам, представителям системы образования, политическим аналитикам, ученым, научным сотрудникам, военным экспертам и другим, кто делился своим опытом и рассказами, вошедшими в эту книгу. Я бы не написал ее без них.

Я надеюсь, что в каком-то смысле эта книга поможет им и другим экспертам в их дальнейшей работе. Но в конечном итоге клиенты профессионалов из любых областей – это представители общества, в котором они живут. И поэтому я особенно надеюсь, что данная книга поможет моим соотечественникам лучше понимать и пользоваться услугами экспертов, от которых мы все зависим. Более того, я надеюсь, что эта работа внесет свой вклад в дело уничтожения раскола между экспертами и обычными людьми, который в будущем грозит не только благополучию миллионов американцев, но также ставит под угрозу выживание нашего демократического опыта.

Каждый из нас не только так же умен, как любой другой – мы все считаем, что мы самые умные люди на земле. И никогда еще мы не ошибались так сильно.

Вступление

Гибель экспертного знания

У нас существует культ невежества. Он был вместе с нами с самого основания этой страны. Подобно штамму вируса, невежество проникает во все уголки политической и культурной жизни, подпитываясь ложными заявлениями о равенстве знания и незнания. Люди часто говорят: «Мое невежество ничем не хуже вашего знания».

Айзек Азимов

В начале 1990-х годов маленькая группа ВИЧ-диссидентов, включая профессора Калифорнийского университета Питера Дюсберга, оспаривала единодушное мнение всего медицинского сообщества о том, что вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) является причиной возникновения СПИДа. Наука развивается благодаря таким неожиданным задачам. Но в подтверждение точки зрения Дюсберга не было найдено никаких

доказательств, и в конечном итоге она оказалась безосновательной. Когда ученые обнаружили ВИЧ, врачи и медицинские работники смогли спасти бесчисленное количество жизней благодаря мерам, нацеленным на предотвращение его передачи.

Работа Дюсберга могла завершиться подобно другим причудливым теориям, развенчанным научными исследованиями. История науки изобилует подобными тупиковыми проектами. Но в данном случае дискредитированная идея привлекла внимание национального лидера, что привело к ужасным последствиям. Табо Мбеки, который был тогда президентом Южно-Африканской Республики, ухватился за идею о том, что СПИД вызывает не вирус, а другие факторы, такие как скудное питание и плохое здоровье. А потому он отказался от предложенных медицинских препаратов и других видов помощи для борьбы с ВИЧ-инфекцией в Южной Африке.

К середине 2000-х годов его правительство пошло на попятную, но решение Мбеки в итоге дорого обошлось стране: как подсчитали врачи из Гарвардской школы здравоохранения, погибло свыше трехсот тысяч человек, а около тридцати пяти тысяч родившихся детей были ВИЧ-инфицированы, что можно было предотвратить^[1]. Мбеки по сей день уверен, что обладал тогда ценными сведениями.

Большинство американцев, возможно, лишь презрительно усмехнутся над подобным невежеством. Но на их месте я бы не был так уверен в своих собственных способностях. В 2014 году Washington Post провела опрос американцев относительно того, должны ли Соединенные Штаты прибегать к вооруженному вмешательству в связи с конфликтом между Россией и Украиной. Соединенные Штаты и Россия – бывшие противники в холодной войне, каждая из стран имеет в своем распоряжении сотни межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками. Военный конфликт в центре Европы, прямо на границе с Россией, таит опасность разжигания Третьей мировой войны, с катастрофическими последствиями. И при этом только один из шести американцев – и один из четырех выпускников колледжей – могли найти Украину на карте мира. Украина – самая большая страна, находящаяся целиком в Европе, но среднестатистический респондент все равно находится от нее на расстоянии целых 1800 миль.

Тест с картой легко провалить. Гораздо большее беспокойство вызывает тот факт, что отсутствие этих знаний не остановило респондентов в их стремлении высказать довольно острые взгляды на проблему. Я бы даже

выразился точнее: публика не только высказывала свои острые мнения, степень поддержки военного вторжения в Украину была прямо пропорциональна степени невежества респондента относительно нее. Другими словами, люди, которые считали, что Украина находится в Латинской Америке или в Австралии, проявляли наибольший энтузиазм относительно применения военной силы со стороны Соединенных Штатов^[2].

Наступили опасные времена. Никогда еще так много людей не имело такого доступа к столь обширным знаниям, и при этом не выражало стойкое нежелание узнать что-то. В Соединенных Штатах и других развитых странах умные на первый взгляд люди недооценивают интеллектуальные достижения и отвергают советы экспертов.

Растет количество непрофессионалов, которым не хватает базовых знаний и которые к тому же отвергают очевидные факты и отказываются учиться рассуждать логически. Поступая так, они рискуют отмахнуться от многовековых накопленных знаний и подорвать те практики и привычки, благодаря которым мы получаем новую информацию и опыт.

И это не просто естественный скептицизм по отношению к экспертам. Боюсь, что сейчас мы наблюдаем процесс *обесценивания экспертного знания в любой области*; спровоцированное Google, Wikipedia и блогами стирание любых границ между профессионалами и дилетантами, студентами и преподавателями, знающими и просто любопытствующими – другими словами, между теми, кто достиг определенных успехов в какой-то конкретной области, и теми, кто этим похвастаться не может.

Нападки на традиционную систему знаний и последующий поток некачественной информации, льющийся в публичном пространстве, иногда вызывает удивление. А иногда даже забавляет. Комики из вечерних шоу создали свой маленький бизнес – задавать людям вопросы, обнаруживающие их невежество в отношении тех идей, которых они строго придерживаются, тягу к повальным увлечениям и нежелание признавать отсутствие всякого представления о текущих событиях. Наименее безобидна та ситуация, когда люди многозначительно говорят, например, что избегают продуктов с глютеном, а потом вынуждены признаться в том, что понятия не имеют, что такое глютен. И давайте уж говорить прямо: во все времена забавно наблюдать за тем, как люди уверенно высказывают свои поспешные мнения по поводу таких бредовых сценариев как, например, «является ли отсутствие Маргарет Тэтчер в долине Коачелья выгодным в плане принятия Северной Кореей решения запустить ракету».

Но когда на кону вопрос жизни и смерти, здесь точно не до смеха. Забавные ужимки таких «борцов с прививками», как актеры Джим Керри и Дженни Маккарти, бесспорно, обеспечивают высокий телевизионный рейтинг или приятное времяпрепровождение за чтением Twitter. Но когда они и другие несведущие знаменитости и публичные фигуры цепляются за выдумки и непроверенную информацию относительно опасности вакцинации, миллионы людей могут в одночасье подвергнуться серьезной опасности таких вполне предотвратимых недугов, как корь или коклюш.

Другими словами, люди, которые считали, что Украина находится в Латинской Америке или в Австралии, проявляли наибольший энтузиазм относительно применения военной силы со стороны Соединенных Штатов.

Подобный рост упрямого нежелания знать в разгар информационного века нельзя объяснить простым невежеством. Многие из тех, кто выступает против традиционной системы знаний, в своей будничной жизни – умелые и успешные люди. В каком-то смысле это еще *хуже*, чем незнание: это безосновательная самонадеянность, озлобленность растущей культуры нарциссизма, не способной пережить малейшего намека на любого рода неравенство.

Под «гибелью экспертного знания» я имею в виду не утрату фактической способности системно изучать вопросы, знания специфических вещей, которые отделяют одних людей от других в различных сферах деятельности. Врачи и дипломаты, адвокаты и инженеры, многие другие специалисты в разных областях будут всегда. Без них жизнь нашего мира остановится. Если мы получим травму или нас арестуют, мы обратимся к врачу или адвокату. Когда мы путешествуем, то считаем само собой разумеющимся, что пилот знает, как работает самолет. Если мы попадем в беду за границей, то свяжемся с консулом, который, как мы считаем, знает, что нужно делать в данной ситуации.

Но это своего рода доверие экспертам, как техническим специалистам. В данном случае это не диалог между экспертами и обществом, а использование традиционных знаний как готового товара по мере необходимости, и только в желаемой степени. Зашейте мне рану на ноге, но не читайте лекций о моей диете. (Более двух третей американцев страдают от избыточного веса.) Помогите мне разобраться с налоговой проблемой, но не напоминайте мне, что я должен составить завещание. (Примерно половина американцев, у которых есть дети, не потрудились составить завещания.) Защищайте безопасность моей страны, но не морочьте мне

голову расчетами затрат на ее поддержание. (Большинство американских граждан не имеет ни малейшего представления о том, сколько Соединенные Штаты тратят на содержание вооруженных сил.)

Все эти вопросы, от диеты до национальной безопасности, требуют диалога между гражданами и экспертами. Но, похоже, граждан все меньше интересует этот диалог. Они предпочитают верить, что обладают достаточной информацией, чтобы самостоятельно принять эти решения, при условии, что они вообще хотят их принимать.

С другой стороны, многие эксперты, и, в частности, из академических кругов, не проявляют желания вступать в контакт с публикой. Они прибегают к профессиональной лексике и предпочитают взаимодействовать только между собой. Тем временем люди, занимающие среднюю позицию, которых мы часто называем «публичными интеллектуалами» – хотелось бы думать, что я один из них – становятся такими же раздраженными и разочарованными, как и все остальное общество, разделенное на два лагеря.

Гибель экспертного знания – это не только отказ от традиционной системы знаний. Это, по сути дела, отказ от науки и беспристрастной рациональности, которые лежат в основе современной цивилизации. Это признак, как отметил однажды арт-критик Роберт Хьюз, описывая Америку двадцатого века, «государства, одержимого терапиями и исполненного недоверием к реальной политике», вечно «скептически настроенного к властям» и «являющегося жертвой предрассудков». Мы прошли полный цикл от древних времен, когда народная мудрость заполняла неизбежные провалы в человеческих знаниях, к периоду стремительного развития, основанного всецело на разделении труда и экспертных знаниях. И теперь мы живем в постиндустриальном, информационно ориентированном мире, где все граждане считают себя экспертами во всем.

Между тем любое экспертное суждение, высказанное реальным специалистом, вызывает взрыв гнева в определенных слоях американского общества, которые тут же начинают возмущаться, что подобные утверждения – не что иное, как ошибочные «призывы к властям», явное свидетельство «ужасной элитарности» и очевидная попытка использовать свой профессиональный опыт, чтобы задушить диалог, необходимый для «реальной» демократии. Американцы сейчас уверены в том, что обладание равными правами в политической системе также означает, что мнение каждого человека по любому вопросу должно считаться равнозначным любому другому. Это убеждение значительной части людей – хоть оно

и откровенный вздор. Подобное невразумительное утверждение о равенстве всегда будет нелогичным, иногда забавным и зачастую опасным. В таком случае эта книга посвящена экспертному знанию. Или, если быть точнее, взаимоотношениям экспертов и граждан в демократическом обществе, и почему эти отношения рушатся, и что нам всем, гражданам и экспертам, следует делать в связи с этим.

Наименее безобидна та ситуация, когда люди многозначительно говорят, например, что избегают продуктов с глютеном, а потом вынуждены признаться в том, что понятия не имеют, что такое глютен.

Первая реакция большинства людей, когда они сталкиваются с проблемой гибели экспертного знания – обвинять во всем Интернет. Профессионалы в особенности склонны видеть в нем корень зла, когда они общаются с клиентами, которые считают, что знают все лучше. Как мы убедимся позднее, это не всегда неправильно, но такое объяснение слишком простое. Нападки на традиционную систему знаний имеют долгую историю, а Интернет – всего лишь новейший инструмент, воскрешающий старую проблему, которая в прошлом возникала вокруг радио, телевидения, печатного станка и других изобретений.

Так из-за чего весь шум? Что изменилось столь кардинально, что стало для меня причиной написания этой книги? Действительно ли мы наблюдаем процесс гибели экспертного знания, или это не более чем обычные жалобы интеллектуалов, которых никто не слушает, разве что учитывают их условный статус самых умных среди собравшихся? Может быть, это просто беспокойство, которое возникает среди профессионалов по поводу нездоровых тенденций, усиливающихся после каждого цикла социальных или технологических изменений. Или же это всего лишь типичное проявление возмущенного тщеславия чересчур образованных, причисляющих себя к интеллектуальной элите профессоров, вроде меня.

Это не диалог между экспертами и обществом, а использование традиционных знаний как готового товара по мере необходимости, и только в желаемой степени. Зашейте мне рану на ноге, но не читайте лекций о моей диете.

В самом деле, может, гибель экспертного знания – это признак прогресса? В конце концов, образованные профессионалы уже больше не обладают безраздельным господством над сферой знаний. Тайны жизни больше не спрятаны в гигантских мраморных мавзолеях, огромных библиотеках мира, чьи залы смущают даже тех сравнительно немногих людей, кто может их посещать. В подобных обстоятельствах в прошлом между экспертами

и обычными людьми было меньше напряжения, но лишь потому, что граждане были просто не способны сколько-нибудь всерьез противостоять экспертам. Более того, во времена, предшествовавшие эпохе появления средств массовых коммуникаций, было мало возможностей для подобной дискуссии.

Участие в политической, интеллектуальной и научной жизни вплоть до начала двадцатого века было гораздо более ограниченным, и дебаты на тему науки, философии и публичной политики велись внутри маленького круга образованных мужчин, вооруженных перьями и чернилами.

И нельзя сказать, чтобы это были так называемые «старые добрые времена», события давно минувших дней. То время, когда большинство людей не заканчивали средней школы, когда лишь немногие поступали в колледж, и крохотная часть населения получала профессию, все еще живо в памяти многих американцев.

Всего за последние полвека социальные изменения окончательно разрушили старые расовые, классовые и иные барьеры не только между американцами в целом, но также и между необразованными гражданами и экспертами в частности. Более широкий круг обсуждения означал больший уровень знаний, но и большую степень социального взаимодействия. Всеобщее образование, неограниченные права для женщин и меньшинств, рост среднего класса и увеличившаяся социальная активность – все это привело маленькую группу экспертов и огромную массу граждан, которые почти два столетия до этого редко общались друг с другом, в непосредственное соприкосновение друг с другом.

Но при всем при этом уважения к знаниям не стало больше – напротив, усилилось необъяснимое убеждение, бытующее среди американцев, что каждый из них так же умен, как любой другой. А это – отрицание образования, цель которого приучить людей, вне зависимости от того, насколько они умны или способны, учиться всю оставшуюся жизнь. Но сейчас мы живем в обществе, где приобретение даже самого малого знания является конечной, а не начальной точкой образования. И это опасная вещь.

Что впереди

В последующих главах я назову несколько источников данной проблемы. Часть из них обусловлена человеческой природой, какие-то характерны исключительно для Америки, а другие же – неизбежный продукт современной эпохи с ее изобилием.

В следующей главе мы обсудим понятие «эксперт» и то, является ли конфликт между экспертами и непрофессионалами таким уж новым. Что вообще означает быть экспертом?

Когда вам нужно принять непростое решение по вопросу, находящемуся вне вашего опыта или компетенции, к кому вы обратитесь за советом? (Если вы считаете, что вам не нужен ничей совет, то вы, скорее всего, один из тех людей, кто вдохновил меня написание этой книги.)

Во второй главе я исследую, почему разговор в Америке стал таким утомительным процессом не только между экспертами и рядовыми гражданами, но и в целом. Если быть честными, то мы должны признать, что каждый из нас может быть дотошным и даже разгневанным, когда мы говорим о вещах, которые много значат для нас, особенно в том, что касается наших твердых убеждений и идей. Большинство препятствий в общении между экспертами и их клиентами заключены в изначальных человеческих слабостях. И в этой главе мы начнем с того, что изучим естественные барьеры, препятствующие лучшему пониманию друг друга. А уже затем более пристально рассмотрим конкретные проблемы начала двадцать первого века.

Мы все страдаем от такого рода проблем, как, например, склонности к подтверждению своей точки зрения – естественной тенденции соглашаться с теми фактами, которые подтверждают то, во что мы уже верим. У нас у всех есть свой личный опыт, свои предрассудки, страхи и даже фобии, которые не позволяют нам принять совет специалиста. Если мы верим, что определенное число приносит удачу, то ни один математик не разубедит нас в этом. Если мы убеждены в том, что летать опасно, то ни космонавт, ни пилот истребителя не сможет развеять наши страхи. И некоторые из нас, как бы неделикатно это ни прозвучало, недостаточно умны, чтобы понимать, когда мы ошибаемся, вне зависимости от того, какими намерениями мы руководствуемся. Так же, как не все одинаково способны правильно взять ноту или начертить прямую линию, многие люди просто не могут заметить пробелы в собственных знаниях или понять свою неспособность вести аргументированный спор.

Образование помогает нам осознать проблемы вроде указанной склонности и заполнить пробелы в наших знаниях, чтобы мы могли чувствовать себя увереннее и лучше. К сожалению, современная американская университетская система, и то, что студенты и их родители воспринимают ее, как заурядный предмет потребления, является в настоящее время частью проблемы.

В третьей главе мы обсудим, почему широкая доступность университетского образования – как это ни парадоксально – заставляет многих людей думать, что они стали умнее, когда на самом деле приобрели лишь иллюзорные знания, подкрепленные дипломом сомнительного достоинства. Когда студенты становятся ценными клиентами, вместо того чтобы быть учениками, у них сразу же повышается самооценка, но почти не прибавляется знаний. Хуже того, у них не развивается привычки к критическому мышлению, что позволило бы им продолжать учиться и оценивать разного рода сложные проблемы, которые им придется обдумывать и решать в качестве граждан своей страны.

Уважения к знаниям не стало больше – напротив, усилилось необъяснимое убеждение, бытующее среди американцев, что каждый из них так же умен, как любой другой. А это – отрицание образования, цель которого приучить людей, вне зависимости от того, насколько они умны или способны, учиться всю оставшуюся жизнь.

Современная эпоха технологий и коммуникаций дает возможность совершить гигантские скачки в приобретении знаний, но при этом она потакает нашим слабостям и усиливает их. Хотя Интернет и не единственный, кто виноват в гибели экспертного знания, но он – одна из главных причин происходящего, по крайней мере, в двадцать первом веке. В четвертой главе я исследую, каким образом самый главный источник знаний в человеческой истории со времен Гутенберга стал практически основой для нападков на традиционную систему знаний. Интернет это богатейшее хранилище знаний, но в то же время – средство распространения повальной дезинформации. Интернет не только отупляет многих из нас, он делает нас более жестокими: сидя в одиночестве за клавиатурой, люди склонны больше спорить, чем обсуждать, и больше оскорблять, чем слушать.

В свободном обществе журналисты должны быть в числе самых важных судей в большой неразберихе между невежеством и образованностью. А что происходит, когда граждане требуют, чтобы их развлекали, а не информировали? Эти насущные вопросы мы обсудим в пятой главе.

Когда мы хотим получить информацию, то доверяем средствам массовой информации, которые отделят факты от вымысла и сделают сложные темы понятными для людей, не обладающих массой свободного времени и силами, чтобы отслеживать все тенденции в нашем активном мире. Однако в эпоху информационного века профессиональные журналисты сталкиваются с новыми проблемами. И это не только почти неограниченное,

по сравнению с опытом пятидесятилетней давности, эфирное время и газетная площадь под новости. Потребители ждут, чтобы все это информационное пространство заполнялось мгновенно и обновлялось непрерывно.

В этой сверхконкурентной медийной среде у редакторов и продюсеров уже не хватает терпения – или финансовых возможностей – позволять журналистам расширять и наращивать свою профессиональную компетентность или углублять знания относительно конкретного предмета. И нет никаких признаков того, что большинству потребителей новостей необходимо подобное. Экспертов зачастую низводят до производителей кадров дня или «броских цитат» – если вообще консультируются с ними. И каждый, кто вовлечен в информационную индустрию, знает, что если эти эксперты недостаточно симпатичны, или презентабельны, или способны развлекать публику, то переменчивая зрительская аудитория найдет менее утомительную альтернативу, просто кликнув мышкой или нажав кнопку телевизионного пульта.

Эксперты не непогрешимы. Они уже совершали ужасные ошибки с катастрофическими последствиями. Защищать экспертов в современной Америке означает неминуемо выслушивать бесконечный список этих катастроф и ошибок: талидомид, Вьетнам, «Челленджер», предупреждения о губительности привычки потреблять в пищу яйца. (Можете спокойно ими наслаждаться. Из списка вредных продуктов их исключили.) Эксперты, вполне понятно, возражают на это: делать подобные заявления равносильно тому, как если бы мы помнили одну-единственную авиакатастрофу и игнорировали миллиарды миль безаварийных перелетов. Возможно, они правы, но иногда самолеты *действительно* падают, и некоторые авиакатастрофы происходят из-за ошибок экспертов.

В шестой главе мы рассмотрим, что происходит, когда эксперты оказываются неправы. Причины могут быть разными – от откровенного мошенничества до продиктованной благими намерениями, но заносчивой уверенности в собственных способностях. И иногда, подобно другим людям, они просто ошибаются. Однако обычным людям важно понимать, как и почему эксперты могут оказаться неправы. Не только для того, чтобы помочь гражданам более эффективно пользоваться услугами экспертов, но и для того, чтобы объяснить, как эксперты контролируют друг друга, и какие меры принимают, чтобы исключить некомпетентность. В противном случае ошибки экспертов становятся почвой для споров, где обе стороны исходят из неверной или непроверенной информации, а результатом является одновременно раздражение экспертов от того, что их профессиональная

компетентность ставится под сомнение, и полная уверенность публики, что эксперты не имеют представления, что делают.

И, наконец, в заключение мы обсудим самый опасный аспект гибели экспертного знания: как это подрывает американскую демократию. Соединенные Штаты – это республика, в которой люди уполномочивают других принимать решения от их имени. Эти избранные представители не могут справляться со всеми вопросами и обращаются за помощью к экспертам и профессионалам. В противоположность мнению большинства людей, эксперты и политики – это разные люди. И если смешивать тех и других, как это часто делают американцы, то стирается доверие между экспертами, гражданами и политическими лидерами.

Если мы верим, что определенное число приносит удачу, то ни один математик не разубедит нас в этом. Если мы убеждены в том, что летать опасно, то ни космонавт, ни пилот истребителя не сможет развеять наши страхи.

Эксперты советуют. Избранные лидеры принимают решения. Чтобы судить о работе экспертов и оценивать решения и мнения их представителей, обычные люди должны поближе познакомиться с подобными вопросами. Это вовсе не означает, что каждый американец должен глубоко погрузиться в политику. Но если граждане не проявляют желаний приобрести базовую грамотность в вопросах, которые влияют на их жизнь, они тем самым сознательно отказываются контролировать эти проблемы, нравится им это или нет. А когда избиратели теряют контроль над такими важными решениями, существует риск, что их демократия падет жертвой невежественных демагогов, или же будет происходить более спокойный и постепенный процесс скатывания их демократических институтов к авторитарной технократии.

Эксперты также облечены одной важной обязанностью в демократическом обществе, которую они в последние десятилетия исполняют все неохотней. Если когда-то публичные интеллектуалы (часто в тандеме с журналистами) стремились сделать важные темы понятными для обычных людей, то сейчас образованные элиты все больше предпочитают общаться исключительно друг с другом. Рядовые граждане, само собой, лишь усиливают эту скрытность, *споря* вместо того, чтобы *задавать вопросы* – важное различие – но это не освобождает экспертов от их долга служить обществу и относиться к своим соотечественникам, как к своим клиентам, а не как к раздражающему фактору.

Интернет это богатейшее хранилище знаний, но в то же время – средство распространения повальной дезинформации. Интернет не только отупляет многих из нас, он делает нас более жестокими: сидя в одиночестве за клавиатурой, люди склонны больше спорить, чем обсуждать, и больше оскорблять, чем слушать.

Эксперты обязаны просвещать. Избиратели обязаны учиться. В конечном итоге, вне зависимости от того, сколько и каких советов дадут профессионалы, только общество способно определить важные направления политики страны.

Только избиратели могут определиться в тех вопросах, которые повлияют на жизнь их семей и страны, и только они несут главную ответственность за эти решения.

Но эксперты должны помогать им. Именно поэтому я написал данную книгу.

Эксперты обязаны просвещать. Избиратели обязаны учиться. В конечном итоге, вне зависимости от того, сколько и каких советов дадут профессионалы, только общество способно определить важные направления политики страны.

Глава 1

Эксперты и дилетанты

ВАШИНГТОН – Разочарованно ссылаясь на то, что долгие годы их слова неверно истолковывали, подавали или просто игнорировали, самые передовые американские эксперты в каждой области коллективно сложили с себя полномочия.

The Onion^[2]

Нация любителей объяснять

Мы все сталкивались с ними. Они есть среди наших коллег, друзей, членов семьи. Они молодые и пожилые, богатые и бедные, кто-то с высшим образованием, а кто-то только с ноутбуком и библиотечной карточкой. Но всех их объединяет одно: они дилетанты, которые уверены в том, что на самом деле являются кладезями знаний. Убежденные в том, что информированы лучше экспертов и обладают более широкими знаниями, чем профессора учебных заведений, а также более проницательны и мудры, чем легковверные массы, они с радостью готовы просветить всех остальных относительно всего – от истории империализма до опасностей вакцинации.

Мы соглашаемся и миримся с такими людьми не в последнюю очередь потому, что прекрасно знаем, что, как правило, у них добрые намерения. Мы даже в какой-то степени испытываем к ним привязанность. Телевизионный сериал 1980-х годов «Веселая компания» (“Cheers”) обессмертил персонажа Клиффа Клейвина, всезнающего почтальона и завсегдатая баров из Бостона. Клифф, подобно своим реальным прототипам, предварял любое утверждение фразой «исследования показали» или «это общеизвестный факт».

Зрители обожали Клиффа, потому что каждому был знаком подобный тип: эксцентричный дядюшка за праздничным семейным обедом, юный студент, приехавший домой на каникулы после важного для него первого года обучения в колледже.

Иногда мы находим подобных людей очаровательными, потому что они были причудливыми исключениями в той стране, что когда-то уважала и доверяла мнениям экспертов. Но за последние несколько десятилетий что-то изменилось. В публичном пространстве все больше и больше доминирует произвольно формирующаяся группа плохо информированных людей, многие из которых самоучки, пренебрежительно относящиеся к традиционному образованию и презирующие любой профессиональный опыт. «Если опыт необходим, чтобы быть президентом», – написал в своем Twitter писатель и карикатурист Скотт Адамс в ходе избирательной кампании 2016 года, «назовите мне ту политическую тему, которую я не смогу освоить за один час при помощи лучших экспертов». Как будто дискуссия с экспертом – это копирование информации с одного компьютера на другой. Мы наблюдаем сейчас, как усиливается закономерность, подобная известному в экономике закону Грешема: он гласит, что «худшие деньги вытесняют из обращения лучшие», а мы живем в эпоху, когда ложная информация вытесняет знания.

Мы наблюдаем сейчас, как усиливается закономерность, подобная известному в экономике закону Грешема: он гласит, что «худшие деньги вытесняют из обращения лучшие», а мы живем в эпоху, когда ложная информация вытесняет знания.

И это очень плохая тенденция. Современное общество не может функционировать без социального разделения труда и доверия к экспертам, профессионалам и интеллектуалам. (Пока я буду использовать эти три термина, как взаимозаменяемые.) Ни один человек не может быть экспертом во всем. Какими бы ни были наши стремления, мы объективно ограничены временными рамками и, бесспорно, нашими способностями. Мы успешны

благодаря существующей профессиональной специализации, а также благодаря тому, что развиваем формальные и неформальные механизмы и практики, позволяющие нам доверять друг другу в других узких сферах деятельности.

В начале 1970-х годов писатель-фантаст Роберт Хайнлайн сказал, и это его изречение впоследствии часто цитировали, что «специализация – удел насекомых». По-настоящему способные люди, писал он, должны уметь делать все, от смены подгузника до управления военным кораблем. Это благородная мысль, которая прославляет человеческую приспособляемость и жизнестойкость, но она ошибочна. Были времена, когда каждый поселенец сам валит лес и сооружал свой дом. Это было не только малопродуктивно, но и позволяло построить только самое примитивное жилье.

Подобный обычай отошел в прошлое не без причины. Когда мы строим небоскребы, мы не ждем, что металлург, определяющий состав стали для балок каркаса, архитектор, который проектирует здание, и стекольщик, который устанавливает окна, окажутся одним и тем же человеком. Поэтому мы можем насладиться видом на город, открывающимся со стоэтажного здания: каждый специалист, пусть он и владеет дополнительными, пересекающимися знаниями, уважает профессиональные способности многих других специалистов и концентрируется на выполнении того, что он или она знает лучше всего. Их взаимное доверие и сотрудничество позволяет получить гораздо лучший конечный продукт, чем если бы они производили его в одиночку.

Самое главное заключается в том, что мы способны действовать эффективно, только признавая границы своих знаний и доверяя профессионализму других. Зачастую мы противимся этому выводу, потому что он подтачивает наше чувство независимости и автономии. Мы хотим верить, что мы способны принимать любые решения, и раздражаемся на тех, кто поправляет нас или говорит, что мы ошибаемся, или учит нас тем вещам, которые мы не понимаем. Эта естественная человеческая реакция, встречающаяся у некоторых, опасна, когда становится распространенным явлением среди целых сообществ.

Новое ли это явление?

Подвержены ли знания большей опасности, и действительно ли в настоящее время гораздо труднее вести разговор и обсуждение, чем пятьдесят или сто лет назад? Интеллектуалы всегда жалуются на дремучесть своих соотечественников, а обычные люди всегда не доверяли умникам

и экспертам. Насколько нова эта проблема и насколько серьезно нам следует относиться к ней?

Самое главное заключается в том, что мы способны действовать эффективно, только признавая границы своих знаний и доверяя профессионализму других.

Зачастую подобный конфликт в публичном пространстве – это всего лишь предсказуемый шум, усиленный Интернетом и социальными сетями. Интернет накапливает неважные факты и незрелые идеи, а потом распространяет эту скверного качества информацию и неубедительную аргументацию по всему виртуальному миру.

(Представьте себе, что происходило бы в 1920-е годы, если бы у каждого чудака в каждом маленьком городке была бы своя радиостанция?) Нельзя сказать, что люди стали откровенно глупее или меньше хотят слушать экспертов, чем сотню лет назад: просто сейчас каждого из этих людей стало слышно.

Кроме того, определенное противостояние между теми, кто знает одни вещи, и теми, кто знает другие, неизбежно. Вероятно, в каменном веке между первыми охотниками и собирателями тоже возникали споры относительно того, что у них будет на ужин. По мере того как различные сферы человеческих достижений становились вотчиной профессионалов, разногласия росли и становились острее. И так как пропасть между экспертами и рядовыми гражданами увеличивалась, увеличивался также социальный разрыв и степень недоверия между ними. Во всех обществах, вне зависимости от уровня их развития, существует подспудная неприязнь к образованным элитам, так же как стойкая культурная приверженность народной мудрости, городским легендам и другим иррациональным, но нормальным человеческим реакциям на сложность и неразбериху современной жизни.

Демократии, с их шумными публичными пространствами, всегда были склонны ставить под сомнение традиционную систему знаний. На самом деле им больше свойственно подвергать сомнению любые традиционные вещи: это одно из свойств, которое делает их «демократическими». Даже в Древнем мире демократии славились своим пристрастием к переменам и прогрессу. Фукидид описывал афинян-демократов пятого века до н. э., как неутомимых людей, «постоянно что-то изобретающих». А столетия спустя святой Павел обнаружил, что «афиняне (...) ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое^[3]».

Подобное неустанное подвержение сомнению господствующих догм приветствуется и отстаивается в любой демократической культуре.

Соединенные Штаты, с их пристальным вниманием к свободам индивидуума, оказывают еще большее сопротивление интеллектуальной власти, по сравнению с другими демократиями. Конечно же, ни одна дискуссия на тему «что думают американцы» не будет полной без обязательного упоминания Алексиса де Токвиля, французского историка и политика, который в 1835 году отмечал, что обитатели новообразованных Соединенных Штатов не особо благоволят к экспертам с их заумными речами.

«В большинстве случаев, – писал он, – при решении любой проблемы каждый американец предпринимает попытку разобраться в ней самостоятельно». Корни подобного недоверия к интеллектуальным авторитетам, рассуждал Токвиль, в самой природе американской демократии. Когда «граждане, которые находятся в равном статусе, имеют возможность наблюдать друг за другом вблизи», писал он, «они постоянно обращаются к собственному здравому смыслу, как к наиболее очевидному и близкому источнику истины. И это не столько вопрос потери доверия к тому или иному человеку, сколько нежелание полагаться на какой бы то ни было авторитет».

Подобные наблюдения не ограничивались Америкой эпохи ее становления. Учителя, эксперты и интеллектуалы высказывались об отсутствии к ним уважительного отношения со стороны сограждан еще с тех времен, когда Сократ был вынужден выпить свою чашу с цикутой. В более современную эпоху, в 1930 году, испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет открыто осуждал «восстание масс» и необоснованную интеллектуальную заносчивость, свойственную им:

«Так, в интеллектуальную жизнь, которая по самой сути своей требует и предполагает высокие достоинства, все больше проникают псевдоинтеллектуалы, у которых не может быть достоинств; их или просто нет, или уже нет.

Быть может, я ошибаюсь, но писатель, который берет перо, чтобы писать на тему, которую он долго и основательно изучал, знает, что его рядовой читатель, ничего в этой теме не смыслящий, будет читать его статью не с тем, чтобы почерпнуть из нее что-нибудь, а с тем, чтобы сурово осудить писателя, если он говорит не то, чем набита голова читателя»^[3].

Словами, которые звучат вполне к месту и сегодня, Ортега-и-Гассет объяснял растущую активность все более сильной, но при этом и все более невежественной массы многими факторами, включая материальную обеспеченность, благосостояние и научные достижения.

Американская приверженность интеллектуальной самодостаточности, описанная Токвилем, сохранялась еще на протяжении почти целого столетия, прежде чем пала под натиском критических нападков как извне, так и изнутри. Технологии, всеобщее среднее образование, стремительное распространение специализированной информации и выход Соединенных Штатов на мировую арену в качестве мировой супердержавы в середине двадцатого столетия – все это подорвало идею – или, если быть точнее, миф – о том, что среднестатистический американец хорошо подготовлен к непростым реалиям современной жизни и к решению проблем в масштабе страны.

Больше полувека назад политолог Ричард Хофштадтер писал, что «все более усложняющаяся жизнь современного человека неуклонно сводила на нет многие функции, которые обычные люди могут компетентно выполнить сами».

«Изначально в американском обществе широко укоренилось популистское представление о том, что каждый американец способен компетентно разобраться в любом вопросе: например, без особой подготовки заниматься любой профессией или работать в правительственных органах.

Непомерная сложность жизни породила чувство бессилия и гнева среди населения, которое все больше убеждалось в том, что оно во власти более умных представителей элиты.

Сегодня человек знает, что он не сможет приготовить себе даже завтрака без специальных приборов – более или менее диковинных для него – которые предоставили ему эксперты. И когда он садится завтракать и раскрывает утреннюю газету, он узнает о целом ряде проблем и признает, если он честен сам с собой, что ему не хватает компетенции, чтобы судить о большинстве из них»^[4].

Хофштадтер настаивал на том – и это происходило в 1963 году – что эта непомерная сложность жизни породила чувство бессилия и гнева среди населения, которое все больше убеждалось в том, что оно во власти более умных представителей элиты. «То, что когда-то было забавной и обычно безобидной насмешкой над интеллектом и традиционным знанием,

превратилось в злобную неприязнь к способностям интеллектуала, как эксперта», – предупреждал Хофштадтер.

«Когда-то интеллектуала по-доброму высмеивали, потому что в нем не нуждались; теперь же в его адрес высказывается бурное возмущение, потому что в нем слишком сильно нуждаются».

Пятьдесят лет спустя профессор права Илья Сомин красноречиво описывал, как мало изменилась ситуация. Вслед за Хофштадтером, в 2015 году Сомин писал, что «размер и сложный состав правительства заметно затрудняет избирателям с ограниченными знаниями возможность отслеживать и оценивать большинство действий правительства. В результате мы имеем государство, в котором люди зачастую не могут осуществить свою верховную власть ответственно и эффективно». Еще большее беспокойство вызывает тот факт, что американцы не сделали почти ничего в те промежуточные десятилетия, чтобы преодолеть разрыв между уровнем своих собственных знаний и той степенью информированности, которая требуется, чтобы быть полноценным членом развитого демократического общества. «Низкий уровень политических знаний среди американского электората, – осторожно замечает Сомин, – до сих пор является одним из самых заметных открытий в социологии»^[5].

Проблема не нова. А проблема ли это?

Люди, которые специализируются в определенных областях, склонны думать, что другие должны проявлять такой же интерес к данному предмету, как и они. Но в действительности, кому *нужно* знать все эти вещи? У большинства экспертов по международным делам возникли бы трудности с прохождением теста с картой, если бы заданный вопрос не касался области их специализации. Так какой вред от того, что среднестатистический человек понятия не имеет, как найти на карте Казахстан? В конце концов, когда в 1994 году в Руанде произошло массовое убийство тутси, будущий госсекретарь Уоррен Кристофер попросил, чтобы ему показали эту страну на карте. Так почему все остальные должны держать в голове подобные факты?

Ни один человек не способен освоить такое количество информации. Мы стараемся сделать все возможное, когда нам нужно выяснить что-то, и обращаемся в этих случаях к самым лучшим источникам, которые способны найти. Помню, как я спросил своего учителя химии (человека, который, я был уверен, знал все), каково атомное число определенного элемента – частично, чтобы проверить его, но главным образом потому, что мне было лень искать его самому.

Он вопросительно поднял бровь и ответил, что не знает. А потом махнул в сторону висевшей у него за спиной периодической таблицы элементов и сказал: «Вот почему ученые пользуются таблицами, Том».

Конечно, отчасти жалобы экспертов на непрофессионалов несправедливы. Даже самый заботливый родитель, самый информированный покупатель и самый сознательный избиратель не способны справиться с потоком информации обо всем, от детского питания и безопасности продукта до торговой политики. Если бы обычные люди могли впитать всю эту информацию, им не нужна была бы помощь экспертов.

Однако гибель экспертного знания – это проблема иного плана, чем просто исторический факт, свидетельствующий о низком уровне информированности рядовых граждан. Вопрос не в безразличном отношении к традиционным знаниям; проблема в возникновении заметной *враждебности* к подобным знаниям. Это новое явление в американской культуре, представляющее собой агрессивное вытеснение экспертных суждений или традиционных знаний и замена их твердым убеждением, что каждое мнение по любому вопросу так же хорошо, как любое другое. Это заметная перемена в нашей публичной риторике.

Подобная перемена не только беспрецедентна, но и опасна. Недоверие к экспертам и общие антиинтеллектуальные настроения – это те проблемы, которые должны постепенно исчезать, но вместо этого лишь усугубляются. Когда профессор Сомин и другие люди отмечают, что невежество широкой публики ничуть не хуже, чем это было полвека назад, такое утверждение само по себе должно вызывать тревогу, если не панику. Оставлять все в подвешенном состоянии не вполне правильно. На самом деле, ситуация, возможно, уже и вовсе находится в критическом состоянии: гибель экспертного знания, утрата уважения к нему фактически грозят *полностью изменить* накопленные многовековые знания стараниями тех людей, которые сейчас полагают, что знают больше, чем это есть на самом деле. Возникает угроза материальному и общественному благополучию граждан в демократическом обществе.

В связи с этим было бы легко объяснить недоверие к традиционной системе знаний стереотипным мышлением недоверчивого и плохо образованного крестьянина, отвергающего стиль городских умников.

Но в реальности все гораздо более тревожно: кампании против традиционной системы знаний ведутся людьми, от которых этого трудно ожидать.

В случае с вакцинами, например, низкий уровень участия в программах вакцинации детей наблюдается вовсе не в маленьких городках, среди матерей с невысоким уровнем образования, как это может показаться. Эти матери вынуждены соглашаться с прохождением вакцинации их детей из-за требований, предъявляемых им в средних школах. Как оказалось, больше всего сопротивляются вакцинации те родители, что относятся к образованным жителям округа Марин вблизи Сан-Франциско. Несмотря на то что эти мамы и папы не являются врачами, они, тем не менее, достаточно образованы, чтобы считать себя вправе противостоять традиционной медицине. Таким образом, как это ни парадоксально, образованные родители фактически принимают худшие решения по сравнению с гораздо менее образованными родителями, подвергая риску всех детей.

Даже самый заботливый родитель, самый информированный покупатель и самый сознательный избиратель не способны справиться с потоком информации обо всем, от детского питания и безопасности продукта до торговой политики.

На самом деле невежество стало модным. А некоторые американцы демонстрируют свой отказ от услуг экспертов, как знак культурной испушенности. Вспомните, например, движение в поддержку сырого молока, поветрие среди гурманов, отстаивавших право потреблять необработанные молочные продукты. В 2012 году журнал *New Yorker* писал об этом, отмечая, что «сырое молоко определенным образом разжигает гедонизм любителей поесть».

«В силу того, что молоко не нагревается или не гомогенизируется, а зачастую попадает на прилавки прямо «из-под коров», оно, как правило, жирнее и слаще, а иногда содержит аромат фермы – слегка смущающий запах, известный знатокам, как «запах коровы». «Процесс пастеризации делает вкус проще, снижает аромат», – отмечает Дэниел Паттерсон, шеф-повар ресторана “Coi” в Сан-Франциско, удостоенного двух мишленовских звезд. Он использует сырое молоко для приготовления заварного крема и мороженого без яиц¹⁶¹.

Паттерсон – повар-эксперт, и никто не будет спорить с его или чьими-либо еще вкусовыми пристрастиями. И хотя процесс пастеризации может повлиять на вкус молока, он убивает болезнетворные организмы, которые опасны для человека.

Движение в поддержку сырого молока – это не какая-то причуда, вдохновленная странными шеф-поварами. Сторонники этого движения убеждены в том, что не прошедшие обработку молочные продукты не только вкуснее, но и полезнее для человека. В конце концов, если сырые овощи лучше, так почему не есть в сыром виде все остальные продукты? Почему не есть то, что природа создала для нас в первозданном виде, и не вернуться к более чистой и простой жизни?

Возможно, в прошлом жизнь и была проще, но в те же времена люди буднично умирали от болезней, передающихся с пищей. И все же это свободная страна. И если полностью информированные взрослые гурманы хотят рискнуть своим здоровьем, отправившись на больничную койку ради аромата коровы в своем кофе, то это их личный выбор. Я не из тех, кто будет слишком грубо осуждать подобное поведение, потому что в число моих любимых блюд входят сырые устрицы и сырое рубленое мясо с приправами – те блюда предупреждения, о которых в ресторанном меню всегда заставляют меня чувствовать себя так, словно я заказал контрабанду. И все же, несмотря на то, что сырое мясо и сырые морепродукты таят опасность, они не являются каждодневными продуктами питания, и уж точно не предназначены для детей, для которых сырое молоко совершенно противопоказано.

Центры по контролю и профилактике заболеваний США (CDC) сразу же попытались вмешаться, но безуспешно. В 2012 году они опубликовали доклад, в котором отмечалось, что при употреблении продуктов из молока, не подвергнутого пастеризации, риск заразиться пищевыми инфекциями возрастает в 150 раз. Эксперт из Управления по санитарному надзору за качеством продуктов и медикаментов США (FDA) выразился максимально откровенно, назвав потребление сырых молочных продуктов эквивалентом русской рулетки. Но никакие увещания не поколебали уверенности людей, которые не только продолжают есть необработанные продукты, но настаивают на том, чтобы давать их потребителям, у которых нет выбора или способности разобраться в данном споре: своим детям.

Зачем слушать предостережения врачей относительно сырого молока? В конце концов, они ошибались в других вещах. Так, например, когда речь заходит о еде, то можно вспомнить о том, что американцам на протяжении десятилетий советовали ограничить потребление яиц и определенных видов жиров. Правительственные эксперты рекомендовали населению ограничить потребление красного мяса, увеличить долю круп в своем рационе и в целом остерегаться всего вкусного. (Это последнее утверждение, должен признаться, – моя интерпретация их советов.)

Впоследствии выяснилось, что яйца не только безвредны, но могут быть даже полезны. Маргарин, оказывается, вреднее масла. И может быть, несколько бокалов вина в день лучше, чем ни капли.

Итак, мы пришли к выводу: врачи ошибались. Так значит, можно достать чизбургеры с беконом и налить себе еще бокал мартини?

Не совсем. Спор по поводу яиц еще не закончен, но сконцентрироваться на одном аспекте питания американцев означает упустить суть. Возможно, врачи и ошибались именно по поводу влияния яиц на человеческий организм, но они правы в том, что регулярное питание фастфудом в сочетании со сладкой газировкой и несколькими банками пива не пойдет вам на пользу. Некоторые ребята ухватились за новую информацию о пользе яиц (точно так же, как они среагировали ранее на выдумку с шоколадом, который якобы является полезным перекусом), чтобы логически обосновать свое намерение *никогда* не слушать врачей. Но если сравнить врача со средним американцем, страдающим избыточным весом, то у врача определенно окажется больше практического опыта в вопросе продления жизни с помощью здорового питания.

Корень всех этих проблем – в неспособности дилетантов понять, что периодические ошибки экспертов в определенных вопросах – это не то же самое, что систематические ошибки во всем. Главное заключается в том, что эксперты чаще бывают правы, особенно когда дело касается ключевых вопросов. Но при этом народ постоянно ищет просчеты в знаниях экспертов, которые бы позволили им не принимать во внимание те советы профессионалов, которые им не нравятся.

Частично это объясняется тем, что человеку – как мы убедимся позднее – свойственно искать эти просчеты во всем. Но не менее, а, быть может, более важно то, что, когда эксперты и профессионалы ошибаются, последствия могут быть катастрофичны. Начните, например, обсуждать тему профессионализма медиков, и наверняка услышите, как кто-то упомянет слово «талидомид», словно это исчерпывающий аргумент. Прошло уже несколько десятилетий с тех пор, как стали использовать этот препарат, считавшийся когда-то безопасным успокоительным средством, которое назначали беременным женщинам. В то время никто еще не понимал, что талидомид также вызывает серьезнейшие пороки развития плода. Образы детей с отсутствующими или деформированными конечностями еще спустя долгие годы преследовали многих людей.

Название препарата вплоть до настоящего времени является синонимом провала экспертов.

Однако никто не спорит с тем, что эксперты не могут быть не правы (мы обсудим эту тему позднее). Правильнее было бы сказать, что они с меньшей вероятностью ошибутся по сравнению с теми, кто не является экспертом. Те самые люди, которые с тревогой напоминают о катастрофе с талидомидом, буднично заглатывают десятки лекарств, от аспирина до антигистаминных препаратов, которые стоят в одном списке со многими тысячами безопасных лекарственных средств, проверенных экспертами в течение многих десятилетий. Этим скептикам редко приходит на ум, что на каждую ужасную ошибку приходится бесчисленное количество успешных действий, которые продлевают им жизнь.

Иногда сомнение в правильности рекомендаций экспертов может превратиться в навязчивую идею с трагическими последствиями. В 2015 году у бухгалтера из Массачусетса Стивена Пассери умерла семидесятивосьмилетняя мать, страдавшая от сердечно-сосудистого заболевания. Миссис Пассери долго болела, у нее также была эмфизема, и умерла она после операции по замене сердечного клапана. Но Пассери был убежден в том, один из докторов его матери, Майкл Дэвидсон – директор отделения эндоваскулярной хирургии в лучшем госпитале Бостона и профессор Гарвардской медицинской школы – проигнорировал его предупреждения об определенном препарате, который давали его матери. Бухгалтер пришел в госпиталь и застрелил доктора. Затем он убил себя, но прежде оставил на видном месте флеш-накопитель с «исследованием», которое он провел по этому препарату.

Очевидно, что Стивен Пассери был психически нездоровым человеком, лишившимся рассудка после смерти матери. Но, побеседовав накоротке с профессионалами из любой области, услышишь похожие, пусть и менее драматичные истории. Врачи привычно спорят с пациентами по поводу лекарств. Адвокаты описывают клиентов, потерявших деньги, а иногда свободу из-за проигнорированного совета. Учителя рассказывают о родителях, настаивающих на том, что экзаменационные ответы их детей правильны, даже когда они однозначно ошибочны.

Риелторы вспоминают клиентов, которые покупали дома вопреки их профессиональным советам и в итоге выбрасывали деньги на ветер.

Ни одна сфера американской жизни не защищена от утраты доверия к экспертному знанию. Возникновение многочисленных проблем со здоровьем, от лишнего веса до детских болезней, возможно, является следствием ухудшения способностей американцев в научных дисциплинах, в том числе в математике. Тем временем в сфере государственной

и общественной политики – где, по крайней мере, некоторые знания в области истории, гражданского права и географии являются необходимыми для аргументированных дебатов – нападки на традиционную систему знаний достигли пугающих масштабов.

Корень всех этих проблем – в неспособности дилетантов понять, что периодические ошибки экспертов в определенных вопросах – это не то же самое, что систематические ошибки во всем. Главное заключается в том, что эксперты чаще бывают правы, особенно когда дело касается ключевых вопросов.

Время недостаточно информированных избирателей

Политические дебаты и осуществление публичной политики это не наука, а, скорее, противостояние. Иногда они проходят уважительно, но чаще напоминают хоккейный матч, где нет судей, а зрителям разрешают выскочить на лед. В современной Америке политические дебаты все больше похожи на бои между группами плохо информированных людей, которые умудряются ошибаться одновременно. Те политические лидеры, которые оказываются умнее публики (и, похоже, в последнее время таких становится все меньше), ввязываются в эти публичные конфликты и возражают своим избирателям, идя на определенный риск.

Существует масса примеров подобных конфликтов среди тех, кого приглашенные эксперты и аналитики осторожно называют «недостаточно информированными избирателями». Но о чем бы ни шла речь – о науке или политике – всех их отличает одно вызывающее тревогу свойство: эгоистичная и эмоциональная настойчивость в том, что к каждому мнению следует относиться как к истинному. Американцы уже больше не видят разницы между фразами «ты ошибаешься» и «ты глуп». Не соглашаться равносильно проявлению неуважения. Исправить другого значит оскорбить. А если ты отказываешься признать, что все точки зрения достойны рассмотрения, вне зависимости от того, насколько они фантастичны или безумны, значит ты зашоренный.

Повальное невежество людей, участвующих в публичных политических дебатах реально влияет на качество жизни и благосостояние каждого американца. Так, например, в 2009 году во время обсуждения реформы здравоохранения и защиты пациентов в США, по крайней мере, половина всех американцев верила утверждениям оппонентов, таких, как бывший кандидат от республиканцев на пост вице-президента, Сара Пэйлин, что законом будут предусмотрены специальные «комиссии смерти», которые будут решать, кто получит медицинское обслуживание или, иными словами,

кто достоин жить. (Четыре года спустя примерно треть военных врачей, похоже, продолжали верить в это.)^[7] Почти половина американцев также была убеждена в том, что этот закон утверждает единый правительственный план по здравоохранению. Но каким бы ни было отношение к программе, она не имеет ничего общего с подобными идеями. Спустя два года после принятия закона, по крайней мере, 40 процентов американцев не были даже уверены в том, что программа все еще действует.

Законодательство – сложная вещь, и, возможно, неразумно ждать от американцев, что они усвоят все детали закона, который их собственные представители, похоже, не способны понять. В 2011 году тогдашний спикер Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси дрогнула под натиском абсолютно оправданных вопросов, и, не подумав, сделала часто цитируемое впоследствии признание, что Конгрессу придется принять закон, чтобы выяснить, что в нем. Другие сложные проекты вызывали похожее замешательство.

Налоги – это еще один хороший пример того, как невежество публики влияет на ход национальных дебатов. Все ненавидят налоги. Все жалуются на них. И каждую весну ужасающая сложность американского налогового кодекса порождает заметное беспокойство среди честных граждан, которые зачастую пытаются угадать, как правильно заполнить налоговую декларацию.

Однако самое печальное в том, что среднестатистический американец не имеет реального представления о том, как тратятся его деньги. Каждые выборы демонстрируют не только то, что американцы в целом считают, что правительство тратит слишком много и обкладывает их большими налогами, но и то, что они всякий раз ошибаются в том, кто платит налоги, сколько они платят, и куда уходят деньги.

И это происходит, хотя сейчас информация о бюджете Соединенных Штатов более доступна, чем в те дни, когда правительственным чиновникам приходилось отправлять по почте документ размером со шлакобетонный блок заинтересованным избирателям.

Или возьмем проблему помощи иностранным государствам – острую тему среди части населения Америки, которое с усмешкой называет ее выброшенными деньгами. Американцы в целом привыкли верить, что более 25 процентов национального бюджета щедро раздаривается в форме помощи другим странам. В реальности такое предположение не только ошибочно, но вопиюще неверно: помощь иностранным государствам составляет лишь

малую долю бюджета, менее 0,75 процента всех расходов Соединенных Штатов Америки.

И лишь 5 процентов американцев знают об этом. Между тем один из десяти американцев убежден в том, что более *половины* американского бюджета – а именно, несколько триллионов долларов – ежегодно отдают другим странам^[8]. Большинство считает, что вне зависимости от того, какова сумма, ее отдают буквально наличными. Это тоже неверно. На самом деле, помощь иностранным государствам можно даже квалифицировать как производственную программу, так как большая ее часть поставляется в виде определенной продукции, от пищевых продуктов до военных самолетов, которые правительство фактически покупает у американцев, а затем переправляет в другие страны.

Настаивать на том, что помощь иностранным государствам является пустой тратой денег – популярная политическая позиция. Я и другие эксперты можем сказать, что подобное безапелляционное заявление недалекое, но, по крайней мере, это позиция, основанная на принципе, а не на ошибочном факте. А выступление против предоставления помощи из-за необоснованной веры в то, что она составляет четверть американского бюджета, сразу же подрывает на корню возможность любой здоровой дискуссии.

Подобный уровень невежества может обойтись крайне дорого. Так, например, американцы склонны поддерживать проекты противоракетной обороны, частично потому, что многие из них верят, что Соединенные Штаты уже имеют подобные вооружения. (Этому заблуждению уже не один десяток лет, и возникло оно задолго до того, как США взяли на вооружение небольшое количество средств перехвата, которые сейчас установлены на Аляске.)

А будут ли подобные системы работать и нужно ли их строить, это сейчас по большей части несущественные вопросы. То, что в 1980-е годы, в период холодной войны, начиналось, как программа, направленная против Советского Союза, в настоящее время закрепилось в массовом сознании, и поддерживается одновременно республиканцами и демократами суммами в миллиарды долларов.

В целом проблема не в людях, которые испытывают искреннюю обеспокоенность по поводу возможных побочных эффектов вакцинации или высказывают несогласие с намерением руководства страны строить противоракетные комплексы. Разумный скептицизм важен не только для науки, но и для здоровой демократии. Вместо этого мы видим, что процесс

утраты доверия к экспертному знанию больше напоминает приступ дурного настроения у всего населения, детский каприз и неподчинение авторитетам – в сочетании с твердой уверенностью, что раз и навсегда принятые мнения неотличимы от фактов.

Эксперты, по идее, должны прояснить подобную путаницу или, по крайней мере, служить проводниками в дебрях этой неразберихи. Но кто является реальными «экспертами»? Прежде чем мы перейдем к обсуждению источников возникновения кампании против традиционной системы знаний и причин, почему мы оказались в столь затруднительном положении в то время, когда граждане должны быть больше информированы и вовлечены в управление государством, чем прежде, нам следует задуматься над тем, как мы отделяем «экспертов» или «интеллектуалов» от остального населения.

«Эксперт» – это, конечно же, затертое до дыр определение: любая контора именуется себя «экспертами по подрезке веток и крон деревьев» или «экспертами по чистке ковров». И пусть определенный смысл в этом есть, все же есть разница между хирургом и специалистом по чистке ковров.

«Эксперт» – это, конечно же, затертое до дыр определение: любая контора именуется себя «экспертами по подрезке веток и крон деревьев» или «экспертами по чистке ковров». И пусть определенный смысл в этом есть, все же есть разница между хирургом и специалистом по чистке ковров. Сейчас, как никогда прежде, слова «интеллектуальный» и «академический» стали в Америке словами нарицательными. Давайте разберемся в этом, прежде чем идти дальше.

Эксперты и обычные люди

Итак, кто же такой эксперт? Что составляет понятие «экспертного знания»?

Множество людей провозглашает себя экспертами или интеллектуалами – иногда так оно и есть. С другой стороны, самозванство иногда хуже, чем намеренное введение в заблуждение.

Люди, которые называют себя экспертами, иногда знают себя не лучше, чем люди, утверждающие, что они хорошо целуются.

И словари здесь мало чем помогут. Большинство людей дают довольно расплывчатое определение термину «эксперт»: для них это люди, обладающие «всесторонним» и «авторитетным» знанием. Но это лишь еще один способ описать людей, чье владение предметом означает, что

информация, которую они предоставляют всем остальным, верна, и ей можно доверять. (А как нам узнать, что ей можно доверять? Потому что так нам говорят эксперты.) Как сказал однажды о порнографии судья Поттер Стюарт, экспертное знание – один из тех предметов, которые трудно определить, но легко понять, когда его видишь.

В мире множество разных экспертов. Некоторых легко определить: врачи, инженеры, летчики – это эксперты, так же как режиссеры и пианисты. Спортсмены и их тренеры – тоже эксперты. А еще слесари, полицейские и плотники. В этом смысле и ваш почтальон является экспертом, по крайней мере, в своей области. Когда вам нужно разобраться в полученном анализе крови, вы обращаетесь к врачу или медсестре. А если вам понадобится узнать, как письмо от вашего друга в Бразилии добралось до вашего почтового ящика в Мичигане, вы можете спросить того, кто занимался этим долгие годы.

Специализированные знания – это неотъемлемая часть любого рода занятий. Поэтому здесь я буду использовать слова «профессионалы», «интеллектуалы» и «эксперты», как взаимозаменяемые, в более широком смысле, применимо к тем людям, кто освоил определенные навыки или объемы знаний и кто применяет на практике эти навыки или использует свои знания в качестве основной своей профессии. Это поможет нам отделить «профессионального летчика» от пилота выходного дня, или даже «профессионального карточного игрока» от незадачливого любителя азартных игр, периодически оставляющего свои деньги в казино.

Другими словами, эксперты – это люди, которые знают о конкретном предмете значительно больше, чем все остальные, и к кому мы обращаемся, когда нам нужна консультация, профессиональная подготовка или принятие решений в определенных сферах человеческих знаний. Обратите внимание, что это вовсе не означает, что эксперты знают все, что нужно знать по данной теме. Скорее, это означает, что эксперты в любой конкретной области по самой своей природе есть то меньшинство, чьи взгляды вероятней всего будут «авторитетными» – а именно, правильными или точными – в сравнении с любыми другими.

Но даже среди экспертов есть свои эксперты. Врач, только что получивший диплом, гораздо более квалифицированно поставит диагноз и вылечит болезнь, чем дилетант. Но когда он сталкивается со сложным случаем, он или она может воспользоваться советом специалиста. И нотариус, и судьи Верховного суда США являются юристами. Но тот юрист, что носит черную мантию в Вашингтоне, вероятней всего, будет лучшим экспертом по

конституционным вопросам, чем тот, кто занимается оформлением завещаний и разводов в маленьком городке. Конечно, опыт тоже учитывается. В 2009 году, когда самолет авиакомпании USAir, вылетавший из Нью-Йорка, столкнулся на взлете со стаей птиц, в кабине было два пилота, но более опытный капитан, с гораздо большим налетом, сказал, что это «мой самолет» и направил его в сторону реки Гудзон, совершив вынужденную посадку на воду. Все, кто находился на борту, выжили.

Одной из разумных причин того, что в демократическом обществе человек может восприниматься как носитель профессиональной компетентности только в узкой области, является выборочный характер, по необходимости присущий любой специализации. Когда мы изучаем определенную область знаний или посвящаем всю жизнь одной профессии, мы не только отказываемся от других специализированных знаний и направлений, но и верим, что другие наши сограждане знают, что они делают в своей области, равно как и мы. Как бы нам ни хотелось зайти в кабину пилотов, увидев загоревшийся двигатель, чтобы дать летчикам какие-то полезные советы, мы заранее знаем, что они лучше справятся с этой проблемой, чем мы. В противном случае наше высокоразвитое общество распалось бы на отдельные неорганизованные группы, где каждый критиковал бы каждого, при этом почти ничего не зная по существу вопроса, вместо того чтобы доверять друг другу.

Как сказал однажды о порнографии судья Поттер Стюарт, экспертное знание – один из тех предметов, которые трудно определить, но легко понять, когда его видишь.

Так как же мы различаем этих экспертов и как мы определяем их? Настоящие экспертные знания – это те знания, которым доверяют остальные. Это трудноуловимое, но узнаваемое сочетание образования, таланта, опыта и уважения профессионального сообщества. Каждое из этих свойств – признак эксперта. Большинство людей могут правильно оценить, как они объединены в конкретной теме или профессиональной области, когда решают, к чьему совету прислушаться.

Профессиональная подготовка или образование – это самый очевидный признак экспертного статуса и тот, который легче всего определить. Но это лишь начало. В большинстве профессий необходимым условием допуска в избранную сферу является наличие документального подтверждения твоей успешности: учителя, няни и слесари – все они должны иметь определенный сертификат, подтверждающий их умения, чтобы другие люди знали, что их способности были оценены их коллегами и соответствуют базовому

стандарту компетентности. Несмотря на то что самые решительные противники традиционных знаний с насмешкой называют это «оценкой по диплому», все эти дипломы и лицензии – осязаемые доказательства профессиональных достижений и важные показатели, которые помогают нам отличить любителей (или шарлатанов) от истинных экспертов.

Давайте честно признаем, что какие-то из сертификационных документов – временные новшества, а какие-то, может, почти ничего не значат. В некоторых случаях документы составляются представителями штатов или местных властей в качестве налоговых уловок, другие же подтверждают всего лишь разовое прохождение тестирования. В современной Америке будущие юристы учатся на степень, а прежде молодые люди просто «читали законы», а потом должны были сдать приемный экзамен в коллегиию адвокатов. И хотя эта менее традиционная система готовила личностей масштаба Авраама Линкольна – по всеобщему признанию он не был выдающимся адвокатом – она также порождала таких не слишком популярных фигур, как Генри Биллингс Браун, член Верховного суда США. При рассмотрении дела «Плесси против Фергюсона» он высказал мнение, которое поддержало большинство судей, что разделение граждан на чернокожих и белых не нарушает Конституцию. (Браун посещал занятия по праву в Гарвардском и Йельском университетах, но не закончил ни того ни другого.)

И все же дипломы и сертификаты – это необходимое начало. Они несут в себе одобрение тех учреждений, которые выдали его, и являются свидетельством качества, подобно тому, как торговые бренды стремятся рекламировать (и в том числе защищать) качество своей продукции. Если внимательно изучить реальный диплом колледжа, можно заметить самое главное, что отличает большинство дипломов: получатель данного диплома был проэкзаменован преподавателями факультета и допущен к защите диплома, что, в свою очередь, подтверждено местным комитетом по образованию или органом, представляющим данную профессию.

Те факультеты и ассоциации, которые выдают дипломы и присваивают ученые степени после прохождения у них курса обучения, ручаются за те знания, что получил их выпускник по конкретному предмету. Наименование колледжа или другого учебного заведения и сама ученая степень служит, по крайней мере, начальным подтверждением профессиональных способностей.

Никто не будет отрицать, что хорошие колледжи оканчивает множество людей, у которых отсутствует понятие здравого смысла. Еще меньше

учебных заведений выпускает гениев. Но, как говорится, хотя в скачках не всегда побеждает самый быстрый, другого способа делать ставки нет. Статистика показывает, что процент гениев, вышедших из стен Массачусетского технологического института и Технологического института Джорджии заметно выше, чем у менее престижных учебных заведений или среди изобретателей-самоучек. И все же MIT заканчивали люди, которые не только не были в состоянии правильно подсчитать свои доходы и расходы, но и хорошими инженерами тоже не были. Что отличает экспертов, особенно заметных лидеров в своей профессии, от других специалистов с похожими сертификационными документами?

Одним из отличий является одаренность или природный талант. Талант необходим для эксперта. (Как заметил однажды Эрнест Хемингуэй, говоря о писательской работе: «Первое, что абсолютно необходимо писателю, это крайне серьезное отношение к делу. А второе, к сожалению, талант».) Человек, изучавший произведения Чосера в колледже, будет знать об английской литературе больше, чем большинство людей, но исключительно с точки зрения фактов. А ученый, обладающий настоящим талантом к изучению средневековой литературы, не только знает больше, но может связно объяснять свой предмет и, возможно, даже генерировать новые знания по нему.

Давайте честно признаем, что какие-то из сертификационных документов – временные новшества, а какие-то, может, почти ничего не значат.

Талант отделяет тех, кто получил диплом, от тех, кто обладает более глубоким знанием или пониманием своей сферы деятельности. В каждой области знаний есть люди, которые могут похвастаться определенными достижениями, но при этом их нельзя назвать успешными специалистами. Есть блестящие выпускники юридических факультетов, которые замирают в ужасе при виде присяжных. Кто-то из отличников полицейских академий не обладает уличной смекалкой и никогда ее не приобретет. Немалое количество новоявленных докторантов из лучших университетов, закончив работу над диссертацией, больше никогда не напишут ничего столь же значимого.

Пусть эти люди и проторили себе путь в профессию, но они не стали истинными профессионалами, и их профессиональная компетентность никогда не выйдет за границы, установленные их собственными способностями.

Вот где опыт помогает отделить компетентного специалиста от некомпетентного. Иногда рынок сам отсеивает лишенных таланта или навыков будущих профессионалов. Несмотря на то что, например, профессиональные биржевые маклеры совершают ошибки, большинство из них способны обеспечить себя, в то время как любители почти никогда ничего не зарабатывают. Руководитель новостного портала Business Insider и бывший аналитик с Уолл-стрит Генри Болджетт однажды назвал дилетантское трейдерство «самой тупой работой», и что большинство людей, занимающихся этим делом, «заработали бы больше в Burger King^[9]. В конечном итоге они остаются без денег. Точно так же плохие учителя со временем получают плохие отзывы, скверные адвокаты теряют клиентов, а лишенные таланта спортсмены не могут пройти отборочный тур.

В каждой сфере деятельности есть свое испытание огнем, и не каждому удастся выжить. Вот почему опыт и долговечность в определенной области или профессии являются обоснованными показателями профессиональной компетентности. В действительности, когда мы спрашиваем человека о его «опыте», мы тем самым интересуемся, чем ты занимался *в последнее время*. Эксперты постоянно задействованы в своей профессии, неустанно совершенствуют свои навыки, учатся на своих ошибках и имеют заметный практический опыт. На протяжении своей карьеры они становятся все более квалифицированными специалистами или, по крайней мере, поддерживают высокий уровень компетентности и подкрепляют его мудростью – опять же, неуловимой – которая приходит со временем.

Существует множество примеров важности опыта для эксперта. Опытные сотрудники полиции часто обладают чутьем, которого нет у их более молодых коллег, тем чувством, когда ты понимаешь, что «что-то не так». Врачи или пилоты, которые пережили многочисленные кризисные ситуации в операционной или в кабине самолета вряд ли будут паниковать в случае непредвиденных ситуаций. Преподаватели со стажем не так страшатся проблем или трудных студентов. Стендап-комики^[4], имеющие за плечами богатый опыт выступлений, не пасуют перед крикунами и даже знают, как воспользоваться этим себе на пользу.

Эти навыки не всегда поддаются количественному измерению. Вот пример из моего собственного студенческого опыта.

После колледжа я поступил в институт Гарримана Колумбийского университета, чтобы изучать политику Советского Союза. Я хотел преподавать и работать в сфере политики и выстраивания отношений с Советским Союзом. А Колумбийский университет был в то время одной из

лучших школ в этой области. Директором института был профессор Маршалл Шульман, известный советолог, также работавший советником Джимми Картера по вопросам связи с Советским Союзом.

Подобно всем советологам, Шульман очень внимательно прочитывал советскую прессу, чтобы узнать политику Кремля. Этот процесс был чем-то сродни изучению Талмуда, и для тех из нас, кто никогда этим не занимался, был тайной. Как, спрашивали мы, его студенты, он может понять что-то в этом высокопарном слоге советских газет или догадаться о смысле подобных велеречивых пассажей? Как могут тысячу раз написанные по одному шаблону истории о героической борьбе колхозов раскрыть секреты одной из самых закрытых политических систем на земле? Шульман пожал плечами и сказал: «На самом деле я не могу это объяснить. Я просто читаю «Правду» до тех пор, пока у меня нос не задержается».

В то время я думал, что это была одна из самых глупых фраз, которые я слышал. Я даже начал сомневаться в том, правильно ли я поступил, продолжив образование. Но говоря так, Шульман имел в виду, что он годами читал советскую периодику, а потому так изучил их способ коммуникации, что его натренированный и опытный глаз мог заметить любые изменения или нарушения нормы.

Как бы скептически я к этому ни относился, но я поступал точно так же, когда учился и только начинал свою карьеру. Я читал советскую прессу практически ежедневно и пытался отыскать те шаблоны, которые раньше не бросались мне в глаза. В итоге я начал понимать, что имел в виду Шульман. Не могу сказать, что у меня дергался нос или шевелились уши, но я осознал, что чтение литературы на иностранном языке – это профессиональные знания особого рода.

Их нельзя выделить в некий курс или проверочный тест. Не существует быстрых способов развить это в качестве навыка: занятия требуют времени, практики и советов со стороны более опытных экспертов в данной области.

Еще одним признаком истинного эксперта является его готовность к тому, чтобы быть оцененным и исправленным другими экспертами. В каждой группе профессионалов и экспертном сообществе есть свои органы надзора, исполнения, аккредитации и сертификации, чья работа заключается в том, чтобы поддерживать порядок в собственных рядах и следить не только за тем, чтобы все члены сообщества соответствовали стандартам своей специальности, но и чтобы их ремеслом занимались лишь те люди, которые действительно знают, что они делают.

Несмотря на то что, например, профессиональные биржевые маклеры совершают ошибки, большинство из них способны обеспечить себя, в то время как любители почти никогда ничего не зарабатывают.

Подобный самоконтроль является ключевым элементом профессионализма, и это еще один способ определить экспертов. Каждая специализированная группа создает барьеры для входа в свою профессию. Часть этих барьеров более разумна и честна по сравнению с другими, но обычно их цель – добиться того, чтобы сама профессия не обесценивалась некомпетентными или откровенно грубыми действиями. Я легко могу собрать группу коллег и повесить на своем доме табличку, назвав свое заведение «Институт физики высоких энергий Тома Николса». Но дело в том, что я не имею представления о том, что такое физика высоких энергий. Поэтому мой воображаемый институт никогда не будет признан настоящими физиками, которые, узнав о липовых ученых степенях, сразу же прикажут мне закрыться, чтобы защитить само понятие «физик».

Экспертные сообщества доверяют подобным учреждениям, созданным их коллегами, которые следят за соблюдением стандартов и поддерживают уровень доверия к ним населения. Такие механизмы, как рецензии коллег, профессиональная сертификация, профессиональные союзы и другие организации помогают защитить качество услуг и предоставить гарантию населению – то есть клиентам экспертов – что они получают компетентную помощь экспертов. Когда вы поднимаетесь на лифте на верхний этаж небоскреба, сертификат в лифте не желает вам удачи в вашем рискованном предприятии. Он говорит о том, что муниципальные власти, полагаясь на квалифицированных и опытных инженеров, осмотрели этот лифт и доподлинно знают, что он надежен и вам ничто не грозит.

Опыт и профессиональная оценка имеют значение, но не стоит забывать о мудрости старой китайской поговорки – «остерегаться ремесленника, который заявляет о двадцатилетнем опыте, когда в действительности он работал двадцать раз по году». Есть плохие стоматологи, которые к моменту окончания медицинского колледжа плохо вырывали зубы и так и не преуспели в этом деле вплоть до самой пенсии. Есть преподаватели, которые вгоняют учеников в сон с первых дней занятий. Но мы должны помнить две важные вещи, когда говорим об экспертах, даже тех, кто, возможно, не является лучшим в своей области.

Во-первых, пусть у нашего неуклюжего дантиста не очень хорошо получается выдергивать зубы, он или она делает это лучше, чем *вы*. Никому из нас не нужен декан стоматологического факультета, чтобы поставить

коронку или простую пломбу. Возможно, вам повезет самостоятельно вырвать себе зуб, но у вас нет специальных знаний или опыта, чтобы сделать это без существенного риска для собственного здоровья. Большинство людей даже не берутся остричь себе волосы. (В конце концов, косметологи управляют со всевозможными химикатами и острыми инструментами, и это еще одна группа профессионалов, которым требуется специальная подготовка и лицензирование.) Лишь немногие из нас рискнут вырвать зубы у себя или у своих близких.

Во-вторых, эксперты, конечно, совершают ошибки, но они ошибутся с гораздо меньшей долей вероятности, чем непрофессионалы. Ключевое отличие экспертов от всех остальных людей заключается в том, что они как никто другой лучше знают все подводные камни своей профессии. Как сказал знаменитый физик Вернер Гейзенберг, эксперт это «тот, кто знает о самых опасных ошибках, которые можно совершить в его области, и то, как этих ошибок избежать». (Его коллега Нильс Бор выразился иначе: «Эксперт – это человек, совершивший все ошибки, которые можно сделать в своей очень узкой специальности».)

Обе эти точки зрения должны помочь нам понять, почему пагубная идея о том, что «каждый может быть экспертом», так опасна. Она частично верна в том смысле, что почти каждый человек, обладающий определенными навыками, может приобрести специализированные знания, на которые другие люди должны полагаться в большинстве случаев. Однако неприятности возникают тогда, когда люди начинают верить в то, что самое малое знание в какой-то области означает компетентность. Грань между любителем, который много знает о военных кораблях, потому что читал ежегодный справочник “Jane’s Fighting Ships” и настоящим экспертом, разбирающимся в возможностях военных кораблей мира, тонка. Но эта грань есть.

Знать что-то – не то же самое, что понимать данный предмет. Понимание и анализ – не одно и то же. Экспертное знание – не салонная игра с фактами сомнительного происхождения.

И хотя существуют эксперты-самоучки, они являются редкими исключениями. Чаще же встречаются люди, которые стремятся найти быстрый доступ к сложным сферам знаний, но при этом даже не догадываются, как жалки их потуги. Они напоминают забавных исполнителей песен в караоке, которые считают, что у них есть шанс стать следующим победителем шоу “American Idol”. Или людей, играющих в гольф время от времени, но мечтающих стать профессионалами. Делать

что-то хорошо вовсе не означает, что ты становишься надежным источником профессиональных советов. (Обратите внимание, что те же люди, которые думают, что могут стать певцами, никогда не считают, что способны быть преподавателями вокала.)

Подобная нехватка самооценки и трезвого осознания предела своих интеллектуальных способностей могут привести к определенным неловким моментам между экспертами и непрофессионалами. Так, например, несколько лет назад мне позвонил один господин, который убеждал меня в том, что проделал какую-то важную работу, которая может быть полезна для нашей учебной программы в Военно-морском колледже. Его направил ко мне бывший студент, учившийся в другом заведении, и он очень хотел, чтобы я прочитал важную статью по Ближнему Востоку. Я спросил его, кто написал эту статью. И он ответил, что сам. Он был бизнесменом и «много читал». Я спросил его, учился ли он когда-нибудь этому предмету, посещал ли данный регион и читал ли что-то на языках стран Ближнего Востока.

Он признался, что у него нет подобного опыта, а потом добавил: «Но, в конце концов, вы можете стать экспертом, почитав какую-то книгу в течение месяца, ведь так?»

Нет, не так.

Американской культуре свойственно вдохновлять подобного рода романтические представления о мудрости простого человека или смысленности гения-самоучки. Эти образы порождают определенного рода успокаивающую социальную фантазию, в которой обычные люди способны превзойти консервативного профессора или занудного ученого с помощью чистого упорства и изобретательности.

Грань между любителем, который много знает о военных кораблях, потому что читал ежегодный справочник “Jane’s Fighting Ships” и настоящим экспертом, разбирающимся в возможностях военных кораблей мира, тонка. Но эта грань есть.

Существует множество подобных примеров в американской популярной культуре, особенно в фильмах, где изображены необычайно талантливые молодые люди, которые обставляют компании, университеты и даже правительства. Например, в 1997 году Бен Аффлек и Мэтт Деймон написали сценарий фильма под названием «Умница Уилл Хантинг» о дворнике, который оказывается сверходаренным человеком. В теперь уже ставшей знаменитой сцене в баре Деймон резко осаживает избалованного выпускника университета Лиги плюща:

«Это мнение первокурсника, изучающего марксистскую историю, скажем, Пита Гarrisона. Твое мнение изменится через месяц, когда ты перейдешь к Джеймсу Лемону. По нему экономика южных колоний связана с капитализацией 1740-х.

Через год ты начнешь повторять слова Гордона Вуда о предреволюционной утопии и эффектах роста капитала при военной мобилизации... Это ты взял из книги Викерса «Работа в графстве Эссекс», страница 98. Я это тоже читал. Ты так и будешь цитировать его? А собственные мысли у тебя есть? Или это твой способ поведения? Приходишь в бар и выдаешь чужие идеи за свои.

Ты выкинул 150 000 долларов на образование, доступное в библиотеке за 1,50 доллара штрафов за просрочку возврата книг».

Позднее молодой человек спорит со своим психотерапевтом по поводу работ Говарда Зинна и Ноама Хомского. Неестественные и глупые, подобные моменты, тем не менее, находили отклик в сердцах зрителей того времени. Деймон и Аффлек получили «Оскар» за свой сценарий. И можно не сомневаться в том, что, по крайней мере, часть своей аудитории они заставили поверить в то, что чтение достаточного количества книг равносильно полноценному курсу обучения.

В конечном итоге экспертное знание сложно определить, а экспертов иногда трудно отличить от дилетантов. И все равно мы должны уметь отличать людей, имеющих лишь общее знакомство с предметом, от людей, чьи знания безусловны. Ни один человек не может обладать полным знанием, и эксперты осознают это лучше, чем кто бы то ни было. Но образование, стажировка, практика, опыт и признание других в конкретной области должны служить нам, по крайней мере, примерным ориентиром для разделения общества на экспертов и остальных людей.

Одна из главных причин, почему эксперты и обычные люди всегда доводили друг друга до безумия, в том, что все они люди. А значит, испытывают похожие проблемы с тем, как получать и интерпретировать информацию. Даже самые образованные люди могут совершать элементарные ошибки при обдумывании разных вопросов, в то время как менее умные люди склонны преувеличивать свои возможности. Но кем бы ты ни был – экспертом или обычным человеком – наш мозг работает одинаково (а иногда нет): мы слышим вещи так, как хотим их услышать, и отвергаем те факты, которые нам не нравятся. Эти проблемы станут темой обсуждения в следующей главе.

Разговоры стали утомительны

Много веков назад... люди еще прекрасно умели отличать доказанное от недоказанного. И если уж что-то доказано, они и верили в это.

К.С. Льюис. «Письма Баламута»

Да, ну, знаешь, это всего лишь твое мнение, старик.

«Большой Лебовски»

Мне спор, пожалуйста

Разговор в двадцать первом веке иногда утомляет, а зачастую просто сводит с ума. И это происходит не только между экспертами и обычными людьми, но и среди всех остальных. Если в предшествующую эпоху экспертам отводилась особая роль, то сегодня все границы стерлись. Если посмотреть на то, как ежедневно общаются обычные люди, то можно заметить, что даже среди них несогласие и спор перешли в изматывающий обмен возражениями, взятыми наобум фактами и сомнительными источниками, которые сами участники зачастую не могут понять. Факт доступности более качественного образования, легкий и быстрый доступ к информации, стремительное распространение социальных сетей и упростившийся выход в публичное пространство, по идее, должны были улучшить наши способности обдумывать и решать. Вместо этого все вышперечисленное лишь усугубило ситуацию.

Публичные дебаты практически по любому вопросу переходят в откровенный конфликт, главная цель которого – добиться того, чтобы доказать, что другой неправ. Разумные расхождения во мнениях скатываются до уровня примитивного спора, где все стремятся одержать победу, а фактами «двигают», как шашками на доске, просто чтобы «выбить» другие факты. Подобно клиенту в легендарном скетче «Клиника споров» из шоу «Монти Пайтон» (“Monty Python”), мы отрицаем любую фразу, которую сказал другой. («Это не аргумент», – говорит сердитый посетитель профессиональному спорщику. «Нет, это аргумент», – отвечает тот. «Нет, это просто отрицание!» – «Нет!» – «Да!»)

Здесь мы должны начать с очевидной и универсальной проблемы: вы и я. Или, если быть точнее, то, как вы и я думаем. По всем вопросам – от биологии до социальной психологии – мы бьемся в неравном бою, пытаюсь понять друг друга.

У каждого из нас есть врожденная и естественная склонность искать подтверждение тому, во что мы уже верим. На самом деле наш мозг запрограммирован подобным образом, поэтому мы спорим даже тогда, когда не следует этого делать. И если мы чувствуем некую социальную или личную угрозу, то будем спорить до посинения. (Возможно, в век Интернета фразу следовало бы изменить – «до онемения пальцев».) И эксперты здесь не исключение. Мы, как и все, хотим верить в то, во что хотим верить.

Не все люди исключительно умны. И как мы увидим, те, люди, которые больше всего уверены в том, что они правы, чаще всего оказываются теми, кто менее всего заслуживает подобной самоуверенности.

Что касается личной жизни каждого из нас, то здесь мы склонны чуть больше прощать, потому что люди – социальные животные, которые хотят понимания и любви от самых близких. В личном плане большинство людей уверены в том, что на них можно положиться, и все мы также хотим, чтобы и другие видели нас подобным образом. Все мы хотим, чтобы нас воспринимали всерьез и уважали. На практике это означает, что мы не хотим, чтобы кто-то думал, что мы глупые, а потому стараемся показаться лучше, чем есть на самом деле. Со временем мы даже убеждаем себя в этом.

Конечно же, существует также изначальная проблема: не все люди исключительно умны. И как мы увидим, те, люди, которые больше всего уверены в том, что они правы, чаще всего оказываются теми, кто менее всего заслуживает подобной самоуверенности.

Но было бы слишком просто объяснять раздражающую природу современной дискуссии исключительно глупостью других. (Однако это не значит, что такого не случается.) Большинство людей не являются настолько интеллектуально ограниченными, по крайней мере, они достаточно умны, если оценивать с помощью базовых показателей, таких как уровень грамотности или окончание средней школы.

Дело в том, что подводные камни дискуссий и дебатов не ограничиваются ошибками, которые совершают наименее умные среди нас. Мы все становимся жертвами череды ошибок, включая те способы, с помощью которых все мы пытаемся решить проблемы и спорные вопросы так, чтобы при этом все чувствовали себя хорошо. Причинами гибели экспертного знания является, в том числе, современное состояние системы высшего образования, содержание средств массовой информации, включая интернет-ресурсы – все, что активно формирует личность человека. Таким образом, преодолеть это можно, если мы будем понимать, что именно нужно изменить в образовании и в морально-нравственных ценностях.

Возможно, все мы просто глупы

Давайте для начала рассмотрим самую неприятную перспективу. Возможно, проблемы в общении между экспертами и непрофессионалами возникают потому, что обычные люди просто не умны. Может быть, интеллектуальный разрыв между образованными элитами и массами в настоящее время настолько велик, что они просто не могут общаться друг с другом иначе, как только обмениваться взаимным презрением. А может быть, аргументы и споры неэффективны потому, что одна или обе стороны просто глупы.

Это опасные слова. Никому не нравится, когда его называют глупым – резкое, грубое определение, которое подразумевает не только отсутствие ума, но и сознательное невежество, вплоть до морального падения. (Я прибегал к нему больше, чем следовало бы. Да и вы наверняка тоже.) Можно назвать людей, с которыми вы не согласны, неинформированными, ошибающимися, некорректными и пр. Но только не называйте их глупыми.

К счастью, определение «глупый» не только грубое, но и по большей части неточное. Как ни крути, американцы сейчас умнее, или, по крайней мере, не менее сообразительны, чем они были несколько десятилетий назад. Начало XX века трудно назвать золотым веком культуры и образования. В 1943 году поступающие в колледж абитуриенты – только 6 процентов из которых смогли перечислить все 13 колоний^[5] – назвали Авраама Линкольна первым президентом и человеком, который «изнурял [так в тексте] рабов». Редакция газеты *New York Times* видела эти результаты и даже позволила себе ненадолго отвлечься от освещения хода Второй мировой войны, чтобы посетовать на «ужасающе невежественную молодежь страны»^[10].

Способны ли люди двадцать первого века поддерживать уровень своего образования, учитывая стремительно меняющиеся реалии мира, это уже другой вопрос. Ученикам начальной школы 1910-х и 2010-х годов одинаково приходилось учиться высчитывать длину сторон треугольника, но сегодня ученики применяют эти знания, живя в эпоху космических достижений. В то время как их прапрадеды, вероятней всего, никогда не видели автомобиля, не говоря уже о самолете. А еще нельзя забывать о том, что в любую эпоху человек может проявлять намеренное нежелание узнавать что-то. Никакой объем образования не заставит человека выучить фамилию члена Конгресса, если он сам этого не хочет.

Учитывая все вышеизложенное, надо признать, что все равно существует проблема, которая заключается в том, что, по крайней мере, часть людей считает себя умными, когда на самом деле все обстоит совершенно иначе. Всем нам наверняка доводилось присутствовать на вечеринке или на обеде,

когда наименее информированный человек ведет беседу, нисколько не сомневаясь в своей просвещенности и уверенно вываливая на всех остальных поток ошибок и неверной информации. Некоторые люди способны с совершенно необоснованной уверенностью без умолку болтать о предмете, о котором они знают очень мало.

Науке известен подобный феномен, который называется эффектом Даннинга – Крюгера (в честь Дэвида Даннинга и Джастина Крюгера, психологов-исследователей из Корнуэльского университета, которые описали его в своей эпохальной научной работе 1999 года).

Вкратце эффект Даннинга – Крюгера означает, что чем глупее человек, тем более он уверен, что не глуп. Даннинг и Крюгер используют более осторожное определение, называя таких людей «необученными» или «некомпетентными». Но это не меняет сути: «Они не только приходят к ошибочным умозаключениям и делают неудачный выбор, их некомпетентность лишает их способности осознать это»^[11].

Справедливости ради следует отметить, что все мы склонны переоценивать себя. Спросите любого, как он оценивает свои таланты и способности, и вы столкнетесь с «эффектом выше среднего уровня», когда человек считает, что его таланты... ну, выше среднего уровня. Это, как сухо замечают Даннинг и Крюгер, «результат, не согласующийся с описательной статистикой». И тем не менее это такая заметная человеческая слабость, что юморист Гаррисон Кейлор в своем знаменитом радишоу «Спутник прерий» придумал целый город, Лейк-Вубегон^[6], где «все дети обладают способностями выше среднего».

Как позднее объяснял Даннинг, мы все переоцениваем себя, но менее компетентные из нас делают это чаще других.

«Целый ряд исследований, проведенных мной и другими учеными, подтвердил, что люди, не обладающие существенными знаниями об определенном наборе когнитивных, технических или социальных умений, склонны грубо переоценивать свое владение предметом, будь то грамматика, эмоциональный интеллект, логическое мышление, безопасное обращение с огнестрельным оружием и уход за ним, ведение публичной дискуссии или финансовые знания. Студенты колледжей, сдающие экзаменационные работы, которые могут быть оценены только на D или F^[7], считают, что их усилия будут оценены гораздо выше. Слабые шахматные игроки, игроки в бридж и нерадивые студенты-медики, а также пожилые люди, которые меняют водительские права – все они в значительной степени переоценивают свою компетентность»^[12].

Студенты, которые готовятся к экзаменам, пожилые люди, стремящиеся сохранить свою независимость, и студенты-медики, думающие о своей будущей карьере, предпочитают быть настроенными более оптимистично, вместо того чтобы недооценивать себя. Во многих сферах деятельности, за исключением таких, как спортивные соревнования, где некомпетентность очевидна и неоспорима, это нормально, когда люди отрицают, что они плохо что-то делают.

Оказывается, существует более конкретная причина того, что неквалифицированные или некомпетентные люди переоценивают свои способности гораздо больше остальных. Им не хватает важнейшего навыка, называемого «метапознанием». Это способность знать, когда ты делаешь что-то не очень хорошо, посмотрев на это со стороны. Хорошие певцы знают, когда они взяли фальшивую ноту; хорошие режиссеры понимают, когда не идет определенная сцена; хорошие маркетологи знают, когда рекламная кампания провалится. А их менее компетентные коллеги не обладают подобной способностью. Они уверены, что делают все отлично.

Сравните таких людей с экспертами и вы вполне предсказуемо получите плачевные результаты. Отсутствие навыка метапознания создает порочный круг, когда люди, не владеющие предметом в достаточной степени, не понимают, что они безосновательно и заносчиво спорят с экспертами по этим вопросам. Но в данном случае люди еще и не имеют представления о том, как вести аргументированный спор, а потому не способны осознать свои ошибки. И уже очень быстро эксперт разочаровывается, а непрофессионал чувствует себя оскорбленным. И все расходятся в гнев.

Вкратце эффект Даннинга – Крюгера означает, что чем глупее человек, тем более он уверен, что не глуп.

Существует более конкретная причина того, что неквалифицированные или некомпетентные люди переоценивают свои способности гораздо больше остальных. Им не хватает важнейшего навыка, называемого «метапознанием».

Еще более раздражает то, что нет способа образовывать или информировать человека, который начинает выдумывать, когда сомневается. Даннинг описывал исследование, проведенное в Корнуэльском университете, которое он назвал «менее яркой версией шоу Джимми Киммела». Оно подтвердило точку зрения комика, что даже когда люди не имеют представления о том, что они говорят, это ничуть не останавливает их.

«В нашей работе мы задаем вопросы респондентам о том, знакомы ли они с определенными специальными терминами из физики, биологии, политики и географии. Существенное количество респондентов говорят, что знакомы с такими реально существующими понятиями, как *центробежная сила* или *фотон*.

Но что интересно, они также говорят о своей осведомленности в том, что касается таких придуманных понятий, как *плоскости параллакса*, *ультра-липид* и *холарин*. В одном исследовании примерно 90 процентов опрошенных заявили о знакомстве минимум с одним из девяти вымышленных понятий, о которых мы спрашивали их».

Хуже того, «чем более осведомленными считали себя респонденты в конкретной теме в целом, тем увереннее они подтверждали знание бессмысленных терминов». А потому труднее спорить с этими «некомпетентными личностями». Потому что по сравнению с экспертами «они проявляют меньшую способность определять компетентность».

Другими словами, чем менее компетентны люди, тем меньше вероятность, что они знают, что ошибаются, или знают, что другие люди правы. И тем больше вероятность, что они попытаются притвориться знающими. И при этом они вряд ли смогут научиться чему-то.

Даннинг и Крюгер дают несколько объяснений этому. В целом люди не любят задевать чувства друг друга, и бывает так, что на работе сотрудники и даже руководители неохотно поправляют своих некомпетентных товарищей или коллег. В некоторых сферах деятельности, таких как писательство или ораторское искусство, не существует очевидных средств добиться немедленной ответной реакции. Когда играешь в бейсбол, тебе легко понять, насколько ты способен. Но ты можешь коверкать грамматику и синтаксис каждый день, даже не осознавая, как плохо ты говоришь.

Проблема с «наименее компетентными» заключается в сложности, возникающей в общении между экспертами и непрофессионалами. Но мы не можем изменить фундаментальное свойство человеческой природы. Однако не каждый человек некомпетентен, а таких, кто был бы некомпетентен во всем, почти нет. Какие ошибки совершают более образованные или способные быстро схватывать новую информацию люди, пытаясь понять сложные проблемы? Не удивительно, что обычные люди сталкиваются с теми же подводными камнями и предрассудками, которые не минуют экспертов.

Склонность подтверждать свою точку зрения

Склонность к подтверждению своей точки зрения – самое распространенное и наиболее раздражающее препятствие для продуктивного разговора, и не только между экспертами и непрофессионалами. Термин связан со склонностью искать ту информацию, которая только подтверждает то, во что мы уже верим; принимать те факты, которые подкрепляют предпочтительные для нас объяснения, и отбрасывать те, которые ставят под сомнение то, что мы уже признали, как истинное. Мы все так делаем. И можете быть уверены в том, что и вы, и я, и любой другой, кто когда-нибудь спорил с кем-нибудь по какому-либо вопросу, выводил его из себя.

Так, например, если мы уверены в том, что левши – дурные и опасные люди, каждый убийца-левша будет подтверждать нашу точку зрения. Мы будем видеть их во всех новостях, так как только эти истории мы и будем запоминать. И нашу уверенность не поколеблют никакие данные о количестве убийц-правшей. Каждый левша – это доказательство. Каждый правша – исключение. Точно так же, если мы услышим, что бостонские водители грубые, то, когда мы в следующий раз отправимся в Бостон, мы будем помнить тех, кто подрезал нас или просигналил. И мы, не задумываясь, станем игнорировать или забывать тех, кто уступил нам дорогу или благодарно помахал нам. (В 2014 году компания AutoVantage, оказывающая техническую помощь на дорогах, в своем рейтинге назвала Хьюстон городом с самыми грубыми водителями. Бостон оказался на пятом месте.)

В фильме «Человек дождя» 1988 года аутист Рей – идеальный, если не сказать исключительный, пример склонности к подтверждению своей точки зрения. Рей – человек с незаурядными умственными способностями, чей мозг работает, как компьютер: он способен осуществлять сложные расчеты с высокой скоростью и хранить гигантский объем не связанных друг с другом фактов. Но Рей в силу своего состояния не способен соединить эти факты в непротиворечивый контекст. Все то, что помнит Рей, намного важнее, чем все прочие факты в мире.

А потому, когда Рей и его брат должны лететь из Огайо в Калифорнию, Рей паникует. У каждой американской авиакомпании в прошлом случались ужасные катастрофы, а Рей может вспомнить даты и количество жертв *каждой из них*.

Зациклившись на этих страшных исключениях, Рей отказывается лететь любым из доступных им рейсов. Когда раздраженный брат спрашивает его, какой авиакомпании он доверяет, Рей спокойно называет национальную авиакомпанию Австралии. «Qantas, – говорит он, – у Qantas самолеты

никогда не падали». Конечно же, Qantas не осуществляет рейсов внутри Соединенных Штатов, и поэтому Рей с братом отправляются на машине через всю страну, что гораздо опаснее полета на самолете. Но так как Рей не хранит в своей памяти информацию об ужасных автокатастрофах, он с радостью забирается в машину.

Все мы немного напоминаем Рея. Мы фиксируемся на информации, которая подтверждает наши страхи или подпитывает надежды. Мы помним те вещи, которые производят на нас впечатление, и игнорируем менее яркие события. А когда мы спорим друг с другом или обращаемся за советом к эксперту, большинство из нас с трудом могут избавиться от этих воспоминаний, какой бы иррациональной ни казалась наша фиксация на них.

Никакое количество безопасных посадок не перевесит страхи людей, убежденных в опасности перелетов.

В какой-то степени это проблема не умственных способностей в целом, а образования. Люди просто не воспринимают цифры, риск или вероятность. Лишь немногие вещи способны сделать дискуссию между экспертами и непрофессионалами более удручающей, чем подобная «неспособность к количественному мышлению», как назвал это качество математик Джон Аллен Паулос. Никакое количество безопасных посадок не перевесит страхи людей, убежденных в опасности перелетов. «Зная об этих огромных цифрах и соответственно о малой вероятности плохого исхода, – писал Паулос в 2001 году, – не способные к количественному мышлению люди неизбежноотреагируют абсолютно нелогичным заявлением: «Да, а вдруг вы окажетесь этим единственным пассажиром», а потом станут многозначительно кивать, «словно они уничтожили ваш аргумент своим проницательным знанием»^[13].

Люди могут быть крайне изобретательны, используя аргументы типа «а если я окажусь тем самым несчастливым исключением». В начале 1970-х годов я навещал своего дядю, жившего в сельском регионе Греции. Он был крепким, атлетически сложенным мужчиной, но ужасно боялся летать самолетами. А потому не мог заставить себя поехать в Лондон, чтобы пройти там курс лечения от серьезного заболевания. Мой отец пытался убедить его, говоря, что каждому назначено свое время и свой способ покинуть эту землю. И, возможно, его время пока не пришло.

На что мой дядя, подобно многим людям, которые боятся летать, возразил типичной фразой: «Да, но что если пришло время *пилота*?»

Ни один из нас не может быть идеально рациональным человеком, большинство людей боятся ситуаций, когда они теряют контроль. Мой дядя

был необразованным человеком, родившимся в деревне в начале двадцатого века. Я – образованный человек двадцать первого века, хорошо осведомленный в статистике и истории, но при этом чувствую себя ничем не лучше, когда во время ночного рейса сижу, вжавшись в кресло, пока самолет потряхивает на подлете к Провиденсу. В такие моменты я пытаюсь думать о тысячах похожих случаев приземления самолетов по всему миру и о невероятно малом шансе, что наш рейс окажется в числе невезучих. Но обычно у меня это плохо получается: я начисто забываю о всех тех безопасно осуществленных рейсах из Ванкувера в Йоханнесбург, когда сижу, вцепившись руками в подлокотники, в то время как наш самолет скользит над крышами домов Род-Айленда.

Ныне покойный писатель-фантаст и врач Майкл Крайтон привел в качестве примера ситуацию времен начала 1980-х годов, когда появились первые сообщения об эпидемии СПИДа, чтобы продемонстрировать, как часто люди бывают убеждены в том, что именно они вытащат короткую соломинку. В то время об этом заболевании мало что знали. Подруга Крайтона позвонила ему, чтобы он успокоил ее. Вместо этого ее разозлили логические доводы врача:

«Я пытаюсь объяснить степень риска. Потому что недавно я заметил, как мало людей осознают степень этого риска. Я вижу, что люди хранят дома оружие, ездят в машине не пристегнутые, едят французскую кухню, забивающую сосуды, и курят сигареты. И ничуть не переживают. Вместо этого их пугает СПИД. Это какое-то безумие.

– Эллиен, ты боялась когда-нибудь погибнуть в автокатастрофе?

– Нет, никогда.

– Боялась, что тебя убьют?

– Нет.

– Знаешь, существует гораздо бóльшая вероятность погибнуть в автокатастрофе или быть убитой незнакомцем, чем заразиться СПИДом.

– Спасибо огромное, – отвечает Эллиен. Она раздражена. – Я так рада, что позвонила тебе. Ты действительно умеешь успокоить, Майкл^[14].

Десять лет спустя о СПИДе стало известно больше, и истерия пошла на спад. Однако в более поздние годы новые угрозы здоровью, такие как вирус Эбола, атипичная пневмония и другие редкие недуги стали вызывать

похожие реакции у тех американцев, кто больше беспокоится из-за экзотической болезни, чем из-за того, что они болтают по мобильному за рулем автомобиля, после того как позволили себе немного выпить в местном пабе.

Обратите внимание, что подобная предвзятость почти никогда не работает в обратном направлении. Лишь немногие из нас уверены в том, что являются исключением в *хорошем* смысле. Мы покупаем лотерейный билет, позволяем себе немного пофантазировать, а потом кладем его в карман и забываем о нем. Никто из нас не отправляется к автодилеру или риелтору с выпавшим назавтра номером лотереи.

Иррациональный страх встречается чаще иррационального оптимизма, потому что склонность подтверждать свою точку зрения – это механизм выживания. Хорошие вещи приходят и уходят, а смерть остается. Ваш мозг не особо беспокоится из-за всех тех людей, которые успешно долетели куда-то или благополучно пережили интрижку на одну ночь: они не вы. Ваш интеллект, работающий с ограниченной или неверной информацией, делает свою работу, пытаясь минимизировать любой риск для вашей жизни, даже самый маленький. Когда мы преодолеваем склонность к подтверждению своей точки зрения, мы пытаемся исправить базовую функцию (причем это именно функция, а не ошибка) человеческого мышления.

Вне зависимости от того, является ли проблема вопросом смертельного риска или одной из будничных дилемм, склонность искать подтверждение уже сложившемуся мнению никуда не исчезает, потому что людям нужно полагаться на то, что они уже знают. Они не могут действовать так, как будто их ум – это чистый лист бумаги. Память работает иначе: вряд ли было бы эффективно начинать каждое утро с того, чтобы пытаться выяснить любую вещь с нуля.

Ученые и исследователи борются со склонностью к подтверждению своей точки зрения, как с профессиональной помехой. Им тоже приходится выдвигать гипотезы, чтобы осуществить эксперименты или объяснить сложный вопрос. А это означает, что они уже накопили определенный опыт. И они строят предположения и прибегают к интуиции, как и все мы. Иначе они потеряют много времени, если будут начинать каждое свое исследование с концепции, что никто ничего не знает, и до этого дня ничего не происходило^[15]. «Сделать, а потом разобраться» – это распространенная проблема, когда приступаешь к какому-то подробному исследованию: в конце концов, как мы узнаем, что ищем, если мы еще не обнаружили этого?^[16]

Исследователи учатся распознавать эту проблему в самом начале своего обучения, и у них не всегда получается справиться с ней. Склонность к подтверждению своей точки зрения способна ввести в заблуждение даже самых опытных экспертов. Случается, что врачи изначально настраиваются на определенный диагноз и ищут подтверждающие его симптомы, которые должны у пациента, по их мнению, быть, игнорируя реально присутствующие признаки других болезней и травм. (Врач-диагност доктор Хаус из одноименного телесериала говорит своим студентам-медикам: «*Это не может быть волчанка*». И, конечно же, далее следует эпизод, где самому самонадеянному врачу в мире приходится смириться со своей неспособностью поставить правильный диагноз тогда, когда это действительно оказывается волчанка.) Даже несмотря на то, что каждому исследователю говорят о том, что «отрицательный результат – это тоже результат», на самом деле никому не хочется обнаружить в итоге, что его изначальные предположения были неверны, и все усилия пошли прахом.

Именно так, например, произошло с изучением отношения общественности к однополым бракам. Студент-аспирант заявил, что он обнаружил статистически неопровержимое доказательство того, что, когда противники однополых браков беседовали на эту тему с тем, кто действительно был геем, они чаще всего меняли свою точку зрения. Его результаты были письменно заверены старшим коллегой из Колумбийского университета, который был соавтором данного исследования. Это стало удивительным открытием, которое было равносильно доказательству того, что разумных людей можно убедить отказаться от своих гомофобных взглядов.

Единственная проблема заключалась в том, что честолюбивый молодой исследователь искажил данные. Тех обсуждений, которые он, по его словам, анализировал, никогда не было. Когда другие ученые изучили данную работу и подняли тревогу, профессор Колумбийского университета отозвал статью. Студент, который стоял на пороге яркой карьеры в Принстонском университете, оказался в итоге без работы.

Почему же профессорско-преподавательский состав и рецензенты, которые должны были сохранять бдительность, не обнаружили этой грубой ошибки в самом начале? Из-за склонности подтверждать собственную точку зрения. Как позднее написала в еженедельнике *New Yorker* корреспондент Мария Конникова, научный руководитель студента признался, что он хотел верить в эти открытия. Он и другие ученые *хотели*, чтобы эти результаты оказались правдой, а потому предпочитали не подвергать сомнению те способы, с помощью которых были получены наиболее предпочтительные ответы. «Коротко говоря, склонность искать подтверждения собственному мнению –

которая особенно сильна, когда мы задумываемся о социальных вопросах, – возможно, привела к тому, что ученые проглядели всю шаткость данного исследования», – писала Конникова в своем обзоре, посвященном проблемам науки^[17]. Действительно, «этот энтузиазм привел к уязвимости проекта», потому что другие ученые, надеясь взять за основу данные результаты, обнаружили подлог только когда углубились в детали исследования, которое, как они полагали, уже достигло нужного итога.

Вот почему ученые, когда возможно, проверяют эксперименты снова и снова, а потом показывают результаты другим специалистам для рецензирования. Данный подход – когда он работает – заставляет коллег эксперта действовать благожелательных, но строгих «адвокатов дьявола». Как правило, исследователь и рецензенты не знают друг друга: нужно, чтобы оценка была максимально объективной.

Это бесценный опыт. Даже самому честному и самокритичному ученому или исследователю нужна реальная проверка со стороны того, кто наименее заинтересован в исходе проекта. (Рукопись книги, которую вы сейчас читаете, тоже была оценена моими коллегами. Это не означает, что эксперты, которые читали ее, согласились с ее идеями. Их попросили рассмотреть аргументы и представить любые возникшие у них возражения или советы.)

Право выступать в роли судьи зачастую выпадает более опытному эксперту, потому что способность находить и определять доказательства, которые ставят под сомнение или даже опровергают гипотезу, приходит со временем. Ученые и исследователи на протяжении значительной части своей карьеры пытаются освоить это одно из ключевых умений.

Эти рецензии и проверки остаются незамеченными для непрофессионалов, потому что все они совершаются до того, как будет выпущен конечный продукт. Публика начинает узнавать об этих процессах только тогда, когда что-то пошло не так. А когда экспертная оценка оказывается ошибочной, то это может привести к плачевным результатам. Весь проект, вместо того чтобы выдавать экспертное подтверждение качества, может превратиться в изготовление фальшивок, круговую поруку, сведение счетов, фаворитизм и подобное мелочное поведение, к которому так склонен род людской. В случае с исследованием однополых браков, подлог был обнаружен, и система сработала, хотя и с запозданием, позволив статье выйти в свет.

Однако в современной жизни в неакадемических сферах аргументы и споры не подлежат оценке со стороны. Фактами оперируют так, как людям удобно в данный момент. Таким образом, склонность подтверждать свою точку зрения делает все попытки вести обоснованную дискуссию тщетными

и очень утомительными, потому что вторая сторона прибегает к *нефальсифицируемым*^[8] аргументам и теориям. В самой природе склонности к подтверждению собственной точки зрения заложена тенденция отбрасывать любые противоречащие факты, как ненужные. А значит *мои* данные это всегда норма, а *ваши* данные это всегда ошибка или исключение. Невозможно спорить с подобного рода объяснением, потому что, по определению, оно никогда не бывает ошибочным.

Дополнительная проблема заключается в том, что большинство непрофессионалов никогда не учили основам научного метода познания, или они забыли их. Это набор шагов, которые ведут от постановки вопроса к гипотезе, ее проверке и, наконец, анализу. И хотя люди часто используют слово «данные», они применяют его очень свободно. В разговоре часто используют слово «данные» в значении «те вещи, которые я считаю правильными», а не «те вещи, которые были подвергнуты проверке их фактической природы с помощью общепринятых правил».

И в такие моменты непрофессионалы могут возразить, что все это сплошная интеллектуальная чушь. Зачем простому человеку весь этот научный самоанализ? Всегда есть здравый смысл. Неужели этого недостаточно?

Большую часть времени обычные люди не нуждаются ни в одном из научных инструментов. В повседневной жизни нам вполне хватает здравого смысла, который лучше всяких сложных объяснений. Нам, например, не нужно знать, как долго будет двигаться машина во время сильного ливня, прежде чем покрышки начнут терять сцепление с дорогой. Конечно, есть какая-то математическая формула, которая позволит узнать ответ на этот вопрос с большой точностью. Но нашему здравому смыслу не нужна никакая формула, чтобы снизить скорость при езде в плохую погоду – нам этого вполне достаточно.

Однако, когда дело касается более сложных вопросов, здравый смысл не всегда помогает. Причинно-следственные связи, характер доказательств и статистическая вероятность того или иного явления – слишком сложны, чтобы с ними мог справиться здравый смысл. Ответы на большинство сложнейших вопросов науки парадоксальны и потому противоположны нашему здравому смыслу по самой своей природе. (В конце концов, простое наблюдение говорило нашим далеким предкам, что солнце вращается вокруг земли, а не наоборот.) Простые инструменты здравого смысла способны подвести нас и сделать уязвимыми перед большими и маленькими ошибками. Вот почему непрофессионалы и эксперты часто не слышат друг

друга, даже в таких тривиальных вопросах, как суеверия и народная мудрость.

Суеверия особенно тесно связаны со склонностью во всем искать подтверждения своей точке зрения и живы потому, что она и здравый смысл иногда подкрепляют друг друга.

Бабушкины сказки, суеверия и теории заговора

«Старые бабушкины сказки» и другие суеверия – это классические примеры склонности к подтверждению собственной точки зрения и использования нефальсифицируемых аргументов. Многие суеверия в какой-то мере основаны на опыте.

Так, например, хоть это и суеверие, что нельзя ходить под стремянками, но также верно, что проходить под стремянкой *опасно*. И дело не в том, что вы будете раздражать маляра: это просто глупо.

Суеверия особенно тесно связаны со склонностью во всем искать подтверждения своей точке зрения и живы потому, что она и здравый смысл иногда подкрепляют друг друга. Действительно ли черные кошки приносят несчастье? Кошки, черные или любые другие, по самой своей природе склонны попадаться под ноги. Но если мы будем иметь несчастье споткнуться о кошку, то запомним это только тогда, когда она черная. У меня дома живет очаровательная черная кошка по имени Карла, и я могу подтвердить, что она время от времени создает угрозу моей жизни и здоровью, когда я поднимаюсь или спускаюсь по лестнице. Суеверный человек, должно быть, кивнет здесь многозначительно. И тот факт, что Карла единственная кошка в доме, или что другие владельцы кошек неоднократно спотыкались о своих питомцев самой обычной полосатой масти, не будет играть никакой роли.

Однако самые вопиющие случаи склонности к подтверждению собственной точки зрения можно найти не в бабушкиных сказках и суевериях невежественных людей, а в конспирологических теориях образованных и интеллигентных людей. В отличие от простых суеверий, конспирологические теории ужасающе сложны и запутанны. Умный человек способен выстроить по-настоящему интересную конспирологическую теорию, и такие теории зачастую предлагают невероятно сложные объяснения. Это серьезные интеллектуальные упражнения как для тех, кто предлагает их, так и для тех, кто их опровергает. В целом суеверия довольно легко опровергнуть. Любой статистик подтвердит, что моя кошка, вероятно, не более и не менее опасна на лестнице, чем любая другая. Просто эти знания

сидят у нас глубоко внутри. Вот почему суеверия – не более чем безвредные привычки.

А вот конспирологические теории задевают нас именно в силу сложности. Любое возражение или противоречие лишь порождает еще более каверзную теорию. Конспирологи манипулируют всеми доступными данными, чтобы обосновать свое объяснение. Хуже того, они также указывают на *отсутствии* доказательств, как на еще более сильное подтверждение их правоты. В конце концов, разве не является лучшим подтверждением действительно эффективного заговора полное отсутствие каких-либо доказательств его существования?

Факты, отсутствие фактов, взаимно противоречащие друг другу факты: все является доказательством. Ничто не способно пошатнуть лежащую в основе всякой теории веру.

Эти виды усложненных объяснений нарушают знаменитый «принцип бритвы Оккама», названный по имени средневекового монаха. Он отстаивал простую идею о том, что мы всегда должны начинать с самого простого объяснения любой вещи или явления, и переходить к более сложным объяснениям, только если есть такая необходимость. Это также называется «принципом бережливости», когда самое правдоподобное объяснение – то, которое требует минимального количества логических умозаключений или натяжек.

Представьте себе, что в соседней комнате раздается шум, а затем слышатся громкие ругательства. Вы бежите в комнату и видите там человека, который держится за ногу и прыгает с гримасой боли на лице. На полу пустой ящик и разбитые бутылки пива. Что произошло?

Большинство из нас, естественно, дадут простое объяснение, что мужчина уронил ящик на пол, ударился об него ногой и выкрикнул от боли бранные слова. Нам приходилось раньше видеть людей, которые ругаются, когда поранятся чем-то. Мы хорошо представляем, как выглядят другие люди, когда испытывают боль. Не нужно строить догадки, чтобы дать разумное объяснение. Возможно, это не будет исчерпывающим объяснением, но это первая здравая оценка на основе доступных нам данных.

Но подождите. А может быть, этот человек – алкоголик, и он ругается потому, что сердится, что уронил ящик, и теперь у него нет пива. А что если этот человек – поборник трезвого образа жизни, и он сам разбил бутылки об пол, проклиная пагубность алкоголя? А еще он может держаться за ногу и прыгать по комнате потому, что он представитель малой народности,

живущей далеко в канадской Арктике, где лица людей обычно закрыты парками, и они, прыгая таким образом, выражают печаль (или радость или гнев). А, возможно, он – иностранец, который считает, что определенные грубые англо-саксонские слова на самом деле означают: «Помогите, я уронил себе на ноги ящик пива».

Вот где вступает в силу принцип бережливости. Любая из этих причудливых версий и невероятных возможностей может оказаться правдой. Но было бы смешно сразу же приниматься за столь сложные рассуждения, когда у нас перед глазами есть гораздо более прямое и подходящее объяснение. Мы понятия не имеем, является ли этот человек трезвенником или пьяницей, из Канады он или из Кливленда, и является ли для него английский родным языком. И хоть мы можем провести некоторое расследование, чтобы выяснить, верны ли какие-то из наших версий, *начинать* с любых из этих предположений значит нарушить законы логики и человеческого опыта.

Если конспирологические теории настолько запутаны и смехотворны, почему же тогда они так завладели умами людей в разных сообществах? И здесь мы не ошибемся: они действительно очень популярны и существовали веками. Современная Америка – не исключение. Так, например, в 1970-е годы писатель Роберт Ладлэм весьма преуспел в создании подобных теорий: из-под его пера вышли невероятно успешные серии романов, включая роман о сообществе убийц политиков, ответственных за убийство президента Франклина Рузвельта. (Но подождите, скажите вы мне: Франклина Делано Рузвельта никто не убивал. *Именно.*) Ладлэм продал миллионы экземпляров своих книг и создал вымышленного суперубийцу Джейсона Борна – главное действующее лицо в серии прибыльных фильмов двадцать первого века. Книги, фильмы и телесериалы от «Маньчжурского кандидата» 1960-х годов до «Секретных материалов», вышедших тридцать лет спустя, обрели миллионы фанатов.

Одна из причин, почему нам всем нравится хороший конспирологический триллер – он обращается к героическим чувствам.

В современной американской политике конспирологические теории цветут пышным цветом. Президент Обама – тайный мусульманин, родившийся в Африке. Президент Буш был участником заговора во время атаки 11 сентября. Английская королева – торговец наркотиками. Американское правительство распыляет в воздухе химические вещества, воздействующие на мозг, с помощью реактивных самолетов. Евреи контролируют все – за исключением тех случаев, когда саудовские и швейцарские банкиры контролируют все.

Одна из причин, почему нам всем нравится хороший конспирологический триллер – он обращается к героическим чувствам. Храбрый одиночка, противостоящий большому тайному сговору; враждебные силы, способные победить обычного человека – сюжетный мотив, такой же старый, как и большинство легенд о героях. Американскую культуру в особенности привлекает идея талантливой самоучки (противостоящего, скажем, экспертам и элитам), который может бросить вызов целым правительствам – и даже еще более крупным организациям – и победить. Джеймс Бонд восстал против зла, воплощенного в тайной террористической организации «Спектр», когда британский писатель Ян Флеминг понял, что Бонд должен сражаться с чем-то более масштабным, чем коммунизм. Именно тогда Голливуд начал знакомить американских зрителей с экранизацией его романов.

Но более важным и существенным моментом в том, что касается гибели экспертного знания, является то, что конспирологические теории весьма привлекательны для людей, которые с трудом способны разобраться в сложном мире и которым не хватает терпения на менее эффективные объяснения. Подобные теории также апеллируют к чувству нарциссизма: есть люди, которые предпочитают верить в какую-то запутанную чушь, не желая мириться с тем, что их собственные обстоятельства жизни довольно невразумительны и являются итогом определенных процессов, которые находятся за пределами их понимания, или даже их собственных ошибок.

Конспирологические теории – это также способ придать смысл тем событиям, которые пугают. Не имея связного объяснения тому, почему ужасные события случаются с невинными людьми, они вынуждены были бы воспринимать подобные происшествия либо как проявления жестокой случайности, либо как злой рок или гнев божества. Это ужасные версии, и даже мысль о них способна породить экзистенциальное отчаяние, которое заставило героя классического романа девятнадцатого века «Братья Карамазовы» произнести знаменитую фразу: «И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены».

Единственное решение этой дилеммы – представить мир, в котором наши беды – вина облеченных властью людей, которые могут отвести от нас все невзгоды и напасти.

В таком мире неизлечимая болезнь любимого человека – это не естественный ход событий, а результат преступной халатности правительства или представителей индустрии. Откровения об ужасном

поведении какой-то знаменитости не являются доказательством того, что тот, кем мы так восхищались – воплощение зла, это заговор с целью оклеветать нашего любимого героя. Даже проигрыш любимой спортивной команды может стать идеей фикс. («Не хочу видеть, как Buffalo Bills получает Суперкубок, – говорит главный злодей в одной из серий «Секретных материалов» 1996 года. – Пока я жив, этого не будет».) Что бы ни происходило, *кто-то* всегда виноват, в противном случае мы обвиняем Бога, судьбу или самих себя.

Точно так же, как отдельные люди, сталкиваясь с горем и неурядицами, ищут причины произошедшего там, где их, возможно, нет, так и целые сообщества тяготеют к диковинным теориям, когда коллективно подвергаются ужасному опыту в масштабах целой страны. Конспирологические теории и ошибочное мышление, которое стоит за ними, как отмечал канадский писатель Джонатан Кей, становятся особенно соблазнительными «в любом обществе, которое пережило масштабное, коллективное потрясение. А впоследствии миллионы людей начинают ломать головы над ответом на старый, как мир, вопрос: почему плохие вещи случаются с хорошими людьми». ^[18] Вот почему конспирологические теории стремительно набирали популярность после Первой мировой войны, русской революции, убийства президента Джона Ф. Кеннеди, террористических атак 11 сентября 2001 года и других исторических событий.

Единственное решение этой дилеммы – представить мир, в котором наши беды – вина облеченных властью людей, которые могут отвести от нас все невзгоды и напасти.

Сегодня конспирологические теории это в основном реакция на экономические и социальные тяготы глобализации, подобные тем, что возникали после войны и в преддверии быстрой индустриализации 1920–1930-х годов. Это стало нешуточным препятствием к взаимодействию экспертов с широкой публикой. Так, почти 30 процентов американцев считают, что «тайная элита, имеющая глобалистские планы, хочет управлять всем миром», а 15 процентов полагают, что СМИ или правительство используют тайные, «влияющие на мозг» технологии в процессе телевидения (еще 15 процентов не уверены насчет телевидения). Почти половина всех респондентов склоняются к тому, что принцесса Диана была убита в результате тайного сговора.

«Располагая такими цифрами, – как верно указывает Кей, мы не можем говорить о конспирологическом мышлении, как о радикальном феномене,

но также нельзя сказать, что оно имеет совсем ничтожное влияние на общество и культурные ценности».

Теория заговора не безвредна. В самом худшем случае она способна нагнетать панику, и тогда могут пострадать невинные люди. Так, например, в начале 1980-х годов Соединенные Штаты охватила массовая истерия, когда многие родители были уверены в том, что сатанинские сексуальные секты действовали внутри детских садов. Псевдоэксперты лишь подогревали общую панику, истолковывая любое смущенное высказывание малыша, как доказательство насилия над ребенком со стороны этих дурных людей. Нет смысла говорить, что насилие в отношении детей существует, но эта грандиозная идея, которая, скорее, отражала страхи и чувство вины работающих родителей, завладела умами американцев, навсегда искалечив многочисленные жизни и временно заслонив правильные подходы к решению реальной, но все же очень узкой проблемы^[19].

Если разобраться со склонностью к подтверждению своей точки зрения бывает сложно, то заниматься теорией заговора просто невозможно. Тот, кто верит, что нефтяные компании тормозят выпуск новой машины, которая может ездить на морских водорослях, вряд ли будет впечатлен вашей новенькой «Toyota Prius» или «Chevrolet Volt». (Это те экономичные машины, которые промышленные бароны *позволяют* вам иметь.) Те люди, которые верят в то, что тела инопланетян спрятаны в Зоне 51^[9], не меняют своего мнения, даже если для них проведут экскурсию по базе. (Понимаете, исследовательская лаборатория находится под землей.)

Вести аргументированный спор с таким конспирологом не только непродуктивно, но иногда и опасно, и я не рекомендую вам делать это. Такой неиссякаемый поток чепухи способен утомить даже самого дотошного учителя. Подобные теории – идеальный заслон против экспертного знания, потому что каждый эксперт, который опровергает эту теорию, уже *по факту* является частью заговора. Как сказал писатель Джеф Роунер:

«Нужно помнить, что человек, который с готовностью подписывается под теориями заговора, уже боится, что существуют могущественные силы, злобно сплотившиеся против сфер жизни, которые особо значимы для него. Любое отрицание угрозы лишь усиливает эту угрозу просто потому, что воспринимается как средство замаскировать ее»^[20].

И это тот момент в разговоре, которого каждый из нас боится.

К счастью, такие серьезные проявления иррациональности встречаются редко. А более прозаическое и распространенное нежелание принимать

совет эксперта порождается тем же популистским чувством недоверия к тем, кто кажется умнее и образованнее широкой публики. Вред от него может быть менее выраженным, но при этом таким же ощутимым и имеющим серьезные последствия.

Стереотипы и обобщения

«Нельзя делать такие обобщения!» Подобные восклицания часто раздаются в ходе не самого полемического обсуждения. Люди сопротивляются обобщениям – мальчики обычно ведут себя *так*, а девочки ведут себя *вот так* – потому что все мы хотим верить в то, что каждый человек уникален, и что на нас не так просто наклеить ярлык.

Но возражая против обобщений, люди, как правило, имеют в виду не то, что мы не должны обобщать, а то, что мы не должны мыслить стереотипами. А это совсем другое. Проблема повседневных обсуждений заключается в том, что люди часто не понимают разницы между стереотипами и обобщениями, и это делает разговор, особенно между экспертами и непрофессионалами, напряженным и изнурительным. (Я, конечно же, понимаю, что делаю здесь обобщение. Но прошу отнеситесь к этому с пониманием.)

Разница существенная. Воспринимать что-то стереотипно – отвратительная социальная привычка, а обобщение лежит в основе любой научной дисциплины. Обобщения – это вероятностные утверждения, основанные на наблюдаемых фактах. Однако сами по себе они не являются объяснениями – еще одно существенное отличие от стереотипов. Их можно измерить и доказать. Иногда обобщения могут помочь нам установить причину и следствие, а в некоторых случаях на их основе мы способны даже создать теорию или закон, который всегда будет верен при заданных условиях.

Будет, например, обобщением сказать, что «люди в Китае обычно ниже ростом людей в Америке». Это может быть правдой, а может, и нет. Люди, ошибочно принимающие данное утверждение за стереотип, мгновенно бросятся искать исключения, и обсуждение быстро скатится в перебранку: «Я считаю, что китайцы чаще бывают ниже ростом, чем американцы», «Нельзя делать подобные обобщения! Рост китайского баскетболиста Яо Мина – 2,29 м!»

Сам факт существования необычайно высокого китайского баскетболиста тоже ровно счетом ничего не доказывает. Мы можем решить этот вопрос, только если отправимся в Соединенные Штаты и Китай, измерим людей и увидим, насколько верно наше предположение. Если окажется так, что

китайцы в целом ниже ростом, чем американцы, тогда мы отметим то, что будет фактически верно, и мы не ошибемся, утверждая это в качестве общего, но не универсального правила.

После обобщения наступает очередь нелегкой задачи – объяснения. *Почему американцы выше китайцев? Обусловлено ли это генетически? Или это результат иной диеты? Действуют ли в данном случае факторы окружающей среды? Где-то есть ответы на этот вопрос, но какими бы они ни были, все равно можно будет сказать, что американцы обычно выше китайцев, вне зависимости от того, сколько несомненных исключений мы найдем.*

А вот сказать, что *все* китайцы невысоки ростом, будет стереотипным мышлением. Главное в стереотипном мышлении заключается в том, что оно невосприимчиво к проверке фактами. Стереотипное мышление не выносит никакого раздражающего вмешательства со стороны действительности и основывается на хитроумном применении склонности к подтверждению собственной точки зрения, отбрасывая все исключения, как ненужные. (Расисты в совершенстве освоили этот вид аргументации: «Все румыны – воры, за исключением той дамы, с которой я работаю, но она совершенно другая».) Стереотипы это не *прогнозы*, а заведомо готовые *выводы*, вот почему их называют «предрассудками».

Путаница появляется, когда мы делаем обобщения, являющиеся негативными или основанными на спорном критерии. Никто в действительности не может оспорить обобщение о росте. Это то, что можно легко проверить доступными нам способами. Точно также мы не будем приписывать росту каких-то моральных или политических оттенков. «А вы высокий», – говорит роковая красотка детективу Филипу Марлоу в романе 1939 года «Глубокий сон». «Я не виноват», – отвечает Марлоу. Звучит очень остроумно, потому что мы знаем, что наш рост это то, на что мы не можем повлиять, и за что нам не нужно извиняться.

Эксперты должны рассматривать любую проблему, от рака до ядерной войны, непредвзято и объективно. Их отстраненность от предмета позволяет вести открытое обсуждение и рассматривать альтернативы, и тем самым исключить любые эмоциональные искушения, включая страх, который ведет к предвзятости.

В то же время негативные обобщения выводят из себя, особенно когда они основаны на спорных определениях. Так, например, утверждение, что «русские более коррумпированы, чем норвежцы» будет верным, только если мы все вместе определимся с термином «коррумпированный». По западным меркам, Россия погрязла в коррупции. Но здесь можно выступить

с идеальным возражением – то, что в одной культуре считается «коррупцией», в другой культуре только приветствуется. Обобщения должны быть максимально корректными, когда они должны послужить основой для будущих исследований. Есть четкое различие между фразой «русские люди на официальных должностях больше склонны нарушать существующие правила в сфере государственного управления, чем норвежцы» и более общим утверждением, что «русские более коррумпированы, чем норвежцы».

Если мы применим эти более узкие фильтры, то наше утверждение будет гораздо менее провокационным и степень его правоты будет поддаваться измерению. Но опять же мы понятия не имеем, почему в общем оно верно. Мы знаем только, что если будем применять тот же критерий последовательно – а именно, станем регулярно следить за тем, как выполняют свои функции российские и норвежские чиновники на аналогичных должностях – мы сможем определить, что чаще всего окажется верно. Может оказаться так, что законы в России устарели, и следовать им не может даже самый честный бюрократ. (Это будет некоторой натяжкой, но здесь есть доля правды, и данный аргумент довольно часто используют сами русские.) Вот где есть задача для исследователя: определить, *почему*, после того как подтверждено, *что*.

Конечно, в повседневных беседах все это не так уж важно. Эти вещи могут быть верны в каком-то узком, определенном смысле. Но кто захочет слышать утверждения, которые, будучи взяты вне контекста, звучат как провокация? Разговоры между обычными людьми и между экспертами могут приводить к конфликтам, потому что здесь вовлечены человеческие эмоции. Особенно если речь идет о вещах, верных в целом, но не работающих в каком-то случае или при определенных обстоятельствах.

Вот почему одним из самых важных качеств эксперта является его способность оставаться бесстрастным, даже по самым спорным вопросам. Эксперты должны рассматривать любую проблему, от рака до ядерной войны, непредвзято и объективно. Их отстраненность от предмета позволяет вести открытое обсуждение и рассматривать альтернативы, и тем самым исключить любые эмоциональные искушения, включая страх, который ведет к предвзятости. Это трудная задача, но иначе разговор станет не только утомительным, но иногда и взрывоопасным.

Я нормальный и вы нормальный как бы

Существуют другие социальные и психологические реалии, которые затрудняют нам обмен информацией. Вне зависимости от того, насколько

сильно мы страдаем от склонности подтверждать собственную точку зрения или, например, от тяжелого воздействия эффекта Даннинга – Крюгера, мы не любим говорить людям о том, что знаем, что они не правы, или что нас это беспокоит. (По крайней мере, мы стараемся не говорить этого в лицо.) Точно так же, как бы сильно нам ни нравилось ощущение собственной правоты в чем-то, иногда мы неохотно отстаиваем нашу профессиональную компетентность. И в целом нам бывает сложно отделить верную информацию от неверной, когда она служит основой наших политических и социальных взглядов и наших представлений о том, кто мы такие.

В 2014 году проводилось международное исследование, в результате которого эксперты пришли к удивительному выводу: люди делают все возможное, чтобы объективно оценивать высказывания друг друга и взвешивать все мнения, даже когда каждый из собеседников знает, что между ними существенная разница в компетентности.

Авторы исследования (в нем участвовали люди из Китая, Ирана и Дании) предположили, что встретились с врожденной склонностью человека считать собеседника равным себе, основанной на нашей потребности быть частью коллектива. Когда два человека участвовали в повторяющихся дискуссиях и принятии решений – а установление связи между участниками было ключевым моментом исследования – ученые обнаружили, что менее способные люди более активно отстаивали свои взгляды, чем это можно было ожидать, и что более компетентный участник дискуссии считался с этими мнениями, несмотря на то, что они были явно ошибочными^[21].

Поначалу это воспринимается всего лишь, как проявление хороших манер и желания благосклонного отношения к себе. Каждая сторона хотела проявлять заинтересованность в адрес другой стороны, не желая прерывать отношения. Менее компетентный человек хотел, чтобы его уважали и учитывали его мнение, не замечая его ошибок или неинформированности. А более компетентный человек не хотел отпугивать другого тем, что он постоянно прав.

Все это могло бы быть приятным во всех отношениях общением, но это никуда не годный способ принимать решения. Как заметил Крис Муни, ученый и журналист из Washington Post, подобный вид социального взаимодействия, возможно, и смажет колеса человеческих взаимоотношений, но принесет настоящий вред там, где на карту поставлены факты. В исследовании, писал он, недооценивается то, что «нам следует больше ценить и уважать экспертов и прислушиваться к их мнению. Оно также демонстрирует, что наша эволюция в социальных группах тесно

связывает нас друг с другом и заставляет соблюдать нормы поведения в коллективе, но может привести к нежелательным эффектам, когда дело касается признания и принятия неудобных истин»^[22].

Почему люди не могут просто принять эти различия в знаниях или компетентности? Это неразумный вопрос, потому что он ведет к следующему вопросу: «Почему люди просто не могут принять то, что другие люди умнее их?» (Или наоборот: «Почему умные люди просто не объяснят, почему другие люди глупее их?») Реальность заключается в том, что желание быть принятым в социуме отрицательно сказывается и на умных, и на глупых. Мы все хотим нравиться.

Точно так же лишь немногие из нас желают признаться в том, что теряются в разговоре, особенно сейчас, когда так много информации стало так легко доступно. Социальное давление всегда заставляло даже самых интеллигентных и образованных людей притворяться, что они знают больше, чем есть на самом деле, а в наш информационный век этот посыл увеличивается многократно. Писатель Карл Таро Гринфилд так описывал этот вид тревоги, когда размышлял над тем, почему люди пытаются «имитировать культурную образованность».

«То, что все мы сейчас ощущаем – это постоянное давление, заставляющее нас владеть достаточной информацией, всегда, иначе нас назовут культурно безграмотными. Чтобы мы могли выдержать мини-презентацию, деловое совещание, посещение офисной кухни, коктейльную вечеринку. Чтобы мы могли оставлять посты, твиты, чаты, комментарии, тексты, доказывая тем самым, что мы вроде как видели, читали, смотрели, слушали. То, что значимо для нас, утопает в петабайтах информации. И нам вовсе необязательно потреблять этот контент из первых рук. Достаточно лишь знать, что он существует – выразить свое мнение по этому вопросу и суметь поучаствовать в беседе *на эту тему*. Мы подходим опасно близко к созданию поддельной осведомленности, которая в действительности является новой моделью невежества»^[23].

Люди бегло считывают заголовки или статьи и делятся ими в социальных сетях, но они не читают их. И так как они хотят, чтобы другие считали их интеллигентными и хорошо осведомленными, они имитируют это всеми возможными способами.

Всего этого было бы уже вполне достаточно, но политика еще больше осложняет положение дел. Политические взгляды непрофессионалов и экспертов работают почти так же, как склонность к подтверждению своей точки зрения. Разница лишь в том, что политические взгляды и другие

субъективные представления труднее пошатнуть, потому что наши политические взгляды глубоко связаны с нашим восприятием самих себя и нашими глубинными представлениями о себе, как о личности.

Как выразилась Конникова в своем обзоре сфальсифицированного исследования гей-браков, склонность к подтверждению своей точки зрения с большей вероятностью сформирует «стойкие неверные убеждения», когда она порождена «проблемами, тесно связанными с нашим восприятием себя». Это те взгляды, которые не терпят никакого давления со стороны, и которые мы часто отстаиваем, невзирая на разумные доводы. Как отмечал Даннинг:

«Часть наших самых упорных заблуждений порождены не примитивными детскими представлениями или бездумными ошибками, а ценностями и философией, определяющими, *кто мы такие* как личности. У каждого из нас есть определенные внутренние убеждения, легенды о себе, идеи насчет социального устройства – и все это в целом нельзя нарушать: опровергать их означает поставить под сомнение наше собственное самоуважение. И эти взгляды требуют лояльности к ним других».

Иначе говоря, то, во что мы верим, позволяет судить о том, как мы воспринимаем себя. Мы готовы согласиться с тем, что неправильно назвали вид птицы, которую только что увидели во дворе, или имя человека, который первым совершил кругосветное плавание. Но мы не можем стерпеть свою неправоту относительно представлений и фактов, которыми руководствуемся в своей жизни.

Возьмем, например, довольно распространенную кухонную дискуссию американцев: причины безработицы. Начните обсуждать проблему отсутствия работы почти с любой группой непрофессионалов, и вы столкнетесь с массой проблем интеллектуального характера. Стереотипы, склонность подтверждать собственную точку зрения, полуправда и статистическая некомпетентность – все это запутывает и сбивает с толку.

Представим себе человека, который, подобно большинству американцев, твердо придерживается идеи, что неработающие люди просто ленивы, и что пособия по безработице могут еще больше подстегивать эту лень. Подобно большинству проявлений склонности к подтверждению собственной точки зрения, данный пример мог быть порожден личным опытом. Возможно, этот человек всю свою жизнь имел работу, или он знает кого-то, кто работать искренне не желает.

Любое объявление «нуждаюсь в помощи», которое склонностью всюду искать доказательств собственному мнению, тут же отметит и поместит в тот

уголок памяти, откуда его легко будет извлечь впоследствии, послужит очередным доказательством лени безработных. Страница с объявлениями о работе или хронически безответственный племянник являют собой неопровержимое доказательство того, что отсутствие работы – это личный промах, а не серьезная проблема, требующая вмешательства правительства.

Теперь представьте себе еще одного сидящего за тем же столом, который убежден в том, что сама природа американской экономики подталкивает людей к безделью. Возможно, этот человек также судит, исходя из своего личного опыта: может быть, он или она знает кого-то, кто переехал в другой город, польстившись новым проектом, а в итоге остался не у дел вдалеке от дома. Может быть, среди его знакомых есть несправедливо уволенный коррумпированным или некомпетентным начальником. Каждый случай сокращения штата, любой босс с расистскими или сексистскими взглядами и каждый неудачный проект – это доказательство того, что система направлена против невинных людей, которые никогда не предпочтут безработицу стабильной работе. Пособия по безработице – не субсидирование чужой лени, а спасательный круг и, вероятно, единственное, что отделяет честного человека от жизненной катастрофы.

Не способные замечать свою собственную предвзятость, большинство людей будут просто сводить друг друга с ума, споря, вместо того чтобы соглашаться с чужими ответами, пусть даже эти ответы противоречат тому, что они уже думают по данному предмету.

Насколько каждая из этих точек зрения верна, могло бы послужить предметом для настоящего спора, но наши собеседники – специально выведенные мной, надо признаться, несколько карикатурно – вовсе не те, кто станет его вести. Бесспорным является тот факт, что пособия по безработице снижают потребность работать, по крайней мере, у *некоторых* людей. Также нельзя не согласиться с тем, что *отдельные* корпорации немилосердно поступали со своими работниками, чья зависимость от пособий была вынужденной и временной. Этот разговор можно продолжать до бесконечности, потому что каждый останется при своем мнении, руководствуясь склонностью подтверждать собственное мнение.

И нет никакой возможности выиграть этот спор, потому что в итоге нет ответов, которые бы удовлетворили каждого. Обычные люди хотят исчерпывающего ответа от экспертов, но его не может быть, потому что есть множество ответов, в зависимости от обстоятельств. Когда пособия поощряют лень? Как часто людей вышвыривают с работы против их воли и как долго они остаются безработными? Все это грани одной большой

проблемы, а никто не захочет воспринимать свою собственную ситуацию отстраненно, как один из аспектов проблемы. Не способные замечать свою собственную предвзятость, большинство людей будут просто сводить друг друга с ума, споря, вместо того чтобы соглашаться с чужими ответами, пусть даже эти ответы противоречат тому, что они уже думают по данному предмету. Социальный психолог Джонатан Хайдт четко определил этот феномен, наблюдая, как факты входят в конфликт с нашими ценностями: «Почти каждый человек находит способ оставаться лояльным своим ценностям и отвергать очевидное»^[24].

На самом деле эта тенденция довольно сильная: значительное количество людей, вне зависимости от их политических пристрастий, скорее убьет гонца, чем услышит от него дурную вест. В исследовании, проведенном в 2015 году, изучали реакцию либералов и консерваторов на определенные новости, и обнаружилось, что «подобно тому, как консерваторы отвергали научные теории, которые противоречили их взглядам на мир, либералы действовали точно так же»^[25]. Но что еще более тревожно, исследование показало, что когда опрашиваемых знакомили с научными данными, которые ставили под сомнение их взгляды, то и консерваторы и либералы проявляли недоверие в отношении *науки*, полагаясь только на себя. «Даже чтение материалов на эти спорные темы, – отмечал один из авторов исследования, – негативно сказывалось на том, как люди воспринимают науку».

И как мы увидим позднее, именно поэтому единственный способ разрешить подобные споры в части, касающейся политических предпочтений – переместить их из области научных исследований на арену политики и демократического выбора. Если демократия означает обсуждение любых вопросов, тогда эксперты и дилетанты должны решать все сложные проблемы вместе. Но в первую очередь им следует преодолеть расширяющийся между ними разрыв. Очевидным решением кажется повышение уровня образования. Но в следующей главе мы увидим, что образование, по крайней мере, на уровне колледжей, в настоящее время является частью проблемы.

Глава 3

Высшее образование: клиент всегда прав

Те лица, которых природа наделила талантами и добродетелями, должны вследствие полученного общего широкого образования стать достойными получить и способными охранять вверенные им священные права и свободы своих сограждан.

Томас Джефферсон

М-р Брэддок: Не затруднит ли вас ответить мне на вопрос, что дали вам те четыре года учебы в колледже? В чем был смысл всей этой тяжелой работы?

Бенджамин: Вы меня поймали.

«Выпускник» (фильм)^[10]

Семь волшебных лет

Считается, что высшее образование должно излечить нас от ложной веры в то, что каждый человек так же умен, как любой другой. К сожалению, в двадцать первом веке массовость поступления в колледжи дает прямо противоположный эффект: большое количество людей, которые учились в колледже или подобном учебном заведении, считают себя не менее образованными людьми, чем самые опытные и сведущие ученые и эксперты. Годы, проведенные в колледже, в настоящее время уже перестали быть временем, посвященным учебе и личностному росту. Массовое нашествие юных американцев, желающих поступить в колледж, и последующая конкуренция учебных заведений за их деньги создали опыт отношения к учебе, как к ситуации «продавец-покупатель», когда студенты учатся – помимо всего прочего – тому, что клиент всегда прав.

До Второй мировой войны большинство людей не оканчивали средней школы, и лишь немногие поступали в колледжи. В те времена в элитные школы поступали преимущественно дети из привилегированных семей. Впрочем, иногда молодым людям и очень маленькому количеству девушек удавалось наскрести денег на оплату обучения, или даже получить стипендию. Высшее образование было исключением из правил, обусловленным либо социальным статусом, либо личными достоинствами. И все равно учеба в колледже являлась свидетельством потенциала, а его окончание – доказательством определенных достижений. Ученая степень была редким явлением и служила одним из знаков отличия, помогающих отделить экспертов и знающих людей от остальной публики.

Сегодня получение высшего образования стало массовым явлением. В результате этого увеличившегося доступа к высшему образованию само слово «колледж» теряет свое значение, по крайней мере, в том, что касается возможности определить образованного человека. Словосочетание «выпускник колледжа» сегодня может означать очень многое. Но, к сожалению, фраза «человек с определенным образовательным уровнем» не всегда бывает одним из этих значений.

До Второй мировой войны большинство людей не оканчивали средней школы, и лишь немногие поступали в колледжи.

Огульно критиковать колледжи и университеты – любимая американская традиция. Так же, как ругать факультет, на котором преподаешь – как это делаю я. Стереотипы множатся: например, напыщенный профессор (или радикальных взглядов, или неинтересный), сидящий перед группой скучающих детей, которые пришли в кампус за всеми доступными развлечениями, кроме самой учебы. Выражение «мальчик из колледжа» раньше было остроумным комментарием, которым пожилые люди награждали молодого человека, с явным намеком на то, что образование не является заменой зрелости или мудрости.

Но данная книга не о том, почему колледжи сегодня уже не те. Здесь не хватит места, чтобы ответить на данный вопрос. Скорее, нас интересует, почему все меньше людей ценят образованность и компетентность. А в этой главе мы рассмотрим, как колледжи и университеты парадоксальным образом стали частью этой проблемы.

Я говорю об этом, оставаясь защитником американской университетской системы, включая часто критикуемые науки гуманитарного цикла. Лично я только в выигрыше от того, что в двадцатом веке возник более широкий доступ к высшему образованию, и, как следствие, возросла социальная активность. Заслуги этих учреждений бесспорны: университеты в Соединенных Штатах все еще являются ведущей движущей интеллектуальной силой в мире. Я продолжаю верить в способность американских высших учебных заведений производить знания и образованных граждан.

И все равно ситуация такова, что большинство высших учебных заведений в Америке не способны дать своим студентам те базовые знания и умения, которые составляют основу экспертного знания. Но еще более важно то, что они не могут научить умению отличать экспертные знания и продуктивно сотрудничать с экспертами и другими профессионалами. Самым важным из этих интеллектуальных умений и одним из тех, что подвергаются самым большим нападкам в американских университетах, является критическое мышление – способность изучать новую информацию и альтернативные идеи бесстрашно, логически и без эмоциональных или личных суждений.

Это происходит потому, что учеба в высшем учебном заведении уже не гарантирует качественного образования. Сегодня колледжи и университеты обеспечивают стандартный процесс так называемой «учебы в колледже». Но он даже отдаленно не напоминает прежний опыт. И выпускники сейчас

полагают, что знают гораздо больше, чем это есть на самом деле. В настоящее время, когда эксперт говорит: «Ну, я учился в колледже», публика резонно отвечает ему: «А кто не учился?» Сейчас американцы, окончившие колледжи, считают себя вполне «образованными», но в реальности максимум, что большинство из них может сказать, это то, что они с разным успехом продолжили свое образование в каких-то учебных заведениях, пытающихся дотянуться до стандарта высших.

Приток студентов в американские высшие учебные заведения все больше превращает процесс обучения в товар. Сегодня в большинстве учебных заведений к студентам относятся как к *клиентам*, а не как к студентам. Молодым людям, едва окончившим институт, стремятся угодить как материально, так и интеллектуально, усиливая некоторые негативные качества у тех студентов, которые еще не научились самодисциплине – тому, что было когда-то крайне важно. В наши дни колледжи продаются, как ежегодные турпакеты, вместо того, чтобы заставлять молодежь воспринимать поступление на учебу, как контракт с институтом и его профессорско-преподавательским составом на определенный образовательный курс. Подобная подача процесса учебы в колледже, как продукта, не только умаляет ценность дипломов и ученых степеней, но также подрывает веру простых американцев в то, что колледж что-то значит.

Это более глубокая проблема, чем традиционные проделки, увлечения и интеллектуальные глупости кампусов, которые время от времени привлекают внимание общественности. Жизнь кампуса всегда отличалась подобными глупостями, и так будет всегда. Как писал профессор Университета Тафтса, Дэн Дрезнер: «Одна из целей колледжа – дать возможность использовать глупые аргументы глупым образом, а потом благодаря взаимодействию с однокурсниками и профессорами узнать, насколько они глупы»^[26]. Жизнь в колледже, особенно в большинстве элитных школ, изолирована от общества, и когда молодые люди и интеллектуалы оказываются оторваны от реального мира, могут происходить странные вещи.

Бывает так, что учеба становится просто дорогостоящим пустым времяпрепровождением, пусть безвредным самим по себе. Так, например, родители студентов Университета Брауна тратят серьезные деньги на то, чтобы их дети принимали участие в таких мероприятиях, как «Неделя нудизма в кампусе». (Одна из участниц такого события, прошедшего в 2013 году, заявила, что «негативные отзывы» об этом мероприятии «помогли ей подготовиться к жизни после колледжа». Что ж, будем надеяться.) Но в конечном итоге меня совсем не беспокоят обезумевшие обнаженные

студенты на улицах Провиденса. Мои тревоги в отношении колледжей связаны с тем, что происходит – или не происходит – в учебных аудиториях.

Как минимум колледжи должны быть нацелены на то, чтобы выпускать людей с достаточной подготовкой в определенной дисциплине, с желанием продолжать учиться всю оставшуюся жизнь и способностью быть активным гражданином. Вместо этого для большинства людей колледж стал, говоря словами выпускника известной школы в Калифорнии, «семью волшебными годами между университетом и первой неквалифицированной работой». Колледж перестал быть переходом к образованной зрелости, он теперь всего лишь тактика отсрочки наступающей взрослости.

Частично проблема состоит в том, что в настоящее время появилось слишком большое количество студентов, изрядная доля которых просто не учится. Новая культура образования в Соединенных Штатах заключается в том, что каждый человек обязательно должен поступить в колледж. Данные культурные изменения важны для гибели экспертного знания, так как по мере того, как учебные программы разрастаются, отвечая запросам потребителей, школы становятся лжеуниверситетами, чьи дипломы свидетельствуют больше о *подготовке*, чем об *обучении* – два совершенно разных понятия, которые все больше сливаются в общественном сознании. В худшем случае дипломы не подтверждают ни обучение, ни подготовку, а только посещение. А порой и вовсе свидетельствуют лишь о своевременно вносимой плате за обучение.

Вместо этого для большинства людей колледж стал, говоря словами выпускника известной школы в Калифорнии, «семью волшебными годами между университетом и первой неквалифицированной работой».

Это одна из тех проблем, о которой профессора предпочитают не говорить в приличном обществе, но она существует. Молодые люди, которые могли бы сделать успешную карьеру в области торговли, подают документы в колледж, даже не задумываясь о том, как они будут учиться или что они будут делать по его окончании. Четыре года превращаются в пять, шесть или больше. Ограниченный курс обучения в конечном итоге становится повторяющимися визитами к дорогому образовательному шведскому столу, загруженному пищей, что представляет собой преимущественно интеллектуальный мусор. И почти не видно, чтобы кто-то из преподавателей обеспечивал надзор за тем, чтобы студенты выбирали питательные вещи, а не всякий вздор.

В самых конкурентных и элитных колледжах и университетах в этом отношении поводов для тревоги меньше, так как они могут выбирать тех абитуриентов, которых пожелают, и заполнять формирующиеся потоки в целом блестящими студентами. Их студенты получают полноценное образование, а впоследствии смогут найти высокооплачиваемую работу. Другие же учебные заведения будут стоять в конце списка. В конечном итоге все эти дети поступят в какие-то колледжи, и те школы, которые окажутся несостоятельными в плане интеллектуальной подготовки, будут соперничать друг с другом в том, у кого лучшая пицца в фуд-корте или более роскошные комнаты в общежитиях или больше разнообразных мероприятий.

В настоящее время наблюдается не только слишком большое количество студентов, но и огромное количество профессоров. Самые лучшие национальные университеты, традиционные источники профессорско-преподавательского состава, бездумно производят докторов наук^[11] со скоростью, значительно превышающей потребности любого академического рынка. Менее авторитетные школы, которые не дают ученых степеней – многие из них не котируются даже на уровне бакалавриата – предлагают докторские степени такого низкого качества, что сами бы никогда не взяли на работу своих выпускников. Толпы безработных докторов наук, нагруженные посредственными диссертациями по огромному количеству заумных тем, бродят по академическим просторам, в буквальном смысле желая заработать себе на хлеб.

Даже сам термин «профессор» потерял свое истинное значение. Когда-то это было редким званием, а теперь американские высшие учебные заведения используют его, как им заблагорассудится. Сейчас любой, кто преподает что угодно на уровне выше средней школы, считается профессором – от главы ведущего факультета крупного исследовательского университета до работающего несколько часов в день преподавателя в колледже маленького городка. И точно так же, как каждый преподаватель сейчас является «профессором», любой самый маленький колледж теперь «университет» – феномен, который в настоящее время достиг чудовищных пропорций. Крошечные школы, которые когда-то обслуживали местных жителей, теперь вдруг стали «университетами», как будто у них появился коллайдер на заднем дворе.

В возникновении этих фальшивых университетов частично виновата ненасытная потребность в дипломах, живущая в той культуре, где каждый считает, что он должен поступить в колледж. А это, в свою очередь, породило деструктивную ниспадающую кривую доверия к дипломам

и ученым степеням. Школы и колледжи порождают эту «инфляцию дипломов» так же, как правительства разных стран порождают инфляцию денег: печатая больше бумаги. Когда-то аттестат о среднем образовании был необходимым условием для того, чтобы заняться каким-то ремеслом или войти в определенную профессию. Но сейчас его имеет любой человек, даже тот, кто не умеет читать. Как следствие, колледжи теперь служат для того, чтобы подтвердить факт окончания школы, а степень магистра отвечает тем требованиям, что когда-то предъявлялись кандидату на степень бакалавра. Студенты же, как белки, крутят этот учебный барабан, не получая никаких серьезных знаний^[27].

Поиск решения данной проблемы является ключевым вопросом для будущего американского образования. В 2016 году кандидат в президенты от демократической партии, сенатор Берни Сандерс, сказал, что сегодня диплом колледжа – эквивалент аттестата о среднем образовании пятидесятилетней давности. И что поэтому каждый человек должен учиться в колледже, точно так же как каждый человек сейчас посещает среднюю школу. В действительности, тот факт, что мы относимся к колледжам, как к обновленным средним школам, во многом объясняет причину того, почему мы оказались в таком кризисе. А если смотреть шире, то результат слишком большого количества «студентов», «профессоров», «университетов» и ученых степеней заключается в том, что посещение колледжа в настоящее время не является гарантией того, что люди знают, о чем они говорят.

Самые лучшие национальные университеты, традиционные источники профессорско-преподавательского состава, бездумно производят докторов наук со скоростью, значительно превышающей потребности любого академического рынка.

Недостатки современной университетской системы усиливают нападки на те знания, которые те же самые учебные заведения накапливали веками, чтобы учить будущие поколения. Интеллектуальная дисциплина и зрелость остались на обочине. Передача важного культурного наследия – начиная с того, как выстраивать логическую аргументацию, до изучения фундаментальной ДНК американской цивилизации – уже перестала быть миссией нацеленных на потребителей университетов.

Добро пожаловать, дорогие клиенты

Учеба в колледже, по определению, не может быть легким опытом. Именно здесь человек расстается со своими привычными детскими представлениями и сталкивается с тревогами, дискомфортом и трудностями процесса познания, который ведет к приобретению более глубоких знаний – будем

надеяться, на всю жизнь. Ученые степени колледжа – в области физики или философии – по идее, должны быть показателем истинно «образованного» человека, который не только владеет конкретным предметом, но также обладает более широким пониманием культуры и истории своей страны. А это никогда не бывает просто.

Однако в современной Америке колледж уже не воспринимается подобным образом ни поставщиками, ни потребителями высшего образования. Колледж, будучи ориентированным на клиента, обслуживает потребности подростков, вместо того чтобы помогать им выйти из подросткового возраста. Не заботясь о том, чтобы освободить студентов от иллюзий, заблуждений и интеллектуального идеализма, современный университет лишь укрепляет их. Студенты покидают кампус, иногда до конца не осознавая то, что они встретили кого-то более умного, чем они сами, как среди своих сокурсников, так и среди преподавателей. (Это говорит о том, что они вообще не пытаются делать каких-то различий между своими сверстниками и учителями.) Они получают свои дипломы, как расписку в том, что провели несколько лет в окружении множества интересных людей, за услуги которых они и их родственники заплатили определенную сумму.

Но это не значит, что сегодняшние студенты интеллектуально безграмотны. Большинство молодых людей, учащихся в престижных заведениях, уже овладели умениями участвовать в тестах, факультативных занятиях, следовать рекомендациям преподавателей и прочим важным видам учебной деятельности. К сожалению, как только они проходят отбор при поступлении и приходят в колледж, последующие четыре года они проводят, получая недостаточное количество знаний, но массу похвал. Они могут даже догадываться об этом, а в результате рискуют развить в себе губительное сочетание неуверенности и заносчивости, которые сослужат им плохую службу, как только эти молодые люди выйдут из-под родительской опеки и покинут стены своих школ.

Что касается менее престижных учебных заведений, то там процесс поступления гораздо проще. Как отмечал в своей статье в 2016 году экономист Бен Касселман, большинству абитуриентов колледжей «никогда не приходилось писать сочинение при поступлении, составлять резюме или вести переписку», потому что более трех четвертей американских студентов ходят в колледжи, которые принимают минимум половину своих абитуриентов. Лишь 4 процента учатся в школах, где принимают 25 процентов и меньше, и менее 1 процента учатся в элитных школах, в которых принимают менее 10 процентов своих абитуриентов^[28]. Студенты

в этих менее престижных заведениях с трудом заканчивают их, и лишь половина получает степень бакалавра, проучившись шесть лет.

Многие из этих поступающих студентов не готовы к учебе в колледже, и им требуется серьезная предварительная подготовка. Преподаватели колледжей знают об этом, но все равно массово принимают студентов, готовят для них затратные вводные курсы и надеются на лучшее. Почему школы идут на это, явно нарушая даже те стандарты поступления, которыми они могли бы руководствоваться? Как писал в 2016 году Джеймс Пирсон из Манхэттенского института, «следуй за деньгами». Ситуация такова, что «частные колледжи – по крайней мере, те, что не относятся к элитным – отчаянно нуждаются в студентах и согласны принять даже самых безграмотных, если это принесет им больше денег»^[29]. Кто-то закончит колледж, кто-то – нет, но в любом случае в течение этих нескольких лет учреждение будет финансироваться, а какой-то молодой человек сможет где-то сказать, что он «тоже учился в колледже».

Помимо финансового прессинга, массовое нашествие неподготовленных студентов в колледжи происходит благодаря культуре позитивного настроения и самореализации, которая не позволяет говорить детям об их возможной неудаче. Как писал Роберт Хьюз в 1995 году, Америка – та культура, в которой «детей всячески лелеют, чтобы они не подумали, что они тупы»^[30]. Два десятилетия спустя преподаватель младших классов средней школы из Мэриленда ухватила суть данной проблемы, опубликовав в 2014 году статью в газете *Washington Post*, после того, как решила оставить профессию. Она рассказала, что администрация школы дала ей два главных указания, которые, по ее мнению, были «определяющими лозунгами системы государственного образования». Один заключался в том, чтобы не допускать того, чтобы у учеников что-то не получалось. Другой же был предвестником ориентированного на клиента подхода, применяемого в колледжах: «Если у них оценки D и F ^[12], значит, вы чего-то не добавите им»^[31].

Я сам множество раз сталкивался с подобным отношением, и не только среди детей или юных абитуриентов. У меня были студенты, которые говорили мне, что если они не получают оценку A ^[13] по моему предмету, то поставленная им более низкая оценка будет свидетельством моей плохой работы. А еще у меня были студенты с низкой успеваемостью по моему предмету, которые просили меня дать им рекомендацию для поступления в аспирантуру или в институт. Может быть, нынешние студенты колледжей и не глупее тех студентов, что были тридцать лет назад, но их уверенность

в том, что им все должны, и необоснованная самонадеянность выросли значительно.

Ситуация такова, что «частные колледжи – по крайней мере, те, что не относятся к элитным – отчаянно нуждаются в студентах и согласны принять даже самых безграмотных, если это принесет им больше денег».

Важнейшую роль здесь, безусловно, играет воспитание. Чрезмерно заботливые родители стали столь назойливы, что бывший преподаватель первого курса в Стэнфорде посвятила этой проблеме целую книгу, отметив в частности, что «чрезмерная родительская опека» губит целое поколение детей. Это те родители, которые продолжают сдувать пылинки со своих чад и в старших классах школы и даже в колледже, делая за них домашнюю работу – преподаватель из Стэнфорда деликатно называет это «излишней помощью» – и в целом участвуя во всех аспектах жизни своего ребенка^[32]. Кто-то идет еще дальше: бывает, что родители переезжают в тот город, где находится колледж их отпрыска, чтобы быть рядом с ним, пока он учится. Это уже не чрезмерная опека, а какая-то «поддержка с воздуха».

Еще одной проблемой, как ни парадоксально, является финансовое благополучие. Звучит особенно удивительно в то время, когда так много родителей и молодых людей беспокоятся о том, как найти деньги на оплату учебы. Но ситуация такова, что сейчас как никогда много людей поступает в колледжи, выбивая себе неиссякаемые запасы разорительных кредитов. Получив поддержку в виде гарантированных государством денег и сталкиваясь с агрессивным маркетингом учебных заведений, тинейджеры, представляющие практически все социальные слои Америки, прицениваются теперь к колледжам, почти как мы, взрослые, прицениваемся к новому автомобилю.

Посещение кампуса – хороший пример ритуала шопинга, который учит детей выбирать колледжи, руководствуясь самыми разными доводами, за исключением главного – получить хорошее образование. Каждую весну и лето автострады заполняются машинами с семьями, направляющимися на экскурсии не в те школы, которые согласились принять юных клиентов, а в те, куда они думают поступить. Это не тот случай, когда богатые детки отправляются в тур по университетам Лиги плюща. Мои друзья, имеющие детей-подростков, регулярно рассказывают мне о том, как они путешествуют, посещая маленькие колледжи и школы штата, о которых я никогда и не слышал. Каждый год эти родители просят у меня совета, и каждый год я говорю им, что это плохая затея. Каждый год они благодарят меня за помощь, но все равно делают по-своему. К концу поездки все члены

семьи становятся раздраженными и уставшими, а вопрос о том, чему реально учат в этих школах, кажется, уходит на второй план.

Обычно юнцам нравятся почти все школы, потому что для подростка, уставшего от школы, все колледжи кажутся самыми клевыми местами. Какие-то варианты, конечно же, быстро исчезают из поля зрения. Несимпатичный город, обшарпанный кампус, ветхое здание студенческого общежития и все такое прочее. В других случаях будущие студенты влюбляются в школу и проводят месяцы в волнующем ожидании, надеясь на то, что та школа, которую они выбрали, по мановению волшебной палочки изменит их жизни, сделав взрослыми этих шестнадцатилетних детей.

В наши дни большинству родителей и их детям чужда идея о том, что подростки должны сперва подумать, почему они хотят поступать в колледж, найти школы, которые максимально отвечают их способностям, подать заявление только в эти школы, а затем посетить те школы, которые их приняли. Спросите у родителей, зачем они возили свою дочь по всем возможным местам, чтобы посетить те школы, в которых она, вероятно, не хочет учиться, или в которых у нее нет шанса поступить, и вы, скорее всего, услышите: «Ну, она хотела посмотреть на них». И редко когда добавляют: «Мы решили потратить на это деньги». Подать одно заявление – пятьдесят долларов и больше – недешевое удовольствие, но гораздо дороже путешествовать из Амхерста в Атланту.

Весь этот процесс означает не только то, что детей ставят во главу угла, но и то, что их уже приучают оценивать школы по разным критериям, за исключением того, чему они могут там научиться. В школах знают об этом и готовы к такому положению дел. Точно так же местный дилерский центр знает, как лучше выставить новую модель машины в салоне, а в казино знают, какой выбрать аромат при входе в заведение. Так и колледжи имеют наготове все виды привлекательных бонусов и программ, чтобы главным образом оттеснить своих конкурентов в тех вещах, которые важны для детей.

Подстегиваемые желанием заполучить подростков и их взятые в кредит деньги, образовательные учреждения обещают скорее опыт, чем образование. (Я не беру здесь в расчет учебные заведения, созданные исключительно для получения прибыли, которые по большому счету являются фабриками по созданию долга, и которые вряд ли подходят под определение «высшее образование».) Нет ничего плохого в том, чтобы создать привлекательный студенческий центр или предложить целый ряд различных мероприятий. Но в какой-то момент это начинает напоминать тот случай, когда пациентов с сердечными заболеваниями заставляют выбрать

определенную клинику для проведения операции коронарного шунтирования, потому что там отлично кормят. Подростки гораздо больше заинтересованы в том, чтобы участвовать в этом процессе, по крайней мере, частично, потому что кредитные программы дают возможность самим студентам контролировать процесс оплаты обучения. К тому же в последние десятилетия возникла общая тенденция, когда родители все чаще позволяют своим детям принимать самостоятельные решения по самым разным вопросам. В любом случае трудно не согласиться с заявлением обозревателя агентства Bloomberg, Меган Мак-Арл, о том, что ответственность за принимаемые решения по всей проблеме в целом перешла от родителей к детям со вполне предсказуемыми результатами, когда «студенты больше родителей беспокоятся о том, будет ли их опыт учебы приятным»^[33].

Образовательные учреждения стремятся всячески угодить этим запросам. Например, в некоторых школах сейчас пытаются сгладить любые тревоги студентов в связи с перспективой жить рядом с незнакомыми людьми. Когда-то давно опыт жизни с соседом по комнате был частью процесса взросления, но вполне понятно пугал тех детей, которые все еще продолжали жить с родителями. Вот что писал преподаватель Университета штата Аризона в 2015 году:

«Во многих колледжах новые студенты заранее знакомятся со своими соседями по общежитию в социальных сетях и живут в роскошных комнатах, напоминающих апартаменты. Это означает, что им изначально не придется делить с кем-то комнату или санузел, или даже есть в столовых, если они этого не хотят. Раньше это были те места, где предыдущие поколения студентов учились ладить с разными людьми и решать конфликты, когда вдруг оказывались в одной комнате с незнакомцами»^[34].

Если студент предпочитает отправиться в штат Аризона, потому что ему или ей нравится идея питаться не в столовой, то в самом учебном процессе явно что-то не так. Многие молодые люди, конечно же, делали еще более худший выбор по гораздо более глупым причинам. Студенты молоды, а родители любят своих детей. Все правильно. Но когда весь этот карнавал с подачей документов и поступлением заканчивается, преподавателям приходится учить тех студентов, которые вошли в их учебные аудитории с ожиданиями, совсем не совпадающими с реальными требованиями к получению высшего образования. Сегодня профессора не наставляют своих студентов: наоборот, студенты наставляют своих профессоров, словно компетентные лица. Так, в 2016 году группа студентов из Йеля потребовала, чтобы на английском отделении отменили курс, посвященный главным английским поэтам, потому что в нем был перебор с белыми европейскими мужчинами: «Мы

высказали свое мнение, – говорилось в их петиции. – И мы не будем молчать. Запомните»^[35]. Как сказал мне однажды профессор одной элитной школы: «Иногда я чувствую себя не преподавателем, а каким-то продавцом в дорогом бутике».

Так оно и есть. Этих детей чуть ли не с грудничкового возраста приучили обращаться к взрослым людям по имени. Им ставили «оценки», скорее, чтобы воспитать чувство собственного достоинства, а не стимулировать их к достижениям. И их приняли в высшее учебное заведение, после того как разрешили внимательно изучить колледжи, словно они выбирали себе дом рядом с полем для игры в гольф. Этот поток маленьких, но значимых уступок взрослым своим детям и их самооценке уничтожает их способность учиться и внушает ложное чувство успеха и чрезмерной уверенности в собственных знаниях, которое они возьмут с собой во взрослую жизнь.

Когда я впервые приехал в Дартмутский колледж в конце 1980-х годов, мне рассказали историю об одном хорошо известном (в то время все еще здравствующем) преподавателе, который наглядно демонстрирует данную проблему и те трудности, с которыми сталкиваются эксперты и педагоги. Знаменитый астрофизик Роберт Джастроу читал лекцию, посвященную программе президента Рональда Рейгана по созданию системы противоракетной обороны с элементами космического базирования^[14], которую он горячо поддерживал. Когда по окончании лекции настало время вопросов и ответов, один из студентов подверг сомнению идею Джастроу. Ученый старался проявлять терпение, но придерживался твердого убеждения, что подобная программа возможна и необходима. Студент же, понимая, что авторитетный преподаватель крупного университета не собирается менять своего мнения, поспорив несколько минут с второкурсником, в итоге пожал плечами и сдался.

Как сказал мне однажды профессор одной элитной школы: «Иногда я чувствую себя не преподавателем, а каким-то продавцом в дорогом бутике».

«Ну, – сказал студент, – Ваше предположение ничем не лучше моего».

Джастроу резко оборвал молодого человека: «Нет, нет, нет, – ответил он с нажимом. – Мои предположения гораздо, гораздо лучше Ваших».

Профессор Джастроу уже покинул этот мир, и я, будучи в Ганновере, так и не успел спросить его, что произошло в тот день. Но я догадываюсь, что он попытался преподать своим студентам несколько жизненных уроков. Тех уроков, которым все больше сопротивляются студенты колледжей и прочие

граждане. И заключаются они в том, что поступление в колледж – это только начало, а не конец процесса образования, и что уважать *мнение* другого вовсе не означает, что ты должен выказывать равное уважение *знаниям* этого человека. Вопрос о том, является ли национальная система ракетной обороны мудрой политикой, все еще спорный. Неизменным является лишь тот факт, что предположения опытного астрофизика и второкурсника колледжа совсем не равноценны.

И это не тот случай, когда какие-то всезнайки из Лиги плюща умничают в споре со своими преподавателями. Но возьмем более жизненную ситуацию, когда в 2013 году молодая девушка обратилась за помощью в социальные сети при выполнении домашнего задания. (Мы не знаем, где она живет и где она училась, но она описывала себя, как будущего доктора.) Очевидно, ей было дано задание изучить отравляющее вещество зарин, и, как она объяснила тысячам подписчиков Twitter, ей требовалась помощь, так как девушке еще нужно было присматривать за ребенком. Спустя несколько минут на ее просьбу откликнулся Дэн Казета, директор консультационной фирмы по вопросам безопасности в Лондоне и ведущий эксперт в области химического оружия, вызвавшийся помочь ей.

То, что произошло дальше, ошеломило многих читателей. Джеффри Льюис, военный эксперт из Калифорнии, увидел и опубликовал их разговор онлайн. «Я не могу найти химические и физические свойства газа Зарин [так в исходном тексте], пожалуйста, кто-нибудь помогите мне», – написала студентка в Twitter. Казета предложил ей свою помощь. Он исправил ее, отметив, что зарин не является газом, и что это слово следует писать с маленькой буквы. Как впоследствии иронично заметил Льюис, «помощь Дэна вызвала вздох облегчения у нашей растерянной студентки».

На самом деле вызвала она целый поток бранных слов. Студентка обрушилась на эксперта со всей силой своего оскорбленного самолюбия: «да [бранное слово], это газ, ты, невежественный [бранное слово]. Зарин – это жидкость, способная испаряться... заткнись [бранное слово]». Казета, явно в шоке, сделал еще одну попытку: «Набери мое имя в Google. Я – эксперт по зарину. Извини, что предложил свою помощь». Но и это не спасло ситуацию.

Конечно, один студент-задавака из Дартмутского колледжа и один сердитый пользователь Twitter могут быть исключениями из правил, и они наверняка являются примером крайних проявлений конфликтного поведения со стороны студентов. Но преподаватели, общаясь со студентами в учебных аудиториях и социальных сетях, сообщают о том, что случаи, когда студенты воспринимают исправление своей ошибки как оскорбление,

становятся все более частыми. Незаслуженная похвала и ложные успехи порождают у студентов необоснованную самонадеянность, которая способна заставить их выместить злобу на первом же преподавателе или работодателе, который рассеет эту иллюзию – привычка, от которой бывает сложно избавиться во взрослом возрасте.

Можно просто отправить электронную почту?

В настоящее время во многих колледжах, даже в самых маленьких, заметна тенденция относиться к студентам, как к клиентам, а компетентности – как к продукту. Рассмотрим, например, влияние электронной почты, стимулирующей все виды странного поведения, которое студенты обычно боятся продемонстрировать при личной встрече.

Даже если мы отбросим в сторону те неверные решения, которые принимаются после веселых и разгульных выходных, когда ты написал что-то и нажал «отправить», следует признать, что электронная почта порождает неуместное чувство близости, которое размывает границы, необходимые для эффективного процесса преподавания. Как мы увидим в следующей главе, это характерно для контактов в виртуальном пространстве в целом. Но неформальность общения между преподавателями и студентами – это еще один пример того, как учеба в колледже усиливает и без того заметную тенденцию к снижению уровня доверия к экспертам и их способностям. Электронная почта стала привычным явлением в кампусах в начале 1990-х годов, и за последующее десятилетие профессора заметили явные перемены, привнесенные возможностью мгновенных контактов. В 2006 году газетой *New York Times* был проведен опрос преподавателей колледжей о том, что они думают по поводу студенческой электронной почты, и их разочарование нельзя было не заметить. «В наши дни, – писала *Times*, – складывается впечатление, что студенты воспринимают свой факультет, как заведение, доступное двадцать четыре часа в сутки, посылая по электронной почте нескончаемый поток сообщений... слишком неформальных или откровенно неподобающих». Как сообщил *Times* профессор богословия из Джорджтауна: «Тон, в котором они общаются по электронной почте, просто невероятен. «Мне нужно знать это, и вы должны сказать мне это прямо сейчас». И говорится все с той фамильярностью, которая граничит с приказным тоном»^[36].

Электронная почта, как и социальные сети, является великим уравнивателем, и студентам приятно осознавать, что их переписка с преподавателями подобна типичному общению продавца услуг с потребителем. Это имеет прямое влияние на степень уважения к экспертным знаниям, потому что

подобная тенденция стирает любые различия между студентами, задающими вопросы, и преподавателями, которые отвечают на них. Как отметила New York Times:

«Если раньше профессора могли ожидать к себе почтительного отношения, то сейчас, похоже, их профессиональные знания стали всего лишь очередной услугой, которые студенты, как потребители, покупают. А потому студенты могут не испытывать страха оскорбить, отнять у профессора время или даже задать вопрос, который может продемонстрировать их собственное невежество.

Кэтлин Дженкинс, профессор социологии Колледжа Вильгельма и Марии в Виргинии, рассказала о том, что она получала сообщения от своих студентов, пропустивших ее занятия, с просьбой выслать ее собственные заметки к лекциям».

В ответ на подобные жалобы преподавателей по поводу электронной почты один второкурсник из Амхерста отреагировал так: «Если бы единственным способом общаться с моими профессорами было бы посещение их кабинета или телефон, тогда встал бы вопрос о приоритетах. Стоит ли этот вопрос того, чтобы идти с ним к профессору в его офис?»

На что преподаватель мог бы резонно ответить: «В том-то и дело». Профессора – это не интеллектуальные лакеи или друзья по переписке. Они работают не для того, чтобы мгновенно решать вопросы каждого студента – включая такой, например, вопрос, о котором упомянул профессор из Калифорнийского университета, чем лучше пользоваться на лекции, блокнотом или тетрадкой. Одно из тех качеств, которыми студенты должны овладеть в колледже – самодостаточность. Но зачем тратить силы на выяснение чего-либо, когда преподаватель под рукой – стоит только нажать несколько клавиш?

Процесс обучения нацелен на то, чтобы излечить студентов от всего этого, а не поощрять. Профессора иногда не решаются взять ситуацию под контроль – по многим причинам, включая риск потерять работу, особенно если они временные преподаватели, работающие по контракту. Некоторые из них, конечно же, относятся к студентам, как к равным, потому что впитали идею о том, что эти дети действительно ничем от них не отличаются – ошибка, которая наносит вред, как преподаванию, так и обучению. Кто-то из педагогов даже повторяет старую фразу о том, что «я учусь у своих студентов не меньше, чем они учатся у меня». (Относясь со всем уважением к моим коллегам по преподавательской деятельности,

которые используют это выражение, я вынужден сказать: если это так, *тогда вас нельзя назвать очень хорошими учителями.*)

Чтобы решить эту проблему с подменной ролей в учебной аудитории, учителям нужно вернуть свои полномочия. А чтобы сделать это, потребуется сначала перевернуть все представление о процессе образования, который сейчас воспринимается, как обслуживание клиентов. Озабоченная финансированием администрация вряд ли примет подобную контрреволюцию в учебных аудиториях, но такие перемены в любом случае будут крайне непопулярны среди клиентов.

На протяжении многих лет отец Джеймс Шолль из университета Джорджтауна шокировал своих студентов на первой лекции по политической философии, раздавая им собственноручно написанное эссе под названием «Обязанности студента перед своим преподавателем». Вот одна из выдержек:

«У студентов есть обязанности перед своими учителями. Я знаю, что этот принцип звучит довольно странно. Но давайте оставим его так, как есть.

Первой обязанностью, наиболее важной в первые недели нового семестра, является доброжелательность по отношению к учителю, доверие, убежденность и желание признаться себе самому в том, что учитель, вероятней всего, изучил данную тему и, в отличие от студента, знает, чем следует руководствоваться. Я не хочу в данном случае игнорировать опасность, которую представляет собой оторванный от жизни профессор, который навязывает свою точку зрения. Но быть студентом означает обладать некоторой долей смирения.

Электронная почта порождает неуместное чувство близости, которое размывает границы, необходимые для эффективного процесса преподавания.

Таким образом, студент обязан проявлять по отношению к своему учителю доверие, послушание, прилежание и способность мыслить»^[37].

На протяжении многих лет, прежде чем уйти на пенсию, Шолль настаивал на том, чтобы его студенты читали это эссе. Можно представить себе, какие гневные вопли в большинстве кампусов спровоцировало бы сейчас заявление о том, что студентам нужно больше трудиться, быть более объективным к своим собственным талантам и доверять преподавателям. Многие педагоги сегодня, возможно, согласились бы с Шоллем, но они

боятся обострять отношения со своими студентами, потому что всем известно расхожее правило – клиент всегда прав.

Всем студентам, с благими намерениями и не очень, одинаково плохую службу сыграет вера в то, что студенты и преподаватели интеллектуально и социально равны, и что мнение студента равноценно знаниям профессора. Вместо того чтобы развенчивать эти мифы у молодых людей, колледжи зачастую лишь поощряют их. А в результате люди приходят к твердому убеждению, что они умнее, чем есть в действительности. Как отметил социальный психолог Дэвид Даннинг: «Наше традиционное восприятие невежества, как отсутствие знаний, приводит нас к тому, что мы относимся к процессу образования, как к его естественному антитоду. Но образование, пусть даже умело осуществленное, способно давать иллюзорную уверенность»^[38].

Просто представьте себе, насколько трудно даются какие-то вещи, когда образование осуществлено неумело.

Типичный университет

Администратор маленького колледжа – прошу прощения, «университета» – может прочитать эту главу и запротестовать, что я несправедливо подвергаю суровой критике те виды деятельности, которые работают, как любой бизнес. В конце концов, высшее образование – это индустрия, и нет ничего плохого в том, что корпорации внутри этой индустрии соперничают друг с другом. Однако аналогия с бизнесом рушится, когда сами школы не дают того, что они обещают: образования.

Игра начинается задолго до того, как будущий студент заполнит бланк заявления о поступлении в учебное заведение. Несмотря на то что колледжи постарались снизить интеллектуальную нагрузку учебных программ, включив больше неакадемических видов деятельности и сделав акценты на более комфортные условия жизни, они одновременно попытались повысить свой рейтинг и придать себе весомости. Мой ранний комментарий о чрезмерно большом количестве «университетов» был сделан не случайно: это реальный процесс, начавшийся как минимум в 1990-х годах. Подобно многим другим факторам, связанным с текущими недугами высшего образования, эта перемена также подстегивается деньгами и статусом.

Одна из причин, почему эти маленькие школы становятся университетами, заключается в желании привлечь студентов, которые хотят верить в то, что платят за что-то качественное – а именно, за обучение в региональном или национальном «университете», а не местном колледже^[39]. Муниципальные

колледжи и колледжи штата – учреждения ниже по статусу, по сравнению с четырехгодичными университетами, по крайней мере, в глазах вчерашних школьников. А потому многие из этих учебных заведений попытались провести неумелый ребрендинг, став «университетами».

Более прозаический мотив, скрывающийся за этой игрой с названиями, заключается в стремлении найти новые финансовые потоки, привив маленьким колледжам программы бакалавриата. Соперничество в желании заработать больше денег и, как следствие, разрастание программ бакалавриата, подталкивает эти новые «университеты» к дальнейшей гонке в выдаче ученых степеней. Школы не только добавляют программы бакалавриата в таких областях, как бизнес-администрирование, многие из них расширяют эти программы дополнительными курсами для получения магистерской степени. Не желая проигрывать в соперничестве с другими школами, некоторые из этих новоявленных университетов идут еще дальше, добавляя образовательные программы аспирантуры. Но так как маленькие школы не могут обеспечивать полноценную подготовку программ на получение докторских степеней, они придумывают замысловатые междисциплинарные научные области, которые существуют лишь для того, чтобы производить новые дипломы. Нетрудно представить, чем все это заканчивается, когда полученные ученые степени в реальности не являются подтверждением соответствующего уровня знаний.

Все это граничит со злоупотреблением своим положением в академической сфере. Создание программ бакалавриата в колледжах, которые с трудом способны предоставить достойное высшее образование, это обман и студентов, и бакалавров. У маленьких колледжей нет ресурсов – включая библиотеки, исследовательские лаборатории и множественные программы – крупных университетов. А смена табличек на входе не способна волшебным образом создать тот тип академической инфраструктуры. Возможно, колледж в Смолвиле^[15], превращенный в стандартный университет, будет красиво смотреться на новом бланке, но этот шаг приведет к тому, что вполне дееспособный местный колледж станет «недозрелым» университетом.

Такой ребрендинг обесценивает любые дипломы и ученые степени. Когда все заканчивают университеты, гораздо сложнее разобраться в реальных достижениях и экспертных знаниях всех этих «выпускников университетов». Американцы сейчас стремятся накопить побольше дипломов, ученых ступеней, сертификатов и других свидетельств разного достоинства. Люди, желающие обмануть своих соотечественников, часто говорят, что у них есть высшее образование, и что их, таким образом,

следует принимать всерьез. Только одно способно расстроить больше, чем узнать, что они лгут относительно всех тех степеней, дипломов и квалификаций, которыми якобы обладают, – обнаружить, что они *действительно* обладают ими.

Студенты, вероятней всего, возразят, что требования, предъявляемые к ним по изучению их профилирующего предмета, гораздо выше, чем мне это видится. Возможно, но это зависит от самого профилирующего предмета.

Требования, предъявляемые студентам к получению степени в области точных наук (наука, технологии, инженерное дело, математика), иностранных языков или серьезной ученой степени в области наук гуманитарного цикла могут быть совершенно другими, чем те, что работают применительно к области коммуникаций или визуального искусства или – как ни больно мне признаться – к области политологии. В каждом кампусе есть «вынужденно выбранные профилирующие предметы», когда студент не имеет четкого представления о том, чем хочет заниматься, или переходит к ним с более трудных программ, после того, как поймет пределы своих способностей.

Рискуя быть неправильно понятым, хочу прояснить некоторые моменты. Во-первых, ни для меня, ни для моих коллег, работающих в сфере высшего образования, не является новостью, что даже в самых лучших школах есть курсы, требующие минимальных усилий, которые студент может пройти за определенное количество недель. Возможно, профессору будет стыдно признаться в этом, но нет ничего плохого в так называемых облегченных или развлекательных курсах. Я бы даже взялся отстаивать некоторые из них, как необходимые. На самом деле, *должны быть* курсы, где студенты могут экспериментировать с предметом, находить в этом интерес и ставить себе в заслугу то, что они изучили что-то.

Во-первых, ни для меня, ни для моих коллег, работающих в сфере высшего образования, не является новостью, что даже в самых лучших школах есть курсы, требующие минимальных усилий, которые студент может пройти за определенное количество недель.

Проблема возникает тогда, когда все курсы становятся похожи на них. Они встречаются среди научных дисциплин, предметов гуманитарного цикла, социальных наук, и их количество, по крайней мере, по моей субъективной оценке, неуклонно растет. Ни одна область не защищена от подобной тенденции, и обзор многочисленных учебных программ, существующих в стране – а также выдаваемых там степеней – говорит, что то, что когда-то

было исключительно профессорской прерогативой, теперь стало распространенной привычкой.

Я также должен отметить, что не собираюсь здесь призывать к сведению колледжей до набора факультетов точных наук с небольшой кучкой профилирующих предметов по английскому языку или истории. Я осуждаю подобные споры и уже давно возражаю против того, что считаю нападками на гуманитарные науки. Слишком часто те, кто преуменьшает значение гуманитарных наук, в действительности хотят ни много ни мало превратить колледжи в профессиональные училища. Искусствоведение в этом случае всегда будет цениться дешево. И большинство людей даже не осознают того, что множество дисциплин в области искусствования дают возможность сделать весьма престижную карьеру. В любом случае я бы не хотел жить в обществе, где нельзя изучать искусствование или, например, киноведение, философию или социологию.

Вопрос в том, много ли студентов, выбирающих эти профильные предметы, реально узнают что-то, и нужно ли, чтобы было так много студентов, изучающих эти дисциплины в третьеразрядных учебных заведениях, особенно за счет налогоплательщиков. Ни для кого не секрет, что студенты очень часто впустую тратят деньги и приобретают иллюзорные знания, тяготея к тем курсам или профильным предметам, которых либо вообще не должно быть, либо они должны быть предназначены исключительно для той небольшой группы студентов, которые собираются изучать их серьезно и усердно. Это также один из тех моментов, о которых преподаватели предпочитают умалчивать, потому что обиженным родителям и полным надежд студентам это может показаться безосновательной элитарностью.

Возможно, и элитарностью, но не безосновательной. Многие маленькие школы когда-то называли «учительскими колледжами», и они хорошо служили этой цели. Их факультеты истории или английского языка выполняли полезную функцию, готовя учителей истории и английского языка. Но сегодня эти крошечные «университеты» предлагают для изучения антропологию или философию науки, как будто их студенты собираются продолжить учебу в Стэнфорде или в Чикаго. Иногда эти профилирующие предметы построены вокруг интересов нескольких преподавателей, читающих эти курсы, или же предлагаются, чтобы расширить «ассортимент» школы, чтобы она выглядела интеллектуально и более внушительно.

Нет ничего плохого в том, чтобы стремиться к личностному росту или своей заветной мечте, если вы можете себе это позволить. Если в маленьком колледже преподают курс истории, который вам интересен, обязательно

пройдите его. Это может быть восхитительным опытом. Но студенты, которые выбирают профилирующие предметы, мало задумываясь о том, где находится их школа, какие академические ресурсы она может им предложить в этой программе или где окажутся выпускники, изучившие эти программы, рискуют покинуть кампус, имея гораздо более скудные знания, чем им бы хотелось признать. И эта проблема лежит в основе множества бесполезных споров с теми людьми, которые глубоко ошибаются в качестве своего собственного образования. Когда обновленные университеты предлагают курсы и образовательные программы так, как будто они примерно эквивалентны своим гораздо более известным соперникам, они тем самым не только вводят в заблуждение своих будущих студентов, но также наносят вред последующему процессу обучения. Разрыв в качестве программ может привести в будущем к чувству обиды и возмущения: если и ты и я учились истории в университете, тогда почему твое мнение по поводу русской революции лучше моего? Какое значение имеет то, что ты учился на престижном факультете, а моя программа была такой маленькой, что там преподавал только один профессор? Если я изучал киноведение в маленьком колледже штата, а ты осваивал киноведческую специальность в Университете Южной Калифорнии, то кто ты такой, чтобы считать, что знаешь больше, чем я? У нас одинаковая ученая степень, разве не так?

Подобного рода сравнения и споры относительно различий колледжей, а также их ученых степеней и программ очень быстро берут за живое. Студент, принятый в престижную школу и получивший там ученую степень, возмущается такой уравниловкой, сопровождаемой бесстрастным сравнением с профилирующим предметом его коллеги из неизвестного общедоступного «университета». (Если все школы одинаково хороши, тогда почему в некоторые из них поступить сложнее?) Тем временем студент, работавший день и ночь, чтобы получить ту же ученую степень, негодует из-за намека на то, что его или ее успехи значат меньше, если твое учебное заведение не столь престижно. (Если все учебные заведения, за исключением «Лиги плюща», никуда не годятся, тогда почему они получили аккредитацию?)

Эти аргументы во многом ошибочны, потому что в них зачастую отражено только стремление быть первым. Плохой студент, посещавший хорошую школу, все равно останется плохим студентом. А знания прилежного студента из маленького учебного заведения не сможет умалить отсутствие названия прославленной школы на его дипломе. Но факт остается фактом – обучение в региональном колледже с перегруженным работой преподавателем-почасовиком, как правило, значительно отличается от процесса обучения в престижном университете с преподающим там

высококвалифицированным ученым. Однако подобное высказывание мгновенно вызовет раздраженные обвинения в снобизме, и все в итоге уйдут рассерженными. И пусть нам не нравятся какие-то из этих сравнений, но они важны для того, чтобы разграничить экспертные знания от условных. Действительно, крупные университеты тоже могут выпускать неучей. Но так называемые «университеты» пытаются взвалить на себя непосильную интеллектуальную ношу, руководствуясь неправильными мотивами, включая маркетинг, деньги и репутацию профессорско-преподавательского состава. В конечном итоге они оказывают дурную услугу как студентам, так и обществу в целом. Изучение одного и того же предмета дает людям возможность обсуждать в дальнейшем данный конкретный предмет, но это не делает их автоматически равными.

Разрыв в качестве программ может привести в будущем к чувству обиды и возмущения: если и ты и я учились истории в университете, тогда почему твое мнение по поводу русской революции лучше моего?

Колледжи и университеты также вводят в заблуждение своих студентов относительно своей собственной компетентности путем обесценивания отметок и баллов. Разрушение существующих стандартов с целью добиться того, чтобы домашние задания не слишком утруждали студентов, лишая их радости посещения колледжа – это один из способов порадовать молодежь и не допустить неуспеваемости на факультете. Как писала Меган Мак-Арлл из Bloomberg, совсем не удивительно, что данная попытка уменьшить неприятное чувство необходимости ходить в колледж приводит к тому, что места в учебных аудиториях становятся товаром, а не заработанной в результате честной конкуренции привилегией.

«Наиболее наглядно результаты такой деятельности видны в красоте внешнего вида колледжа и прилегающей территории, а также все более шикарных студенческих общежитий, с помощью которых колледжи соревнуются между собой, чтобы привлечь студентов. Однако подобные перемены не ограничиваются чисто внешним. Профессора изумляются тому, насколько беззастенчиво сейчас студенты требуют хороших оценок, забыв о всякой профессиональной этике. Но именно этого и следует ожидать, если студенты воспринимают себя как потребителей, а продуктом считают диплом, а не образование».

А вот еще мнение журналиста Кэтрин Рэмпелл из Washington Post, которая говорит о том, что поступление в колледж в настоящее время является сделкой, когда «студенты платят больше за образование, и ожидают большего взамен – лучшего сервиса, лучшего оборудования и лучших

оценок»^[40]. В настоящее время к студентам предъявляется меньше требований, чем это было даже несколько десятилетий назад. Меньше объем домашних заданий, короче trimestры и четверти, а технологические инновации делают процесс обучения в колледжах более увлекательным, но менее напряженным. Когда учеба в колледже – это бизнес, нельзя исключить клиента за неуспеваемость.

Колледж, конечно, это не одни лишь развлечения на свежем воздухе вроде скалолазания или сплава по реке на каяке. Но здесь, несомненно, наблюдается тенденция к преуменьшению значения оценок путем их завышения. Как обнаружилось в исследовании Чикагского университета, проведенного в 2011 году, «не требуется больших усилий, чтобы продемонстрировать удовлетворительный уровень академических знаний в сегодняшних колледжах и университетах».

«Сорок пять процентов студентов сообщили о том, что в предыдущем семестре у них не было ни одного курса, где требовалось бы записать больше двадцати страниц текста за весь период. У 32 процентов студентов не было ни одного занятия, где бы назначили больше сорока страниц текста для чтения в неделю. Неудивительно, что многие сегодняшние студенты колледжей решают посвятить время другим занятиям»^[41].

Часть этих «других занятий» облагораживают и развивают. Но многие другие относятся к тем вещам, о которых родителям лучше не знать.

Когда речь заходит о гибели экспертного знания, то итог отсутствия серьезных нагрузок и легкого получения хороших отметок вполне очевиден: студенты оканчивают учебное заведение с высокими баллами, не отражающими соответствующий уровень образования или интеллектуальных достижений. (Опять же здесь я не беру в расчет определенные виды ученых степеней и говорю о ситуации в стране в целом.) Фраза «в университете я был круглым отличником» имеет совсем иное значение, по сравнению с тем, что было в 1960 году или даже в 1980 году. Проведенное в 2009 году изучение двухсот колледжей и университетов показало, что оценка *A* была самой распространенной, и ее частота выросла почти на 30 процентов по сравнению с 1960 годом и более чем на 10 процентов с 1988 года. А оценки в диапазоне *A* и *B* составляют сейчас более 80 процентов всех оценок по всем предметам – тенденция, которая несколько не ослабевает^[42]. Другими словами, все дети сейчас выше среднего уровня. Так, например, в 2012 году самой часто выставляемой оценкой в Гарварде было круглое «отлично». В Йеле более 60 процентов всех оценок составляют либо *A-*, либо *A*^[16]. Такое может случаться время от

времени на отдельных занятиях, но это почти невозможно в масштабах целого университета при любом нормальном выставлении оценок, даже среди самых способных студентов.

Когда учеба в колледже – это бизнес, нельзя исключить клиента за неуспеваемость.

Каждое учебное заведение, сталкиваясь с подобными фактами, обвиняет в этом остальных. Но проблема заключается в том, что никакой университет или программа не может противостоять процессу обесценивания оценок, не нанеся при этом вред своим студентам: первый же факультет, который вернет оценкам их прежнюю ценность, мгновенно сделает своих студентов менее способными в глазах студентов других учебных заведений. Это, как корректно отмечает Рэмпелл, означает, что теперь «удовлетворительная оценка» уже не «джентльменская C ^[17]» 1950-х годов, а «джентльменская A », которая в настоящее время выдается, как свидетельство о прохождении курса, а не как награда за блестящую учебу.

Принстон, Уэллсли и Гарвард, среди прочих, создали комиссии, чтобы изучить проблему обесценивания отметок. В 2004 году в Принстоне выбрали политику, целью которой было ограничить возможности профессорско-преподавательского состава выставять оценку A – эксперимент, который сами преподаватели свернули менее чем через десять лет. В колледже Уэллсли на отделениях гуманитарных наук попытались ограничить в среднем максимальную оценку отметкой $B+$ ^[18]. В результате на этих курсах потеряли пятую часть своих абитуриентов, а связанные с ними факультеты потеряли почти треть своих профилирующих предметов.

Опытные преподаватели бьются над этой проблемой годами. Я – один из них, и, как и мои коллеги, так и не нашел никакого решения. Но самое главное в вопросе обесценивания оценок заключается в том, что такое явление существует, и оно способствует тому, что у студентов возникает неоправданная уверенность в собственных способностях. Почти каждое высшее учебное заведение замешано в том, что, по сути, является тайным сговором в выставлении оценок, который, с одной стороны, подпитывается требованиями рынка сделать колледж интересным для студентов, студентов – привлекательными для работодателей, а чувствительных профессоров защитить от гнева неудовлетворенных студентов, а с другой стороны – безответственными представлениями о роли самооценки в процессе образования.

Не судите меня строго

Еще один способ, с помощью которого колледжи и университеты укрепляют представление о том, что студенты – это клиенты, и, таким образом, обесценивают понятие экспертного знания – это оценивание студентами своих педагогов, словно они равные. Практика оценки преподавателей студентами возникла после событий 1960-х годов с движения за большее «соответствие потребностям учебного процесса» и расширение участия студентов в нем. Она здравствует и по сей день. А в эпоху, когда бизнес, включая образовательные учреждения, озабочен «численными показателями», этим подходом всячески злоупотребляют.

На самом деле я поддерживаю возможность оценки преподавателей студентами, но ограниченно. Могу нескромно заявить, что мои оценки были весьма хорошими с первых дней преподавания – я получал награды за преподавательскую деятельность как в Военно-морском колледже, так и в Школе расширенного образования Гарвардского университета – поэтому у меня нет личной заинтересованности отомстить кому-то. Кроме того, я бывший администратор, которому по должности приходилось просматривать оценки других преподавателей, отслеживая работу факультета. За долгие годы я прочитал тысячи таких оценок от студентов всех уровней. И могу сказать, что это нужное дело, если подходить к нему должным образом. Тем не менее в настоящее время вся идея полностью вышла из-под контроля, когда студенты выставляют рейтинги профессиональным людям, словно они выдают рецензию на фильм или оценивают пару туфель.

Обычно оценки попадают в нейтральную область, где большинство преподавателей компетентны, а большинству студентов в целом нравятся курсы. Но здесь важен систематический подход: ежегодный просмотр оценок помогает определить как лучших, так и худших преподавателей, особенно если те, кто будет читать эти обзоры, разбираются в том, как студенты пишут такие отчеты. (Фраза «она надоедливая», например, часто означает, что «на самом деле она ждала, что я прочитаю ту книгу, которую она задала, вместо того, чтобы просто развлечь меня».) На своих занятиях я использую эти оценочные отчеты, чтобы обнаружить те моменты, которые работают, и те, что не дотягивают до определенного стандарта. Например, книги или лекции, которые нужно оставить, или от которых следует отказаться. Или чтобы помочь мне понять, разделяют ли студенты мое ощущение особенно удачно или неудачно использованного термина.

Но все равно есть что-то неправильное в той системе, которая просит студентов ответить, насколько сильно им нравится процесс обучения. Колледж – это не ресторан. (Иногда мне слышится в этих оценках стиль

рецензии из Yelp: «Курс базовой статистики читался немного сухо, но он был содержателен. А мой друг выбрал облегченный вступительный курс, посвященный мировым религиям, в котором был лишь намек на изюминку».) Оценивание преподавателей порождает тот склад ума, когда непрофессионал привыкает судить эксперта, несмотря на то, что он объективно находится ниже по уровню знаний данного предмета.

Студенческие оценки также являются сверхчувствительным индикатором, на который способны повлиять самые крошечные и незначительные факторы, от удобных сидений до времени суток, когда проходят занятия. Определенное их количество следует просто игнорировать. А некоторые из оценок являются даже странными, причем настолько, что профессора обмениваются рассказами о самых худших или необычных оценках, которые они когда-либо получали. Однажды один из моих коллег прочитал подробную лекцию по истории британского флота, и единственным комментарием будущего военного было замечание о том, что педагогу следовало бы отутюжить рубашку. Лучшему историку, которого я знаю, регулярно доставалось от студентов за то, что он слишком краток. Как-то раз студент заявил мне, что я отличный профессор, но мне следует сбросить вес. (Это как раз было правдой.) Другой студент так невзлюбил меня, что в своей оценке писал, что будет молиться за меня.

Какими бы забавными ни были эти отзывы, все они побуждают студентов считать себя вправе судить о таланте своих преподавателей. Когда процесс обучения заключается в том, чтобы заставить клиентов чувствовать себя довольными, то стремление руководствоваться оценками студентов вынуждает более слабых или менее уверенных преподавателей становиться дрессированными медведями, желающими, чтобы их любили или, по крайней мере, они нравились. А в конечном итоге, чтобы больше студентов прочитали эти отзывы, и пришли на занятия (продлив профессорский контракт) в следующем семестре. Это порождает и поддерживает порочный круг, когда преподаватели стремятся угодить учащимся и завышают оценки.

Студенты должны быть вовлечены в процесс обучения не только как наблюдатели или вместилища информации. Тесное взаимодействие и обсуждение – это живительная кровь университета, и профессоров тоже можно критиковать как за их идеи, так и за преподавательские способности. Но чисто потребительский подход к образованию свел процесс обучения к коммерческой операции, когда студентов приучают быть разборчивыми потребителями, а не критически мыслящими людьми. Это, в свою очередь, сказывается на профессиональной компетентности и дает дополнительный

стимул нападкам на традиционную систему знаний в целом, сводя таким образом к нулю ценность университета как такового.

Колледж – не островок безопасности

Молодые юноши и девушки не настолько безответственны, как мы иногда изображаем их в средствах массовой информации или поп-культуре, и сами представляем. Мы смеемся над кинокомедиями о жизни в колледжах и с нежностью вспоминаем наши собственные безответственные выходки в пору студенчества. А потом строго наказываем нашим детям, чтобы они никогда не вели себя так, как мы. Мы аплодируем студенческой активности, если нам нравится повод, и порицаем ее, если не согласны. Взрослые всегда норовят стать сердитыми критиками того поколения, которое следует за ними.

Еще один способ, с помощью которого колледжи и университеты укрепляют представление о том, что студенты – это клиенты, и, таким образом, обесценивают понятие экспертного знания – это оценивание студентами своих педагогов, словно они равные.

Однако ничто не оправдывает руководство колледжей, когда они позволяют превращать свои кампусы в цирк. Вероятно, это неизбежный процесс, что негативное отношение к интеллектуалам, присущее Америке, пропитывает студенческие кампусы – но это не причина сдаваться. Хотя можете быть уверены: кампусы в Соединенных Штатах все больше сдают свои интеллектуальные позиции не только детям, но также тем активистам, непосредственно нападающим на традиции свободной мысли, которую научные сообщества должны были бы защищать. У меня есть множество резких слов относительно того, что я считаю покушением на свободу мысли, но я не собираюсь произносить их здесь. Существуют десятки книг и статей о том, как колледжи и университеты стали прибежищем политкорректности, ради которой академическую свободу удушают драконовскими правилами, установленными идеологами из числа студентов и профессорско-преподавательского состава. И я не вижу смысла в том, чтобы в очередной раз повторять здесь эти аргументы.

Но когда дело касается гибели экспертного знания, важно задуматься о том, как текущие увлечения в кампусе, включая «островки безопасности» и запреты на употребление тех или иных слов и выражений, фактически разрушают способность моих коллег воспитывать людей, способных к критическому мышлению. (И помните, что «критическое мышление» и «беспощадная критика» это разные вещи.) Точно так же, как потребительский подход к процессу образования приучает молодых юношей

и девушек оценивать школу по иным критериям, чем критерий приобретения знаний, подобные поблажки юным активистам побуждают их верить в то, что работа студента колледжа заключается в том, чтобы просвещать профессоров, а не наоборот.

Примеров подобного рода так много, что было бы несправедливо указывать на политику или разногласия, царящие в каком-то конкретном университете. Эта проблема свойственна американской университетской системе в целом, и периодически возникает со времен 1960-х годов. Но что можно отметить сегодня и что особенно тревожит, когда дело касается формирования образованного общества, – это заботливая и убаюкивающая атмосфера современного университета, делающая студентов инфантильными, лишаящая их способности к логической и продуманной аргументации. Когда чувства значат больше, чем рациональность или факты, то образовательный процесс становится обреченным проектом. Эмоции это неуязвимая защита от авторитета экспертов, оборонительный ров из гнева и возмущения, в котором разум и знания быстро потонут. И когда студенты учатся тому, что эмоции перевешивают все, то этот опыт они будут использовать до конца своих дней.

Молодые юноши и девушки не настолько безответственны, как мы иногда изображаем их в средствах массовой информации или поп-культуре, и сами представляем.

Колледжи предназначены для того, чтобы в тишине и спокойной обстановке образованные мужчины и женщины решали, что верно, а что нет, и где бы они научились следовать научному методу познания, вне зависимости от того, куда он их приведет. Вместо этого колледжи стали заложниками студентов, которые требуют, чтобы их чувства были превыше всех остальных соображений. Они, несомненно, убеждены в своем праве требовать этого, потому что привыкли так жить, в терапевтической культуре, которая не оставляет ни одной невысказанной мысли и ни одного невыраженного чувства.

И все же студенческая активность – это естественная часть жизни колледжа. Подростки и двадцатилетние *должны* быть эмоциональными. Такова их природа. Я все еще достаточно старомоден, если жду, что образованные мужчины и женщины станут лидерами среди избирателей по той простой причине, что они получили хорошее образование. А потому я аплодирую завтрашним избирателям, которые продемонстрируют свою политическую зрелость в спорах и дискуссиях.

К сожалению, новая студенческая активность возвращается к прежней студенческой активности полувековой давности: нетерпимость, догмы и даже угрозы и насилие. Как это ни смешно (а может быть трагично), студенты сегодня прибегают к крайним выражениям и мерам в отношении самых незначительных вещей. Когда послевоенное поколение студентов в 1967 году заявляло, что они протестуют, отстаивая мир во всем мире, то была вполне понятна эмоциональность молодых людей, которых призывали в армию, чтобы потом отправить в азиатские джунгли. А представители национальных меньшинств, которые не были полноценными гражданами перед лицом закона до начала 1960-х годов, вполне оправданно чувствовали, что им недоступны иные, менее зрелищные варианты выхода из ситуации, хотя ничто не оправдывает последовавшее насилие.

Сегодняшние же студенты раздражаются гневом над надуманными случаями пренебрежительного к ним отношения, которые даже отдаленно нельзя отнести к той же категории, что борьба за гражданские права или призыв на войну. Студенты сегодня раздувают из мухи гигантского слона и опускаются до истерики из-за розыгрышей и вымыслов. Во всем этом окружении они учатся тому, что эмоции и громкость голоса всегда победят разум и факты, строя, таким образом, вокруг себя крепости, которые ни один преподаватель, эксперт или интеллектуал не сможет пробить.

В 2015 году в Йельском университете был случай, когда жена декана факультета имела неосторожность посоветовать представителям нацменьшинств игнорировать костюмы в праздник Хэллоуина, если они находят их оскорбительными. Это спровоцировало вспышки недовольства по всему кампусу, когда разгневанные студенты заглушали своим криком профессоров. «Вы, как директор университета, – кричал один из студентов прямо в лицо профессору, – обязаны обеспечить студентам комфортную, домашнюю обстановку... Вы понимаете это?!»

На что профессор спокойно ответил ему: «Нет, я не согласен с этим», и тогда студент обрушился на него:

«Тогда почему [бранное слово] Вы согласились на эту должность? Кто [бранное слово] Вас нанял? Вы должны отказаться от нее! Если так Вы понимаете свои обязанности, Вам надо подать в отставку! Вы здесь не для того, чтобы создавать интеллектуальное пространство! Не для этого, понимаете! А для того, чтобы каждый из нас чувствовал себя здесь как дома^[19]! И этого вы не делаете!^[43]

Руководство Йеля, вместо того, чтобы наказать студентов за нарушение их собственных норм академической риторики, извинилось перед зачинщиками

беспорядка. Декан в конечном итоге ушел со своего поста, но остался членом профессорско-преподавательского состава. А его жена не только уволилась, но и вообще отказалась от преподавательской деятельности.

Для всех преподавателей урок был очевиден: кампус элитного университета – это не место для интеллектуальных изысканий. Это роскошный дом, который сдается в аренду на период от четырех до шести лет, по девять месяцев за раз, детям элиты, которые могут кричать на преподавателей, словно они выговаривают неуклюжей прислуге в колониальном особняке.

Спустя месяц после скандала в Йеле, вспыхнули протесты в Университете Миссури после того, как на стене в туалете фекалиями была нарисована свастика. Что именно должно было сделать руководство одного из лучших государственных университетов, кроме того, что помыть стену, неясно, но кампус все равно взорвался. «Вы знаете, что такое “системное угнетение”^[20]?» – кричала студентка на ошеломленного президента университета. «Так наберите в Google!» – выкрикнула она. Студенческих журналистов запугивали и угрожали им, в одном случае – преподаватель, оказавшийся, по иронии судьбы, почетным профессором в школе журналистики. После нескольких дней всей этой театральщины президент подал в отставку. (Ректор университета и профессор, который отказался отменять занятия после акций протеста, поступили аналогично.)

Колледжи предназначены для того, чтобы в тишине и спокойной обстановке образованные мужчины и женщины решали, что верно, а что нет, и где бы они научились следовать научному методу познания, вне зависимости от того, куда он их приведет.

Но Миссури – это не Йель. У них нет столь жестких требований к процессу обучения. В свете всех этих событий – протестов и отставок – количество поданных заявлений о приеме и суммы пожертвований снизились^[44]. Несколько месяцев спустя профессор из школы журналистики, который дал отпор студенту, был уволен. В итоге университет оказался с сократившимся количеством преподавателей, администраторов, заявлений о поступлении и меньшей суммой пожертвований. А все потому, что группа студентов при поддержке еще менее многочисленной группы профессорско-преподавательского состава крупного публичного университета поменяла местами роли учителей и учеников.

Примечательно, что данная тема часто объединяет либеральных и консервативных интеллектуалов. Британский ученый Ричард Докинз, своего рода бич для консерваторов из-за его взглядов на религию, был

в замешательстве от самой идеи «островков безопасности» – тех мест, которые требуются американским студентам для передышки от любых политических проявлений, которые они считают «взрывоопасными». Докинз не стал смягчать тона: «Университет это не “островок безопасности”, – писал он в Twitter. – Если вам нужен такой островок, уходите, отправляйтесь домой, обнимите мишку и пососите большой палец, пока не будете готовы вновь вернуться в университет».

После событий в Йеле и Миссури журналист из журнала Atlantic Конон Фридерсдорф отмечал, что «то, что происходит в Йеле, это тенденция», и что завтрашние элиты усваивают ценность не свободного выражения мысли, а крайней нетерпимости. «Кто-то, возможно, с пониманием отнесется к этим студентам», – писал позднее Фридерсдорф. (Я лично нет, но Фридерсдорф более понимающий человек, чем я.) «Но если электронное письмо по поводу костюмов для Хэллоуина заставляет их пропускать занятия и переживать нервные срывы, то тогда либо им нужна помощь профессиональных психиатров, либо их жестоко ввели в заблуждение идеологическими представлениями относительно того, что должно вызывать у них страдания»^[45].

Тем временем сторонник свободы мысли, журналист и профессор права из университета Теннесси Гленн Рейнольдс предлагает более радикальное решение проблемы:

«Чтобы быть избирателем, человек должен участвовать во взрослых политических дискуссиях. Для этого необходимо уметь слушать аргументы своего оппонента и даже – как я делаю это прямо сейчас в своей колонке – изменить свое мнение при наличии новых фактов.

Поэтому нам нужно подумать над тем, не повысить ли избирательный возраст до 25 лет – тот возраст, будем отчаянно надеяться – когда у человека появляется определенная степень зрелости. Конечно, нехорошо относиться к студентам колледжа, как к детям. Но это невыносимо, когда тобой *управляют* испорченные дети! Люди, которые не способны рационально обсудить костюмы для Хэллоуина, не заслуживают права участвовать в управлении великой нацией»^[46].

Можно быть уверенным, что никто не собирается вносить в Конституцию поправку вслед за предложением профессора Рейнольдса. Но его комментарии, как и те, что сделали другие эксперты, указывают на чудовищный парадокс, когда студенты колледжа хотят управлять своей школой, но при этом настаивают на том, чтобы к ним относились как к детям.

Опять же я не имею представления о том, как решить эту проблему, особенно до той поры, когда молодые люди оказываются в колледже. Подобно большинству профессоров – я надеюсь – я стараюсь удерживать своих студентов в рамках четких стандартов. Я ожидаю от них, чтобы они научились формулировать свою точку зрения и отстаивать ее спокойно и обоснованно. Я оцениваю их по тому, как они отвечают на вопросы, которые я задаю им на экзамене, и по качеству их письменной работы, а не на основании их политических взглядов. Я требую от них, чтобы они относились с уважением к другим студентам и чтобы они приносили в учебную аудиторию идеи и взгляды других, не проявляя при этом личных эмоций или обид.

Если они провели четыре года в колледже, выказывая такое неуважение к своим профессорам и учебным заведениям, то нельзя ожидать, что они проявят уважение к своим согражданам.

Но когда студенты покидают мой класс, меня преследует мысль о том, что я не смогу сглаживать их споры вечно. Я не смогу предотвратить их грубые выпады в адрес других, их стремление отвергать факты, осуждение доброго совета или настойчивые требования, чтобы их чувства доминировали над истиной. Если они провели четыре года в колледже, выказывая такое неуважение к своим профессорам и учебным заведениям, то нельзя ожидать, что они проявят уважение к своим согражданам. И если уже нельзя рассчитывать на то, что выпускники колледжей смогут вести аргументированную дискуссию в американском обществе и понимать разницу между знанием и чувством, тогда мы действительно в большой беде, и ни один эксперт не поможет нам.

Глава 4

Давай загуглю: как неограниченное количество информации отупляет

Мой мозг готов принимать информацию с той же скоростью, с которой Сеть распространяет ее: в стремительнодвигающемся потоке частиц. Когда-то я был аквалангистом в море слов. Теперь я несусь по поверхности, словно на гидроцикле.

Николас Карр

Несмотря на то что Интернет мог бы сделать всех нас умнее, большинство из нас он делает глупее. Потому что это не просто магнит для любопытных. Это глубокий колодец для излишне доверчивых. Он каждого человека мгновенно делает экспертом. У Вас ученая степень? А я набрал запрос в Google!

Фрэнк Бруни

Не верьте всему, что вы читаете в Интернете, особенно цитатам знаменитых людей.

Авраам Линкольн (возможно)^[21]

Возвращение закона Старджона

Спросите любого профессионала или эксперта относительно гибели экспертного знания, и большинство их них сразу же назовут источник зла: Интернет. Люди, которые когда-то вынуждены были обращаться за советом к специалистам в определенной области, теперь вбивают слова в веб-поисковик и получают ответ за секунды.

Зачем полагаться на людей более образованных и опытных, чем вы? Или, хуже того, встречаться с ними, когда ты можешь сам получить эту информацию? Боль в груди? Задай вопрос компьютеру: «Почему у меня болит грудь?» И получишь более 11 миллионов результатов (по крайней мере, в поисковой системе, которой я только что воспользовался) всего за 0,52 секунды. Поток информации заполнит ваш экран, выдав полезные советы из самых разных источников, от Национальных институтов здравоохранения США до других учреждений, чья репутация чуть менее достойна. Некоторые из этих сайтов, возможно, даже поставят своему потенциальному пациенту диагноз. И пусть у вашего доктора будет другое мнение, но кто он такой, чтобы спорить со светящимся экраном, который ответит на ваш вопрос меньше, чем за секунду?

На самом деле, кто имеет право спорить с кем бы то ни было? В информационную эпоху не существует таких вещей, как неразрешимый спор. У каждого из нас под рукой, на смартфоне или планшете, собран такой объем информации, что не найдешь во всей Александрийской библиотеке. В начале этой книги я упомянул о персонаже Клиффе Клейвине из телесериала «Веселая компания»^[22], местного всезнайку, который привычно просвещал других завсегдатаев бостонского паба по всем существующим темам. Но сегодня такого Клиффа не могло бы быть: при первом же его заявлении о том, что «это известный факт», все в баре потянулись бы к своим телефонам и подтвердили (или, скорее, опровергли) любое из утверждений Клиффа. Если выразиться иначе, то технологии создали мир, в котором мы все сейчас Клиффы Клейвины. И это проблема.

Однако вне зависимости от того, что думают раздраженные профессионалы, Интернет – не главная причина трудностей, которые испытывает

в настоящее время экспертное знание. Правильнее будет сказать, что Интернет лишь ускорил нарушение общения между экспертами и дилетантами, предложив очевидный кратчайший путь к эрудиции. Он позволяет людям изображать интеллект, давая иллюзию экспертных знаний, а вернее – доступ к неограниченному количеству фактов.

Факты, как известно экспертам, не то же самое, что знания или способности. А в Интернете «факты» не всегда являются фактами. В различных перепалках в кампаниях против традиционной системы знаний Интернет напоминает артиллерийскую дуэль: постоянное бомбардирование взятой наугад, бессистемной информацией, которая обрушивается и на экспертов и на обычных граждан, оглушая всех нас и блокируя любые попытки начать аргументированное обсуждение.

Пользователи Интернета придумали много остроумных законов и формул для описания обсуждений в электронном мире. Тенденция выносить на обсуждение нацистскую Германию в любом споре вдохновила на создание «закона Годвина»^[23] и связанного с ним понятия “*Reductio ad Hitlerum*” («сведение к Гитлеру»^[24]). Глубоко укоренившиеся и обычно неизменные взгляды пользователей Интернета стали основой «закона Поммера», гласящего, что под влиянием Интернета, человек, у которого *не было* мнения по какому-то предмету, приобретает только *неверное* мнение по нему. Существует еще множество разных законов, включая мой любимый «закон Скитта»: «Любое сообщение в Интернете, исправляющее ошибку в чьем-либо посте, само будет содержать минимум одну ошибку».

Но когда речь заходит о гибели экспертного знания, то закон, о котором следует помнить – это ремарка, сделанная задолго до изобретения персонального компьютера: закон Старджона, названный так в честь легендарного писателя-фантаста Теодора Старджона. В начале 1950-х годов высококолобые критики высмеивали качество популярной литературы, в особенности американской фантастики. Они считали жанры научной фантастики и фэнтези своего рода «литературным гетто». И почти вся подобная литература, презрительно фыркали они, была никудышной. Старджон сердито отвечал этим критикам, что они слишком высоко подняли планку. Большинство продуктов в большинстве областей, возражал он, низкого качества, включая то, что считалось тогда серьезной литературой. «Девяносто процентов чего угодно, – указывал Старджон, – никуда не годится».

Если говорить об Интернете, то девяносто процентов Старджона могут быть здесь заниженными цифрами. Один лишь размер и объем Интернет

и неспособность отделить значимую информацию от хаотического шума означают, что качественная информация всегда будет погребена под дрянными фактами и странными рассуждениями.

Но что еще хуже, нет возможности угнаться за всем этим, даже если бы какие-то группы или организации захотели бы предпринять такую попытку. В 1994 году существовало менее трех тысяч веб-сайтов. К 2014 году это количество перевалило за *один миллиард*^[47]. Большинство из них проиндексировано поисковыми машинами и появятся у вас перед глазами за считанные секунды, независимо от их качества.

Хорошая новость состоит в том, что даже если закон Старджона работает, все равно существует сто миллионов отличных веб-сайтов. К ним относятся все крупные мировые новостные издания (большая часть которых в настоящее время прочитывается в электронном, а не в бумажном виде), а также домашние страницы аналитических агентств, университетов, исследовательских организаций и огромного количества важных научных, культурных и политических персон. Плохая новость, конечно же, заключается в том, что для того чтобы найти эту информацию, вам нужно перелопатить всю эту толщу бесполезной или недостоверной ерунды, размещенной любым, кто пожелает, от доброжелательных бабушек до киллеров «Исламского государства»^[25]. Даже самые умные люди на планете подолгу зависают в Интернете. А самые глупые люди на той же планете находятся всего в одном клике от них, перейдя на соседнюю страницу или по ссылке на сайт.

И пусть у вашего доктора будет другое мнение, но кто он такой, чтобы спорить со светящимся экраном, который ответит на ваш вопрос меньше, чем за секунду?

Бессчетное количество веб-сайтов нулевой ценности, переполненных чепухой, – ночной кошмар Старджона. Тем, кому уже приходится делать сложный выбор, чтобы получить информацию из нескольких десятков новостных телевизионных каналов, теперь сталкиваются с миллионами и миллионами веб-страниц, созданных любым, кто желает платить за свое присутствие онлайн. Интернет – несомненно, великое достижение, которое продолжает менять наши жизни к лучшему, предлагая все большему количеству людей как никогда широкий доступ к информации – и друг к другу. Но здесь есть и темная сторона: он оказывает заметное и глубоко негативное влияние на то, как люди добывают информацию и реагируют на экспертные знания.

Самой очевидной проблемой является то, что свободное право размещать там все, что угодно, позволяет заполнять публичное пространство некачественной информацией и незрелыми мыслями. На просторах Интернета пышным цветом цветет миллиард цветов, но большинство из них дурно пахнут – от ленивых идей случайных блогеров и конспирологических теорий разных сумасбродов до продуманных кампаний по дезинформации населения, проводимых как отдельными группами лиц, так и целыми правительствами.

Частично информация в Интернете является неверной из-за чьей-то небрежности, частично – из-за того, что люди добросовестно заблуждаются, а частично – из-за корысти или даже откровенного злого умысла. Сама же информационная среда, при отсутствии комментариев или редакторского вмешательства, выдает все это с одинаковой скоростью. Интернет – сосуд, а не судья.

В конечном счете это, конечно, всего лишь обновленная версия базового парадокса печатного станка. Как отмечал писатель Николас Карр, открытие Гутенберга в пятнадцатом веке заставило «скрежетать зубами» первых гуманистов, которые беспокоились из-за того, что «печатные книги и газеты подорвут религиозный авторитет, дискредитируют работу ученых и писцов и станут сеять мятеж и распущенность»^[48].

Эти средневековые скептики были не так уж неправы. Печатный станок использовали, чтобы массово выпускать Библии, учить людей читать и в конечном итоге усилить грамотность, которая обеспечивает человеку заметную долю свободы. Конечно, он также распространял такие безумные вещи, как «Протоколы сионских мудрецов», учил людей путать слова и факты, а также поддерживал создание тоталитарной пропаганды, которая подрывала ту же самую человеческую свободу. Интернет – это печатный станок, работающий со скоростью оптоволоконного кабеля.

Помимо формирования потоков ложной информации, Интернет ослабляет способность, как непрофессионалов, так и ученых выполнять базовые исследования – умение, которое помогает каждому управляться в этом безумном океане ложной информации. Возможно, кому-то покажется странным подобное заявление, сделанное членом научного сообщества, потому что я с удовольствием признаю, что доступ к Интернету делает мою писательскую работу значительно легче. В 1980-е годы мне приходилось писать диссертацию, обложившись стопками книг и статей. Сегодня у меня под рукой в электронном виде любые статьи с закладками и каталогами. Конечно же, это лучше, чем слепнуть часами перед копировальной машиной

в недрах библиотеки. В определенном смысле удобство Интернета – это восхитительное благо, но преимущественно для тех людей, кто уже имеет опыт поиска, и кто уже обладает представлением о том, что искать. Гораздо проще подписаться на электронную версию, скажем, *Foreign Affairs*^[26] или *International Security*^[27], чем идти в библиотеку или нетерпеливо проверять офисный электронный ящик. Но это, к сожалению, не поможет студенту или неопытному непрофессионалу, которого никогда не учили тому, как судить об источнике информации или о репутации автора.

Когда-то библиотеки или, по крайней мере, их справочные и академические отделы, служили своего рода навигатором среди рыночного шума. Посещение библиотеки само по себе было неким образовательным процессом, особенно для читателя, который обращался за помощью к библиотекарю. Но Интернет – нечто совершенно иное. Это, скорее, гигантское хранилище, куда любой может сбросить все, что угодно, от архивного снимка до подделанной фотографии, от научного трактата до порнографии, от коротких сводок информации до бессмысленных электронных граффити. Это то окружение, где практически не действует никакое регулирование, где информационный контент формируется под влиянием маркетинга, политики и необдуманных решений других непрофессионалов, а не суждений экспертов.

Могут ли ошибаться пятьдесят миллионов фанатов Элвиса? Конечно, могут.

На практике это означает, что поиск информации выдаст любой работающий алгоритм поисковой системы, обычно предоставляемой коммерческими компаниями, которые используют критерии, в значительной степени неясные для пользователя. Юнец, который обращается к Интернету, чтобы удовлетворить свое любопытство по поводу танков Второй мировой войны, скорее всего, выйдет на книгу тележурналиста Билла О'Райли – нелепую, но хорошо продающуюся – «Убийство Паттона», а не на более вдумчивые и достоверные работы лучших военных историков двадцатого века. В Интернете, как и в жизни, деньги и популярность, к сожалению, решают многое.

Вбить слова в поле поиска – это не исследование: это задавание вопросов программируемым машинам, которые сами фактически не понимают людей. Настоящее исследование – это тяжелый труд, а для людей, выросших в окружении постоянной электронной стимуляции, еще и скучный. Исследование требует умения найти достоверную информацию, обобщить ее, проанализировать, подробно описать и представить другим людям. Это не только вопрос компетентности ученых и исследователей, но и тот

базовый набор умений, которому должно научить своего выпускника любое высшее учебное заведение из-за его значимости для целого ряда профессий и работ. Но зачем заморачиваться со всем этим надоедливым скаканьем через обруч, когда на экране прямо перед нами уже есть готовые ответы, выданные в количестве миллионов всего за секунды и красиво разложенные на красочных и авторитетно выглядящих веб-сайтах?

Если копнуть глубже, то проблема в том, что Интернет фактически меняет способ чтения и даже мышления – и только к худшему. Мы ожидаем мгновенной информации. Мы хотим, чтобы она была разложена по полочкам, наилучшим образом представлена наглядно – и никаких больше напечатанных мелким шрифтом ломких учебников, спасибо, не надо – и мы желаем, чтобы там говорилось то, что нам нравится. «Исследование» в данном случае – не более чем «поиск симпатичных страниц онлайн, чтобы дать ответы, которые нам нравятся, с минимальным количеством усилий и в кратчайшие сроки». Получаемый в итоге поток информации – всегда разного качества и иногда лишенный здравого смысла – создает тот слой знаний, который фактически приносит вреда больше, чем, если бы люди вообще ничего не знали. Есть старая, но верная поговорка: тебе навредит не то, чего ты не знаешь, а то, что по-твоему, не должно навредить.

И последнее, и, наверное, самое тревожащее: Интернет делает нас озлобленными, раздражительными и неспособными вести такую дискуссию, когда все участники в итоге учатся чему-то. Самая главная проблема мгновенной коммуникации в том, что она мгновенная. И хоть Интернет позволяет общаться гораздо большему количеству людей – это однозначно новые исторические условия – возможность мгновенного общения любого человека с любым другим не всегда хорошая идея. Иногда людям нужно взять паузу и поразмышлять, дать себе время осмыслить информацию и переварить ее. Вместо этого Интернет становится ареной, где люди могут реагировать, не думая.

И они, в свою очередь, становятся заинтересованными в том, чтобы защищать свои моментальные реакции, вместо того чтобы принимать новую информацию или признавать ошибку – особенно, когда на эту ошибку указали люди, обладающие большими знаниями или опытом.

Что в интернете фальшивка? Все

Ни в этой, ни в любой другой книге не хватит страниц, чтобы перечислить все то количество вредной информации в Интернете. Чудодейственные лекарства, конспирологические теории, поддельные документы, ошибочно приписанные цитаты – все это, и не только, является сорняками, которые

стремительно заполонили мировой сад знаний. Более здоровые, но менее стойкие травы и цветы не имеют здесь никаких шансов.

К слову сказать, давнишние байки и конспирологические теории в настоящее время подправили и дали им новую жизнь онлайн. Мы все слышали истории об аллигаторах в канализационных стоках, о невероятных случаях смерти знаменитостей и библиотеках с обрушившимися из-за перегруза полками, рассказанные и пересказанные друг другу из уст в уста. В Интернете эти истории поданы ярко с красивой графикой. Сейчас они так быстро распространяются по электронной почте и в социальных сетях, что появились группы, которые, подобно восхитительному проекту на Snopes.com и другим проверяющим факты организациям, просто затаптывают все эти низкопробные интеллектуальные костры дни напролет.

Настоящее исследование – это тяжелый труд, а для людей, выросших в окружении постоянной электронной стимуляции, еще и скучный.

К сожалению, они идут против течения. Люди выходят в Интернет не для того, чтобы их неверную информацию исправляли, или чтобы развенчивали их сокровенные идеи. Скорее они просят своего электронного оракула укрепить их в их невежестве. В 2015 году репортер газеты Washington Post Кейтлин Дьюи высказала тревогу по поводу того, что проверка на соответствие фактам никогда не сможет победить мифы и вымыслы, потому что «ни у кого нет времени или когнитивной способности, чтобы вычлнить все очевидные нюансы и несоответствия»^[49]. В итоге она со вздохом признает, что «их разоблачение нисколько не изменит ситуацию».

Спустя два месяца после того, как она написала эту фразу, Дьюи и Washington Post сдались и отказались от ее еженедельной колонки «Как нас надувает Интернет». У них не было никакого способа справиться с этим безумием, особенно когда обманщики поняли, как делать деньги, распространяя мифы с помощью бесценных кликов на веб-сайтах. «Честно говоря, – призналась Дьюи своим читателям, – формат данной колонки не предназначался для текущего окружения, и больше не имеет никакого смысла». Но бóльшую тревогу вызвали беседы Дьюи с профессиональными исследователями. Они рассказали ей о том, что коллективное недоверие в настоящее время настолько высоко, а когнитивное искажение всегда столь сильное, что людей, верящих в вымышленные истории, зачастую интересует только потребление той информации, которая подкрепляет их взгляды – даже если это явная ложь». Дьюи и Washington Post сражались с Интернетом, но Интернет победил.

Масса чепухи, особенно в том, что касается политики, цветет пышным цветом благодаря доступности Интернета. Кучка упрямых сумасбродов может продолжать верить в то, что Земля плоская, или что американцы никогда не были на Луне, но в конечном итоге все снимки из космоса вполне устраивают остальных. Что касается таких выдумок, как африканское происхождение Барака Обамы, подготовка Джорджем Бушем-мл. террористических атак 9/11 или тайный план Министерства финансов США заменить доллар мировой валютой, то тут астронавты со своими камерами вряд ли помогут. Социальные сети, веб-сайты и чаты превращают выдумку, истории, услышанные от «знакомого моего знакомого», и слухи в «факты».

Как объяснял английский писатель Дэмиан Томпсон, мгновенная коммуникация расширяет возможности людей и групп, помешанных на безумных идеях, отдельные из которых являются даже опасными. Томпсон называет это «противознанием», потому что оно направлено против науки и совершенно невосприимчиво к доказательству противоположной точки зрения.

Люди выходят в Интернет не для того, чтобы их неверную информацию исправляли, или чтобы развенчивали их сокровенные идеи. Скорее они просят своего электронного оракула укрепить их в их невежестве.

«Теперь благодаря Интернету... миф об Антихристе может за считанные секунды перекинуться от шведских готв к придерживающейся крайне традиционалистских взглядов католической секте в Австралии.

Группы нацменьшинств стали как никогда более терпимыми к странным догмам друг друга. Первые робкие контакты между черными и белыми расистами, которые наметились несколько десятилетий назад, теперь ширятся и укрепляются, по мере того, как две группы обмениваются конспирологическими теориями»^[50].

В мире с более медленным темпом жизни и меньшими возможностями коммуникации подобные группы не смогли бы укрепить свои убеждения с помощью мгновенной онлайн-поддержки со стороны других экстремистов. Свободное движение идей – это мощный двигатель демократии, но он всегда несет риск того, что невежественные или злые люди перетянут инструменты массовой коммуникации на свою сторону и станут плодить ложь и мифы, которые ни один эксперт не сможет развеять.

Хуже того, вредная информация может оставаться в сети годами. В отличие от вчерашней газеты, информация онлайн живуча и будет всплывать при последующих поисках, после того, как появится всего раз. Даже если

фальшивки или ошибки уничтожены в источнике, они все равно появятся в каком-нибудь архиве. Если содержащиеся в них истории получают широкое распространение и будут гулять по просторам Интернета в течение нескольких дней, часов или даже минут, то их впоследствии будет невозможно исправить.

В 2015 году возмутитель спокойствия Аллен Уэст выдал сенсационную новость, что президент Обама заставляет военных молиться, подобно мусульманам в Рамадан^[51]. Веб-сайт Уэста разместил кричащий заголовок – «Посмотрите, что ЗАСТАВЛЯЮТ делать наших военных» – напротив картинки с американскими солдатами, опустившими головы к молельным коврикам. Это изображение шокировало, и история стремительно распространилась по социальным сетям.

Ничего подобного в действительности не происходило. Уэст переделал фотографию, сделанную несколькими годами ранее, где изображены реальные *мусульмане* из числа американских военных во время молитвы. Даже после того как появились протесты в связи с публикацией этой вводящей в заблуждение фотографии (мой в том числе), Уэст не удалил данный материал. И это уже не имело бы никакого значения, так как данный материал остался в блогах и на других сайтах. Люди, бродящие по Интернету и не обладающие ни навыками, ни временем, чтобы уточнить источник информации, будут время от времени наталкиваться не только на сам оригинал, но также на тысячи его повторов, и даже не догадываться о том, что все это вранье.

Эксперты и другие профессионалы, настаивающие на унылой суровости логики и точности фактов, не могут соперничать с машиной, которая всегда даст своим читателям предпочтительный ответ в шестнадцати миллионах цветов.

Сегодня нет нужды расстраиваться из-за дотошных специалистов по проверке фактов или упертых редакторов. Так же как хорошо изданная книга может иногда заставить людей поверить в то, что ее содержание заслуживает доверия, так и развлекательные веб-сайты дают визуальный намек на надежность и достоверность, помогая неинформированным читателям распространять вредную информацию быстрее любого заголовка, который мог бы придумать Уильям Рэндольф Херст^[28]. Эксперты и другие профессионалы, настаивающие на унылой суровости логики и точности фактов, не могут соперничать с машиной, которая всегда даст своим читателям предпочтительный ответ в шестнадцати миллионах цветов.

Конечно, это безопасно. Я смотрел в Google

Если отбросить в сторону сомнительные веб-сайты и многочисленные неизбежные посты и мемы в Facebook, то поиск быстрых ответов также способствовал возникновению целых сообществ, занимающихся продажей дурных идей публике и берущих с них плату за привилегию быть неверно информированным. Я имею в виду здесь не сетевую журналистику – об этом речь пойдет в следующей главе – а, скорее, многочисленные ссылки на сайты, часто предваряемые знаменитостями, где предлагаются советы, цель которых вытеснить и заменить традиционные знания.

Вы женщина, озабоченная своим репродуктивным здоровьем? У меня нет опыта в подобных вопросах, но мои знакомые женщины говорили мне, что их не слишком радует необходимость регулярных визитов к гинекологу. Теперь, когда у нас под рукой Интернет, у женщин есть альтернативный источник информации, помимо профессиональной помощи медиков. У актрисы Гвинет Пэлтроу есть свой собственный журнал о стиле жизни, на сайте GOOP.com, и она может обсудить с вами, в домашней обстановке или по при помощи смартфона, те многочисленные вещи, которые может сделать женщина, чтобы поддержать свое здоровье в интимной сфере, включая такую процедуру, как вагинальное пропаривание.

Если вы незнакомы с подобной процедурой, то мисс Пэлтроу настоятельно порекомендует ее вам. «Вы садитесь на невысокое сиденье, – рассказывала она в 2014 году, – и сочетание инфракрасных лучей и пара от настоя полыни очищает вашу матку. Такой выброс энергии – а не только обработка паром – приводит в баланс уровни женских гормонов. Если вы живете в Лос-Анджелесе, то должны сделать это».

Однако настоящие гинекологи не рекомендуют женщинам, живущим в Лос-Анджелесе или в других местах, пропаривать свои внутренние органы. Гинеколог Джен Гантер завела свой собственный (явно менее гламурный) сайт с четкой альтернативной рекомендацией:

«Пар никогда не попадет вам в матку через вагину, если только вы не используете приспособление, создающее давление, и **ВЫ ОПРЕДЕЛЕННО НИКОГДА НЕ ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ ЭТО**. Горячий отвар полыни или какой-то другой травы, применяемый для пропаривания вагинально, не может сбалансировать уровень репродуктивных гормонов, отрегулировать ваш менструальный цикл, вылечить депрессию или излечить от бесплодия. Вам не поможет даже пропаривание эстрогеном.

Если хотите расслабиться, сходите на массаж.

Если хотите расслабить вагину, испытайте оргазм»^[52].

Сайт Пэлтроу это образец модного стиля, по крайней мере, для определенной публики. Писатель-сатирик Лаура Хупер Бек идеально изобразила доверчивость поклонниц Пэлтроу: «По правде говоря, если бы врач сказал мне сделать это, я вряд ли бы последовала его совету. Но когда худая блондинка в уродливом парике говорит мне, что пропаривание вагины – средство от всех моих болезней и проблем, включая плохие отношения с матерью, ну, тогда я послушаю Гвинет Пэлтроу, потому что подружка точно разбирается в науке»^[53].

Легко – я знаю, очень легко – смеяться над праздными знаменитостями, и так как о паре и вагинах здесь написано уже столько, сколько я не писал за всю свою карьеру, давайте оставим Пэлтроу и ее медицинские советы. Тем не менее следует отметить, что здесь прослеживается важная мысль о влиянии Интернета на гибель экспертного знания, потому что в прежние времена здравомыслящей американке понадобилось бы приложить недюжинные старания, чтобы выяснить, как голливудская актриса обваривает себе половые органы. Сегодня женщина, ищущая ответы на самые разные вопросы, от моды до рака матки, может провести больше времени, читая сайт GOOP, чем общаясь со своим врачом.

Знаменитости, злоупотребляющие своим статусом знаменитости, уже давно не новость. Но Интернет еще больше усиливает их влияние. И если мы можем отнести к тирадам Джима Керри с критикой вакцин, как к проявлению неординарной личности комика, есть случаи, когда и более серьезные персонажи попадают в этот виртуальный сумасшедший дом.

В 2015 году ведущему рубрики в газете New York Times, Фрэнку Бруни, позвонил Роберт Кеннеди-мл, сын сенатора и кандидата в президенты, убитого в 1968 году. Нам нужно встретиться, сообщил Кеннеди. Он настаивал на том, чтобы Бруни подкорректировал сказанное им по поводу вакцинации. Подобно значительному большинству других американцев, Кеннеди испытывал ложную паранойю из-за того, что вакцины приводят, по словам Кеннеди, к «холокосту» американских детей. (Бруни отмечал, что Керри «явно боготворил Роберта Кеннеди-мл.») Впоследствии Бруни так вспоминал их встречу: «На моей стороне была Американская медицинская ассоциация, Американская академия педиатрии, Национальные институты здравоохранения и Центры по контролю и профилактике заболеваний США. Но Кеннеди было виднее»^[54].

Кеннеди, Керри и другие делали то, что делает большинство американцев в подобных ситуациях: они заранее решили, во что они верят, а затем, чтобы подкрепить свою веру, обратились за нужным источником в Интернет. Как

сказал Бруни: «Противники вакцин всегда могут найти какого-нибудь ренегата от науки или «научное исследование» сомнительного происхождения, чтобы подтвердить правильность своих взглядов.

Это такая эрудиция в эпоху киберпространства: ты бродишь по Интернету, пока не найдешь вывода, который тебе нужен. С помощью нескольких кликов ты выбираешь свой способ обоснования чего-то, путая доступность веб-сайта с достоверностью аргумента».

Подобное блуждание по Интернету – ошибочно именуемое дилетантами «исследованием» – серьезно осложняет контакты между экспертами и обычными людьми. Еще раз повторю, что склонность к подтверждению собственной точки зрения – это главный источник бед: даже при том, что большинство историй в Интернете выдумка или неточные факты, одна история на миллиард, где Google оказался прав, а эксперты ошиблись, получит в итоге широкое распространение. Так, в одном трагическом эпизоде, произошедшем в 2015 году, врачи поставили английской девочке-подростку неверный диагноз, сказав ей, чтобы она перестала «искать в Google свои симптомы»^[55]. Пациентка настаивала на том, что у нее редкая форма онкологии – тот возможный вариант, который врачи упустили. Она была права, они ошибались, и девушка умерла.

История наделала много шума, а эта редкая ошибка, вероятней всего, убедила большое количество людей в том, чтобы заниматься самолечением. Конечно же, люди, которые умерли потому, что воспользовались компьютером, спутавшим симптомы болезни сердца с расстройством пищеварения, никогда не попадут на первые полосы газет. Но это никого не волнует. Все эти страшилки из разряда «подросток против команды лечащих врачей» подпитывают ненасытную склонность публики к подтверждению собственной точки зрения и усиливают ее недоверие к традиционным знаниям, а также фальшивые надежды на то, что решение проблем находятся от них всего в нескольких кликах мышкой.

Когда-то давно книги служили хоть каким-то барьером стремительному распространению ложной информации, потому что требуется время, чтобы их произвести, а также определенные вложения и оценка со стороны издателя. Фраза «я прочитал это в книге» означала «возможно, это и не ерунда, потому что компания потратила деньги, чтобы напечатать ее». Конечно, ситуации с книгами тоже бывают разными: есть книги, проходящие через руки профессиональных редакторов, через рецензирование и проверку изложенных фактов; но есть и такие, которые

просто на скорую руку верстают, переплетают и отправляют в книжные магазины.

В любом случае издательства, пользующиеся хорошей репутацией, не выпустят книгу без того, чтобы осуществить базовый процесс ее обсуждения между авторами, редакторами, рецензентами и издателями. Книга, которую вы держите в руках, не исключение. А на книги, изданные за счет самих авторов, смотрят с презрением как рецензенты, так и читатели, и вполне оправданно. Но сегодня Интернет стал эквивалентом сотен миллионов подобных изданий, поставляющих все, что пожелает человек за клавиатурой, вне зависимости от того, насколько глупы или гнусны его мысли. (Как сказал журналист издания *National Journal*, Рон Фурнье, в эпоху Интернета «любой мракобес – издатель».) Там, несомненно, кроется и немало полезных сведений и серьезных научных знаний, но от закона Старджона не уйдешь.

На самом деле доступ к Интернету может сделать человека глупее, чем если бы он никогда не искал там информацию на данную тему. Сам факт поиска информации заставляет людей думать, что они что-то узнали, когда на самом деле они, скорее всего, просто глубже погрузились в море данных, которые они не способны интерпретировать. Это происходит потому, что после достаточно долгого блуждания по Интернету люди уже не способны отличить то, что, может быть, промелькнуло у них перед глазами, от того, что они действительно *знают*.

Видеть слова на экране – не то же самое, что читать или понимать их. Когда группа психологов в Йельском университете стала изучать то, как люди пользуются Интернетом, то они обнаружили, что «у тех людей, кто ищет информацию в Сети, возникает преувеличенное чувство, что они очень много знают, даже в отношении тех предметов, которые не связаны с их поиском»^[56]. Это еще одно проявление эффекта Даннинга – Крюгера, когда наименее компетентные люди, блуждающие по Интернету, менее всего способны осознать, что они не узнали ничего нового.

Люди, ищущие информацию, скажем, об «ископаемом топливе», могут в итоге просмотреть массу страниц по связанному с данной темой термину «ископаемые окаменелости динозавра». По мере того как у них перед глазами мелькают разные веб-сайты, они в конечном итоге теряют способность различать то, что они только что прочитали по той и другой теме, и что они уже знали. Они уверены в том, что знали и о динозаврах и об ископаемом топливе, просто потому что они такие вот умные. К сожалению, люди, думающие, что они умны, потому что посидели в Интернете,

напоминают людей, которые считают себя хорошими пловцами, потому что они промокли, гуляя под проливным дождем.

Видеть слова на экране – не то же самое, что читать или понимать их.

Йельская группа исследователей довольно деликатно назвала эту проблему «склонностью ошибочно принимать сторонние знания за свои собственные». Если выразиться проще, люди не могут вспомнить большую часть того, что они видят, десятки раз щелкая мышкой. Как заметил журналист Том Джейкобс, поиск информации «словно бы запускает неоправданную веру в собственные знания. А это, учитывая все более распространяющуюся привычку инстинктивно искать в Интернете ответ практически на любой вопрос, выглядит несколько устрашающе»^[57].

Да, возможно, и устрашающе, но уж точно раздражающе. Эти ошибочные притязания на якобы приобретенные знания могут сделать работу эксперта почти невозможной. И нет способа просветить тех людей, которые уверены в том, что приобрели знания, равные десятку лет занятий, просто потому что они провели утро в поисковой системе. Всего несколько слов, сказанных в ходе дискуссии с непрофессионалом, способны заставить эксперта пасть духом: «Я тут провел свое расследование».

Как так происходит, что возможность доступа к огромным объемам информации не обеспечивает хотя бы минимального повышения базовых знаний? Как могут люди так много читать, и при этом так мало запоминать? Ответ прост: лишь немногие из них действительно читают то, что они находят.

Как показало исследование, проведенное в Университетском колледже Лондона, люди фактически не читают тех статей, которые они встречают во время поиска в Интернете. Вместо этого, они просматривают заголовки или несколько первых предложений и идут дальше. Интернет-пользователи, отметили исследователи, не «читают» онлайн в традиционном смысле. На самом деле есть признаки появления новых форм «чтения», так как пользователи скорее «листают» веб-страницы, скользя глазами по заголовкам, оглавлениям и аннотациям, чтобы достичь быстрого результата. Такое впечатление, что они заходят в Интернет, избегая традиционного чтения^[58]. Это фактически нечто противоположное чтению, нацеленное не столько на приобретение знаний, сколько на поиск выигрышных аргументов или подтверждения уже существующих убеждений.

Дети и молодежь особенно восприимчивы к подобной тенденции. В исследовании говорится, что это происходит потому, что «у них свои

простодушные представления о том, что такое Интернет, и они зачастую не способны оценить, что это собрание сетевых ресурсов различных провайдеров», а потому они почти не тратят времени, чтобы «оценить важность, точность или достоверность информации». Эти юнцы «не считают библиотечные ресурсы достаточно понятными и наглядными, а потому предпочитают пользоваться Google или Yahoo!», потому что эти сервисы «предлагают знакомое, пусть и упрощенное решение их образовательных задач». Преподаватели и другие эксперты также не защищены от подобных искушений. «Листание», согласно данным исследования, «похоже, является нормой для всех. Популярность аннотаций среди исследователей старшего поколения выдает их методике».

«Общество, – заключают авторы исследования, – все больше тупеет».

Эта серьезная проблема еще страшнее, чем кажется на первый взгляд. Пользователи Интернета обычно выбирают и верят тем результатам поиска, которые появляются первыми, как правило, не интересуясь их источниками. В конце концов, если поисковая система поместила их так высоко, то этому можно доверять. Вот почему любой, кто размещает контент в Интернете, ищет способы улучшить его место в выдаче поисковой машины. Если вы продаете суп, то сделаете все возможное, чтобы те люди, которые ищут рецепты супа, вместо этого последовали бы по ссылке на заказ вашего супа.

Но что если вы продаете нечто более важное, чем суп, например, кандидата на выборах? Существуют доказательства того, что рейтинги поисковой системы способны менять представления людей о политических реалиях. В 2014 году два психолога завершили исследование того, что они назвали «манипуляционным эффектом поисковой системы». Они утверждали, что их тесты продемонстрировали способность «стремительно увеличивать долю людей, отдающих предпочтение тому или иному кандидату, от 37 до 63 процентов, после всего лишь одной поисковой сессии», и что это несет «серьезную потенциальную угрозу демократической системе правления»^[59].

Пока еще слишком рано говорить о том, что поисковые системы подрывают демократию – по крайней мере, пока – но сложно оспаривать тот факт, что большинство обычных людей уже не могут провести различие между реальной информацией и той, что отрыгнула поисковая система.

Мудрость мегатолп

Несомненно, люди, не являющиеся экспертами, не могут всегда во всем ошибаться, точно так же, как эксперты не всегда бывают правы. Исключительно редко, но все же случается, что подросток оказывается прав,

а ошибается команда докторов. Эксперты важны, но обычные люди все-таки умудряются обходиться без советов профессоров, интеллектуалов и других всезнаек. Интернет, если им правильно пользоваться, может помочь непрофессионалам обмениваться друг с другом теми базовыми знаниями, которые обошлись бы им дороже и достались труднее, обратиться они за помощью к профессионалам. На самом деле, Интернет, подобно фондовой бирже и другим механизмам, которые объединяют в одно целое догадки и предположения людей в том, что касается сложных дел, может выдавать примеры, когда обычные люди превосходят в чем-то экспертов.

То, что масса неверных предположений может быть переработана в одну большую правильную догадку, давно. К сожалению, уверенность людей в том, что Интернет может служить неким инструментом коллективного поиска ответа, позволяет спутать абсолютно разумную идею того, что писатель Джеймс Суroveцки назвал «мудростью толп», с совершенно необоснованной мыслью о том, что толпы мудры, потому что каждый ее член также мудр.

Иногда люди, не обладающие специальными знаниями, могут выдать лучшее предположение относительно чего-то, будучи объединенными в группу. Это, как правило, работает применительно к тем решениям, когда объединение множества догадок дает лучший совокупный результат, в отличие от единичного мнения кого-либо из членов коллектива. Так, например, Суroveцки вспоминает эпизод, произошедший в 1906 году на ярмарке в одном из английских графств, когда публику попросили угадать вес быка. Оказалось, что средний показатель догадок был лучше, чем любая отдельная догадка, и в итоге практически совпал с правильным ответом^[60]. Точно так же «коллективный разум» любой фондовой биржи мира оценивает курсы лучше, чем каждый биржевой аналитик по отдельности.

Существует множество причин, почему коллективная оценка лучше индивидуальной, включая возможность с помощью множества предположений разных людей в определенной степени избавиться от влияния склонности подтверждать свою точку зрения, заблуждений или других ошибок. Это также позволяет людям, обладающим лишь частичной информацией, вычленив проблему нехватки знаний и решить ее, подобно тому, как тысяча людей может собрать гигантский пазл, даже если у каждого из них есть всего лишь несколько его кусочков.

Здесь можно привести пример, когда беспристрастный взгляд толпы фактически стоил работы одному из самых известных журналистов Америки. В 2004 году, в разгар президентских выборов работавший на

телеканале CBS авторитетный ведущий программы новостей, Дэн Разер, и его продюсеры вышли в эфир с историей о военной службе президента Джорджа Буша. CBS утверждала, что нашла документы, относящиеся к началу 1970-х годов, которые доказывали, что Буш покинул расположение своей воинской части ВВС Национальной гвардии и так и не отслужил требуемый срок военной службы. Буш, который был на тот момент главнокомандующим армии США и начал две крупные войны, соперничал в президентской гонке с сенатором Джоном Керри, заслуженным ветераном войны. И данное обвинение естественно добавило градус напряжения в предвыборную гонку, сфокусированную преимущественно на военных темах.

Сторонники Буша возмущались сомнительными, на их взгляд, источниками информации и грязной журналистикой. Но в конечном итоге обычные люди в Интернете, а не разгневанные фанаты, разрешили этот спор. Непрофессионалы, не имевшие журналистского опыта, но прошедшие немало времени за компьютерами, заметили, что шрифт в документах напоминал используемый в программе Microsoft Word. Понятно, что в 1971 году в ВВС США печатали документы на пишущих машинках. Программ Microsoft тогда еще не существовало. Таким образом, документы оказались подделкой. Оказавшись в такой ситуации, компания CBS запросила проведение расследования. В конце концов, телекомпания вынуждена была сделать опровержение. Продюсер передачи был уволен. Дэн Разер, который до сих пор уверен, что был прав, а все остальные ошибались, покинул свой пост и подал иск на своего бывшего работодателя. Он проиграл.

Так кому, спрашивается, нужны эксперты? Если мы задаем один и тот же вопрос достаточное количество раз или заставляем достаточное количество людей заниматься одной и той же темой, так почему бы нам не полагаться на их коллективную мудрость, вместо того, что спрашивать мнение у горстки самопровозглашенных мудрецов, которое может к тому же оказаться субъективным и даже ошибочным? Если один человек умный, а сотня людей умнее, тогда миллиард людей, общающихся друг с другом онлайн, будут наверняка еще более умными.

Активисты справочного сайта Wikipedia, в числе прочих, связывают будущее с подобного рода коллективным знанием, а не с экспертной информацией. Теоретически общедоступная и открытая онлайн-энциклопедия, которую может редактировать каждый, сама по себе должна способствовать созданию безошибочных и нейтральных текстов, просто за счет количества людей, просматривающих каждую статью. Статьи должны учитывать пытливість ума обычных людей, а не узкие интересы группы

ученых или редакторов. Статьи не только будут постоянно корректироваться, чтобы обеспечить их точность и достоверность, но и сами они будут составлять собрание тех вещей, которые занимают читателей, а не систематизированным, но бесполезным заумным справочником.

К сожалению, дела не всегда обстояли подобным образом, и Wikipedia – это хороший пример вытеснения экспертных знаний с помощью Интернета. Оказывается, писать статьи на любую серьезную тему гораздо труднее, чем оценивать вес быка. И хотя много добросовестных людей потратили свое время, например, редактируя Wikipedia, часть из них также занята в компаниях или фирмах, занимающихся обслуживанием знаменитостей, которые явно заинтересованы в том, как будет подана информация в энциклопедиях. (Девять из десяти редакторов Wikipedia мужчины, что стало бы красным флагом для многих ее читателей, если бы они это знали.)

Какими бы добрыми намерениями ни руководствовались создатели таких коллективных проектов, как Wikipedia, данным ресурсам не хватает одного важного качества, отличающего работу дилетантов от профессионалов: добровольцы делают то, что интересует их в данный конкретный момент, в то время как профессионалы применяют свои экспертные знания ежедневно. Хобби не то же самое, что профессия. В цитате, приписываемой английскому журналисту Алистеру Куку, говорится, что «профессионалы – это те люди, которые идеально выполняют свою работу, даже когда они к этому не расположены». Энтузиазм заинтересованных любителей не может быть систематической заменой суждений экспертов.

Благие начинания Wikipedia пали жертвой несистематичности и отсутствия контроля – именно то, чего следовало ожидать от проекта, напоминающего групповую домашнюю работу. Исследователь, изучавший эти тенденции, высказал мнение, что после 2007 года Wikipedia следовало бы поменять свой девиз, заменив фразу «энциклопедия, которую может редактировать каждый», фразой «энциклопедия, которую может редактировать любой, кто понимает правила, способен работать коллективно, избегая беспристрастного автоматического неприятия, и при этом готов тратить свое личное время и силы»^[61].

Со временем Wikipedia ввела более строгие правила редактирования, но эти ограничения в свою очередь отпугнули новых участников. Как отмечалось в статье в журнале Technology Review Массачусетского технологического института за 2013 год, «количество добровольных участников, благодаря которым создавалась Wikipedia и которые «должны были защищать ее от хулиганских действий, фальшивок и манипуляций, уменьшилось более чем

на треть, начиная с 2007 года, и продолжает уменьшаться». Но Wikipedia все еще старается поддерживать качество своих собственных статей, пусть даже оцениваемых по своим собственным критериям:

Добровольцы делают то, что интересует их в данный конкретный момент, в то время как профессионалы применяют свои экспертные знания ежедневно.

«Среди значимых и еще не решенных проблем это неравномерное освещение тем сайта: статьи о Покемоне и женщинах-порнозвездах исчерпывающие, а страницы, посвященные женщинам-писательницам или странам Африки, расположенным к югу от Сахары, представляют собой поверхностные сведения. Заслуживающие внимания статьи остаются расплывчатыми. Из 1000 статей, которые добавили помощники проекта, чтобы сформировать основу хорошей энциклопедии, большая их часть не заслуживает даже собственных средних оценок качества»^[62].

У Wikipedia действительно есть «избранные статьи», которые должны быть «хорошо написаны», «исчерпывающи» и «внимательно изучены», включая «тщательный и подробный обзор соответствующей литературы», что свидетельствует об их проверке на основе «самых качественных надежных источников».

Иными словами, Wikipedia хочет, чтобы лучшие ее составляющие были равнозначны оцененным другими профессионалами научным знаниям – только без участия настоящих профессионалов. Надо сказать, что экспертная оценка – это сложная вещь, с которой непросто управляться даже в оптимальных условиях, когда редакторы пытаются контролировать самых лучших в каждой конкретной области, избегая при этом профессионального соперничества и других конфликтов интересов. Превратить данный процесс в проект для миллионов людей с минимальным контролем и управлением изначально было неразумной идеей. Чтобы работала система, подобная Wikipedia, практически каждому узкопрофильному специалисту пришлось бы нянчиться с каждой записью.

Конечно, если оценивать по количеству ее читателей, то Wikipedia работает прекрасно. А по некоторым темам Wikipedia является очень удобным источником информации. Как отмечалось в статье MIT, статьи Wikipedia имеют уклон в сторону «технической, западной и преимущественно мужской тематики», поэтому, когда дело касается практической – или более серьезной, непротиворечивой – информации, Wikipedia успешно сводит вместе массу данных в надежном и устойчивом формате. (Лично я обожаю Wikipedia за то, что она является огромным источником сюжетов

практически для любого фильма.) Если вы хотите знать, кто открыл стронций, или кто присутствовал на военно-морской конференции 1925 года в Вашингтоне, или быстро узнать о лауреатах Нобелевской премии за прошедший год, Wikipedia поможет вам лучше, чем какой-то случайно найденный сайт.

Но как только речь заходит о политике, ситуация становится гораздо более рискованной. Так, например, статья Wikipedia, посвященная зарину, боевому отравляющему веществу, стала ареной ожесточенных споров противоборствующих сторон в отношении вопроса, применяло ли правительство Сирии его против своего народа. Даже фундаментальная наука пала под этим натиском. Лондонский аналитик Дэн Казета – эксперт по зарину, которого я упоминал в предыдущей главе, получивший горький урок, чем может кончиться попытка помочь студенту колледжа – рассказал мне в конце 2015 года, что

«Если бы кому-то пришлось довериться текущей странице Wikipedia, чтобы получить точную информацию по отравляющему веществу зарин, то эти люди были бы сбиты с толку полуправдами и многочисленными расплывчатыми утверждениями, не подкрепленными сопутствующим справочным материалом. Часть информации на Wiki, будучи технически верной в отдельных аспектах, сформулирована так, что может ввести в заблуждение. Некоторые из утверждений ложны».

Казета добавил, что «провел много часов, после того как зарин был применен в Сирии в 2013 году, исправляя ложные представления о зарине, многие из которых возникали из-за ошибок и неточностей на соответствующих страницах Wikipedia».

Говоря о Wikipedia и других сетевых ресурсах, а также о мудрости толпы в целом, следует отметить, что знания это нечто гораздо большее, чем просто собрание в кучу тривиальных фактов или гадание на кофейной гуще. Факты не говорят сами за себя. Такие источники, как Wikipedia, ценны своей базовой информацией, будучи своего рода постоянно обновляющимся каталогом. Но они не сильно помогут вам в более сложных вопросах.

Толпы могут быть мудры. Но не всё, однако, подчиняется праву толпы. Интернет порождает ложное чувство, что мнение множества людей равносильно «факту». Как жаловался комик Джон Оливер, вам не нужно собирать мнения относительно какого-то факта: «С таким же успехом вы можете провести голосование: «Какое число больше, 15 или 5?» или «Существуют ли совы?» или «Там лежат шляпы?»

Точно так же публичная политика – это не салонная игра в предсказания. Она касается долгосрочного выбора, рожденного при вдумчивом рассмотрении затрат и альтернатив. Просить народ строить догадки относительно каких-то специфических событий будет пустой тратой времени, когда вы пытаетесь выплыть в бурном политическом море. Вероятность как того, так и другого ответа на вопрос «станет ли президент Сирии Башар Асад применять химическое оружие в 2013 году?» равна, как если бы в рулетке вы поставили бы на красное или на черное. Это вопрос типа «да или нет», и в какой-то момент вы либо выиграете, либо проиграете. Это не то же самое, что спросить «зачем Башару Асаду применять химическое оружие?» И уж тем более первому вопросу далеко до проблемы «А что следует *сделать* Америке, если Башар Асад все-таки применяет химическое оружие?» Интернет просто сливает воедино все эти три вопроса, превращая каждую из трех важных проблем в голосование с одной кнопкой, выдающей быстрое решение.

Та легкость, с которой люди высказывают свое мнение по этим вопросам и даже иногда делают верные предсказания, когда эксперты ошибаются, вскрывает еще один слой антиинтеллектуальной брони, позволяющей непрофессионалам сопротивляться более информированным, чем у них взглядам.

Удаляю тебя из списка друзей

Чтобы узнать что-то новое, требуется терпение и умение слушать других людей. Однако Интернет и социальные сети делают нас менее общительными и более конфликтными. В Сети, как и в жизни, люди сбиваются в маленькие замкнутые мирки, предпочитая общаться только с теми, с кем они уже разделяют одинаковые взгляды. Писатель Билл Бишоп в своей книге 2008 года назвал таких людей «важничаящими типами», отметив, что американцы сегодня все больше предпочитают жить, работать и общаться с теми людьми, которые во многих аспектах похожи на них. То же самое происходит в Интернете.

Факты не говорят сами за себя. Такие источники, как Wikipedia, ценны своей базовой информацией, будучи своего рода постоянно обновляющимся каталогом. Но они не сильно помогут вам в более сложных вопросах.

Мы не только ассоциируем себя с людьми, похожими на нас самих, мы активно обрываем связи со всеми остальными, особенно в социальных сетях. Проведенный в 2014 году исследовательским центром Пью опрос выявил, что либералы с большей готовностью, чем консерваторы, идут на то, чтобы

заблокировать или удалить из списка своих друзей тех людей, с которыми они не согласны. Однако происходит это в основном потому, что у консерваторов в социальных сетях, как правило, изначально меньше связей с людьми, с которыми они не согласны. (Или, как было сказано в обзоре данного опроса Washington Post, у консерваторов «более низкий уровень политических расхождений в своей сетевой экосистеме».¹⁶³¹) Либералы тоже, похоже, предпочитали прекращать дружбу из-за политических разногласий в реальной жизни, а не в Сети. Но общая тенденция к идеологическому разобщению дала возможность обрывать контакты с помощью клика, а не в ходе дискуссии лицом к лицу.

Подобное нежелание дать высказаться до конца другим не только делает нас все более раздражительными по отношению друг к другу, но также лишает нас способности размышлять, убедительно спорить и соглашаться со своими ошибками, когда мы не правы. Когда мы не способны выстроить логическую цепочку после нескольких кликов мышкой, мы не можем вытерпеть даже самых малых сомнений в правильности наших идей или убеждений. А это опасная тенденция, так как она одновременно подтачивает роль знаний и профессиональной компетентности в современном обществе и ослабляет базовую способность людей ладить друг с другом, живя в демократическом обществе.

А в основе этих дурных нравов лежит ложное чувство равенства и иллюзия всеобщей уравниловки, созданная работающими в режиме реального времени социальными сетями. У меня есть аккаунт в Twitter и страница в Facebook, и у вас тоже, значит, мы равны по статусу, не так ли? В конце концов, если авторитетный журналист из крупной газеты, дипломат из школы управления Кеннеди, ученый из медицинского научно-исследовательского учреждения и ваша тетя Роза из Рино, все они будут сидеть онлайн, тогда все их взгляды отразятся во множестве сообщений, проплывающих у вас перед глазами. И каждое мнение здесь ничем не лучше последнего поста на домашней страничке.

В эпоху социальных сетей люди, пользующиеся Интернетом, полагают, что любой человек одинаково умен или информирован, просто по факту того, что он в Сети. Как сказал по этому поводу кинокритик из New York Times, А.О. Скотт,

«В Интернете каждый считает себя критиком – и пользующийся Yelp художник, и покупающий книги на Amazon ученый, и чирлидер, которой социальные сети обеспечивают ее средство производства – кнопки «Нравится» и «Поделиться». Уверенные в своей правоте, они всегда

считают, что авторитет таких перепачканных чернилами бедолаг, как я, нивелирован цифровой анархией. Кому нужен эксцентричный и желчный собеседник, когда дружелюбный алгоритм сообщает тебе, исходя из твоих предыдущих покупок, что есть нечто, что **ТАКЖЕ МОЖЕТ ВАМ ПОНРАВИТЬСЯ**, и легионы друзей в Facebook, подтверждающие мудрость вашего выбора?»^[64]

Анонимность социальных сетей искушает пользователей поддаться соблазну спорить так, словно каждый участник дискуссии одинаков, собеседники равны по статусу, имеют одинаковое прошлое и одинаковый уровень образования. Совсем немногие люди используют это правило в реальной жизни, но в Интернете интеллектуальный нарциссизм случайного комментатора вытесняет нормы, которые обычно работают при личных контактах.

Это странное сочетание дистанции и близости отравляет беседу. Для того чтобы дискуссия была аргументированной, ее участники должны быть честны и исходить из благих побуждений. Когда мы находимся рядом друг с другом, возникает доверие и понимание. Человек – это не просто мозг в некоем вместилище, обрабатывающем разрозненные фрагменты информации. Мы выслушиваем другого человека, частично полагаясь на множественные визуальные и слуховые сигналы. Учителя в особенности знают, что один и тот же материал, представленный дистанционно или с экрана, будет иметь иное воздействие, чем личный контакт со студентом, который может задать вопросы, нахмурить брови или продемонстрировать неожиданное понимание.

Анонимность социальных сетей искушает пользователей поддаться соблазну спорить так, словно каждый участник дискуссии одинаков, собеседники равны по статусу, имеют одинаковое прошлое и одинаковый уровень образования.

Дистанция и анонимность стирают терпение и возможность проявления доброжелательности. Быстрый доступ к информации и способность высказаться без необходимости выслушивать другого, в сочетании с «клавиатурной храбростью», позволяет людям говорить друг другу те вещи, которые бы они не сказали в лицо. И это убивает всякую беседу. Как отметил журналист Эндрю Салливан, частично подобное происходит потому, что в Интернете нет никаких ограничений, а значит, каждый участник спора требует, чтобы его воспринимали так же серьезно, как любого другого.

«И разжигает это все то, чего боялись отцы – основатели Америки, думая о демократической культуре: чувство, эмоция и нарциссизм, а не разум, эмпиризм и духовность общества. Дебаты в Сети становятся эмоциональными, переходя на личности, и неразрешимыми практически с самого начала. Да, время от времени случаются рациональные мысли, но в настоящее время катастрофически не хватает судей, которые бы помогли разобраться, какие из этих мыслей верны или обоснованы или уместны»^[65].

Twitter, Facebook, Reddit и другие онлайн-сайты могут быть ареной для интеллектуальных дискуссий, но слишком часто эти и другие «места встреч» становятся всего лишь площадками для высказывания различных суждений, неоспоримых фактов, скудной информации и оскорблений вместо реального обмена мнениями.

К тому же Интернет обязательно предоставит возможность пообщаться тем людям, которые бы при иных обстоятельствах, возможно, и не встретились бы друг с другом. Интроверты могут возразить, что такая площадка, как Reddit, или раздел с комментариями в онлайн-журнале открывает более широкий доступ к общению тем людям, которые раньше, быть может, неохотно участвовали в публичных дискуссиях. Но, к сожалению, предоставление любому человеку возможности выразить свою точку зрения означает, что почти каждый выразит свою точку зрения. Вот почему так много изданий, от Toronto Sun до Daily Beast, закрыли возможность оставлять комментарии.

Все происходящее никак не ослабляет приверженности обычных людей к недостоверной информации. На самом деле, проблема может быть серьезней, чем мы думаем. Столкнувшись с убедительными доказательствами своей неправоты, некоторые люди просто продолжают упорно настаивать на своем первоначальном утверждении, вместо того чтобы признать свою ошибку. Это «эффект обратного действия», когда люди усиливают свои попытки быть внутренне последовательными, вне зависимости от того, насколько ясны свидетельства того, что они не правы^[66].

Интернет, как указывает Дэвид Даннинг, всячески заостряет данную проблему, и не в последнюю очередь тем, что опровержение глупой идеи требует ее повторения как минимум один раз, в ходе дискуссии. А это минное поле для преподавателей и других экспертов, которые рискуют закрепить ошибку, просто признав ее существование:

«И тогда, конечно, возникает проблема широкого распространения ложной информации в тех местах, которые, в отличие от учебных аудиторий, сложно

контролировать – вроде Интернета и новостных медиа. В этих декорациях Дикого Запада лучше всего вообще не повторять распространенные заблуждения. Сказав людям, что Барак Обама не мусульманин, вы не измените мышления массы людей, потому что они периодически вспоминают все, что было сказано – за исключением ключевой частицы «не»^[67].

Те эксперты, кто пытается противостоять подобного рода упрямому невежеству, наверняка считают, что помогают делу, но на самом деле они просто пытаются водой загасить пожар, возникший от возгорания жира на кухонной плите. Это неэффективно и лишь усилит общий беспорядок.

Интернет – крупнейшее анонимное средство общения за всю историю человечества. Способность спорить дистанционно и ложное чувство равенства, которое она дает, разъедает взаимное доверие и уважение среди всех нас – экспертов и обычных людей. Сидя в одиночестве перед клавиатурой, но погруженные с головой в различные веб-сайты, рассылки и онлайн-группы со своими разного рода идеями, мы все, миллионы американцев, и в политическом и в интеллектуальном отношении, завязли в собственных предубеждениях. Такие социальные медиа, как Facebook, лишь расширяют эту своеобразную эхо-камеру. Как писала Меган Мак-Арлл в 2016 году: «Даже если мы ненамеренно блокируем тех людей, которые не согласны с нами, Facebook выбирает для нас наш «корм», чтобы мы получили больше тех вещей, которые нам нравятся. А что нам нравится? Люди и посты, которые разделяют наши взгляды»^[68].

Это особенно опасно сейчас, когда социальные сети, такие как Facebook и Twitter, стали основным источником новостей и информации для многих американцев, а эксперты, пытающиеся пробить эту скорлупу политической обособленности и упрямого невежества, действуют на свой страх и риск. Довольно сложно спорить с человеком, который что-то неправильно понял. Еще сложнее пытаться убедить кого-то, когда они приводят в качестве «доказательств» кучу разных нарядных сайтов и мобилизуют в качестве поддержки легионы анонимных друзей из социальных сетей, разделяющих усредненные взгляды, схожие с их собственными. А те ученые и профессионалы, которые настаивают на логически обоснованных, фундаментальных знаниях и базовых правилах использования источников информации, рискуют получить со стороны современных онлайн-пользователей презрительную оценку: вы всего лишь заносчивые умники, которые не понимают чудес информационной эпохи.

Пусть опросы в Интернете и ненадежный источник информации, но в этом случае журналисты могут докопаться до истины, вместо того чтобы быть затыкнутыми в общий водоворот. Журналисты все равно могут служить арбитрами во всем этом хаосе, если будут пользоваться правильными инструментами расследования, поиска источников информации и проверки фактов.

А могут и нет, как мы увидим в следующей главе.

Глава 5 Много «новой» журналистики

Чарли: Мамочка, довольно забавно, что ты считаешь таблоид Weekly World News «газетой». В газете содержатся факты.

Мэй: В этой газете есть факты. И эта газета на восьмом месте в рейтинге самых читаемых изданий на всем земном шаре. Понял? Здесь масса фактов. «Беременный мужчина рождает». Это факт.

«Я женился на убийце с топором» (фильм)

Я прочитаю об этом в газете

Знаете ли вы, что шоколад может помочь вам сбросить вес? Конечно, знаете. Вы прочитали об этом в газете. На самом деле, вы могли прочитать об этом в разных газетах, и горе тому эксперту, включая доктора, который вдруг скажет вам обратное. В конце концов, скрывать чудодейственные свойства самой вкусной вещи на свете, – именно этого следует ожидать от экспертов. Слава богу, немецкий ученый Йохан Боханнон из Института питания и здоровья написал статью, которая была опубликована в журнале, а потом радостно разошлась по разным печатным изданиям по всему свету. Он подтвердил то, о чем все мы давно догадывались: шоколад действительно полезен.

Правда, такого человека, как Йохан Боханнон, в действительности не существует. Как и института питания и здоровья. Журнал, который опубликовал данную статью, настоящий, но очевидно далеко не скрупулезный в том, что касается рецензирования и редактуры.

На самом деле, под именем «Йохан» Боханнон скрывался журналист Джон Боханнон, который был (по его словам) «частью команды, состоящей из эксцентричных журналистов и одного доктора». Они хотели

продемонстрировать, как легко превратить сомнительные научные данные в громкую сенсацию, прикрываясь диетологическими увлечениями»^[69].

Итак, шоколад не поможет вам сбросить вес. Но известно ли вам, что западный берег реки Иордан и сектор Газа, оккупированные палестинские территории на противоположных границах с Израилем, соединены мостом, на котором израильтяне иногда намеренно ограничивают передвижение палестинцев? Возможно, вы и об этом прочитали в «новостях». В 2014 году онлайн-журнал Vox, который именуется источником, объясняющим каждому важные вопросы, перечислил «11 ключевых фактов для понимания кризиса между Израилем и сектором Газа». Факт номер один – это мост между Газой и западным берегом реки Иордан.

Его не существует.

Vox исправил свою ошибку: журналист утверждал, что видел статью о планируемом строительстве моста, но не знал, что его так и не построили. А вот критики от души посмеялись над Vox. Как отметила журналистка Молли Хемингуэй, ни один журналист не может избежать ошибок, и лишь немногие способны быть экспертами в какой-то одной области. Но «мост в сектор Газа» это «не то, что ты перепутал названия или не знаешь какой-то детали», это означает, «что автор совершенно не представляет себе этих мест»^[70]. Как и в случае со всеми исправлениями, можно только удивляться тому, как много людей умудряются запомнить неверно поданную историю, а не факт ее исправления.

Vox часто подвергается подобной критике, и абсолютно заслуженно. В начале 2016 года они разместили у себя следующий заголовок: «Самое радикальное, что делали «Черные пантеры» – это раздавали детям бесплатные завтраки». «Пантеры» – это группа радикалов, возникшая в конце 1960-х годов, идеология которых была основана на черном национализме и теории марксизма-ленинизма. Они были замешаны в многочисленных инцидентах, связанных с насилием и убийствами, включая перестрелку с полицией. И их уж точно нельзя было назвать дружелюбным персоналом детского сада. Статья в Vox заставила репортера из Daily Beast, Майкла Мойнихена, оставить следующий комментарий в Twitter: «Вы помните случай, когда авторы, берущиеся за перо, чтобы дать пояснения, знали хоть что-нибудь по теме, которую собираются пояснить? Вот и я не помню».

Итак, шоколад не является чудодейственным средством для похудения, а моста моста между сектором Газа и западным берегом реки Иордан не существует. Возможно, «Пантеры» были грубее, чем нам кажется. А еще,

быть может, вы не до конца поняли истинного значения Пасхи для христиан, когда празднуется вознесение Иисуса Христа прямо на Небеса. Так было сказано в *New York Times* в 2013 году. В Евангелии же есть некоторый намек на то, что Иисус не сразу оказался на Небесах, а побыл среди людей какое-то время, и это, вероятно, та версия, на которую ссылаются каждую весну приходские священники. Возможно, эти представители духовенства и умны, и среди них, вероятно, есть люди с учеными степенями по теологии, но кто они такие, чтобы спорить с *New York Times*?

В мире насчитывается более миллиарда христиан, но удивительно, что лишь немногие из них заметили эту ошибку. *Times* без лишнего шума разместила довольно сдержанное опровержение: «Ранее в статье было дано неверное описание христианского праздника Пасха. Это прославление воскресения Христа из мертвых, а не Его воскресения от земли на Небеса»^[71]. Эта формулировка уже ближе к традиционной версии, но ошибочное описание праздника в первую очередь означает, что кто-то в *Times* не имеет представления об истории про Фому неверующего или других распространенных в культуре отсылках к Новому Завету, где рассказывается о том, что Иисус являлся ученикам лично, а не, так сказать, сразу «поднялся в экспресс-лифте на верхний этаж» в воскресенье Пасхи.

Если вас утомляет следить за всеми этими неточностями, вы всегда можете обратиться к художественной литературе и, возможно, прочитать один из замечательных романов Ивлин Во. Между прочим, в 2016 году журнал *Time* включил Ивлин Во в список «100 величайших авторов-женщин всех времен». Так что ее творчество заслуживает вашего внимания.

Если не считать того, что Ивлин Во (который умер в 1966 году) был женщиной.

Подобного рода ляпы – не только продукт эпохи Интернета. Так, например, в материале передовицы *Washington Post* более чем тридцатилетней давности ссылались на то, что Ирландия – член НАТО, что могло стать шоком не только для известных своим нейтралитетом ирландцев, но и для Советского Союза и Соединенных Штатов. Каждый человек совершает ошибки, включая экспертов, журналистов, редакторов и специалистов, проверяющих факты на достоверность. Такое случается.

Но, к сожалению, подобные ошибки случаются гораздо чаще в новом мире журналистики двадцать первого века. Хуже того, благодаря Интернету, ошибочная информация распространяется гораздо быстрее и сохраняется намного дольше. В мире постоянного потока информации, поставляемой стремительными темпами и доступной двадцать четыре часа в сутки,

журналистика далеко не всегда противостоит процессу гибели профессиональной компетенции.

Я понимаю, что было бы неблагоприятно жаловаться на такое обилие новостей и информации, которое стало возможным благодаря эпохе информации – и тем не менее. Перемены в сфере журналистики, равно как и увеличившийся доступ к Интернету и высшему образованию, оказали неожиданное разрушительное воздействие на взаимоотношения обычных людей и экспертов. Вместо того чтобы лучше информировать людей, бóльшая часть так называемых новостей двадцать первого века зачастую оставляет простых людей – а иногда и экспертов – в еще большем смущении и обиде.

Эксперты сталкиваются с досадной проблемой: доступных новостей становится все больше, а люди, похоже, еще менее информированы – тенденция, которая наметилась еще, по крайней мере, четверть века назад. Парадоксально, но эта проблема лишь обостряется. Люди стали не только меньше знать об окружающем их мире, они проявляют к нему все меньший интерес, несмотря на доступность как никогда большой информации.

В 1990 году в исследовании, проведенном центром Пью, говорилось об опасной тенденции, когда среди молодежи в возрасте до тридцати лет наметился все больший отход от решения важных общественных проблем. А это та группа населения, которая должна была бы быть наиболее восприимчивой к появлявшимся тогда новым источникам информации, таким как кабельное телевидение и электронные средства связи.

Это стало заметной переменной в американской гражданской культуре, как отмечалось в исследовании центра Пью.

«На протяжении практически пяти последних десятилетий молодые члены общества были информированы как минимум не хуже старшего поколения. В 1990 году ситуация уже изменилась... Люди до 30 лет знают меньше, чем молодежь прежних лет. И они проявляют меньшую заинтересованность в том, что происходит вокруг них. Социологи и специалисты, проводящие опрос общественного мнения, давно заметили, что молодые люди, как правило, менее расположены к обсуждению политических и других серьезных вопросов. Но отмечаемая разница заметно возросла»^[72].

Те респонденты уже сами находятся в зрелом возрасте, а их дети не стали лучше. Проведенное в 2011 году исследование Чикагского университета показало, что выпускники американских колледжей «за четыре года учебы не смогли продемонстрировать заметной способности к критическому

мышлению и сложной логической аргументации. Но что еще более тревожно, они «также не смогли развить в себе интереса, связанного с проблемами гражданского общества»^[73]. Подобно своим родителям, эти молодые люди были не только менее информированы, чем можно было ожидать, они также проявляли меньше интереса к тому, как применить скромные познания в данных вопросах.

Таким образом, ответ дилетанта, обращающегося к эксперту с фразой «я прочитал об этом в газете» или «я видел это в новостях», может не иметь большого значения. В действительности информация могла быть получена вообще не из «новостей» или «газеты», а из того, что только выглядит таковыми. Вероятней всего, такой ответ означает «я нашел кое-что в источнике, который мне нравится, и мне сообщили там то, что я хотел услышать». И в этот момент дискуссия заканчивается. Изначальная тема обсуждения исчезает или теряется в попытке разобраться, какая именно неправда послужила толчком к началу спора.

Как такое произошло? Почему люди все сильнее сопротивляются фактам и знанию в мире, где их постоянно бомбардируют этими фактами и знаниями?

Короткий ответ на вопрос, чем же тогда заняты журналисты – объяснение, применимое ко многим современным инновациям – заключается в том, что капитализм поставил новые технологии себе на службу и дал людям то, чего они хотели, даже если это вредно для них.

Я понимаю, что, критикуя журналистику и современные новостные медиа, я рискую нарушить основополагающее правило экспертов: никогда не указывать экспертам, как им работать. И пусть я не эксперт в области журналистики, я – потребитель их продукции. Я доверяю новостям, что является частью моей собственной профессии, и как преподавателя, и как политического аналитика. Мне приходится справляться с трудностями, с которыми сталкивается любой эксперт, объясняя ежедневно широкой публике сложные события и идеи. В каком-то смысле современные медиа во многом затруднили мою работу – помогать людям разбираться в окружающем их сложном мире – даже если сравнивать с периодом двадцатилетней давности.

В 2016 году журнал Time включил Ивлин Во в список «100 величайших авторов-женщин всех времен». Так что ее творчество заслуживает вашего внимания. Если не считать того, что Ивлин Во (который умер в 1966 году) был мужчиной.

Слишком много хорошо – тоже нехорошо

Все те проблемы, которые возникают сейчас перед экспертами и которые порождены современной журналистикой, проистекают из той же проблемы, что поразила многие аспекты американской жизни: переизбыток всего.

В двадцать первом веке стало больше источников новостей, чем когда-либо. Благодаря радио, телевидению и Интернету, люди легко получают доступ к этим источникам и делятся ими по электронным средствам связи. Благодаря всеобщей образованности, они могут читать и обсуждать их более широко, чем прежде. Это пиршество информации, которую подают с разными соусами в любом количестве блюд. Так почему тогда люди остаются решительно невежественными и неинформированными и отказываются от новостей вместе с мнениями и советами экспертов, даже когда все это доставляется им почти без всяких усилий? Потому что сейчас слишком много всего, причем все это замешано на развлечении.

Сегодня любого человека, у которого в доме есть электричество, завалят новостями из любого источника, какой он пожелает. Большинство газет и местных телевизионных станций в Америке мгновенно доступны в электронном формате и постоянно обновляются. Потребители с доступом к спутниковому или кабельному телевидению (которыми, надо сказать, является большинство людей в развитом мире) могут выбрать из десятков новостных передач со всей планеты. Сегодня найдется источник новостей, отвечающий любым вкусам и политическим взглядам, причем грань между журналистикой и развлечением намеренно размыта, чтобы повышать рейтинги и количество кликов.

Если оценивать масштабно, то в 1960 году у среднестатистической американской семьи были три доступных телевизионных станции, а также восемь радиостанций, одна газета и три или четыре журнала^[74]. К 2014 году согласно рейтингу Нильсена в американском доме в среднем насчитывалось уже 189 телеканалов (на 60 больше, чем в 2008 году), причем пользователи систематически смотрели примерно 17 из этих каналов. Прибавьте к этому определенное количество медиа, поставляемых пользователям через их мобильные устройства и домашние компьютеры, и это будет равняться, как оценил исследователь из Суперкомпьютерного центра в Сан-Диего (SDSC) в 2015 году, девяти DVD-дискам информации на человека в день. Чтобы просмотреть или прослушать такой огромный объем информации, человеку в среднем потребуется свыше пятнадцати часов в день^[75].

Но *большие объемы* не означают *большие качества*. (Закона Старджона не избежать и здесь.) Сказать, что граждане Соединенных Штатов в настоящее

время имеют гораздо больше источников новостей, чем прежде, это все равно, что сказать, что теперь у них больше выбор, где поесть. Это верно, но это не означает, что все становятся здоровее, питаюсь почти в трехстах тысячах американских дешевых закусочных и сетевых ресторанах.

В конце двадцатого и начале двадцать первого века изобилие медиа и новые технологии понизили планки для журналистского сообщества, упростив создание информационных проектов со всеми вытекающими последствиями. Большое количество средств массовой информации означало более высокий уровень конкуренции. А большая конкуренция значит разделение аудитории на отдельные политические и демографические ниши. Больше возможностей в большем количестве журналистских проектов означает больше работающих репортеров, вне зависимости от того, способны ли они освещать важные вопросы. Вся эта конкуренция происходила по требованию американского потребителя, который хотел, чтобы все было проще, быстрее, красивее и занимательнее.

Сорок лет назад средства массовой информации уделяли больше внимания тому, что касается разделения «новостей» и всего остального. Но это также означало, что «новости» были фактически неполной картиной мира. Скорее, они были тщательно отобранным и отредактированным потоком информации. Малое количество телекомпаний и новостных источников и сравнительно небольшое количество времени, посвященное телевизионным новостям, означало, что публика видела мир глазами корпораций, которые владели этими телеканалами. Новостным каналам приходилось пытаться охватить максимально широкую и максимально заинтересованную в рекламе аудиторию, а потому новостные программы в Соединенных Штатах в 1960–1970-е годы были на удивление одинаковы. А такие авторитетные, внушающие доверие фигуры, как Уолтер Кронкайт^[29] и Гарри Ризонер^[30], даже о самых ужасных событиях сообщали невозмутимо и отстраненно.

Сорок лет назад средства массовой информации уделяли больше внимания тому, что касается разделения «новостей» и всего остального.

Однако это также означало, что не все считалось новостями. До начала 1990-х годов существовал более жесткий коллегиальный и экспертный контроль над новостными выпусками – и это было совсем неплохо. Когда у каждого телеканала было всего тридцать минут на то, чтобы осветить события дня, договор по контролю над вооружениями с Советским Союзом был, как правило, важнее того, кто из знаменитостей разводится. Телеканалы редко прерывали свои программы, за исключением тех волнующих «специальных

репортажей», которые обычно были посвящены какой-то крупной катастрофе. Если в мире происходило что-то важное, то всем американцам приходилось ждать разносчика газет – ответственная детская работа, которой я занимался в начале 1970-х годов – или вечерних новостей.

В наши дни стало не только больше новостей, но также больше интерактивности в их подаче. Американцы уже не читают исключительно то, что набрано в газетных колонках, и не сидят пассивно перед телевизором, впитывая информацию. Вместо этого их спрашивают о том, что они думают по поводу той или иной информации, часто в режиме реального времени.

Twitter и Facebook превратились в новые новостные бегущие строки, передаваемые людьми потоки информации, которые прерывают новости и распространяют слухи. Ток-шоу и новостные телеканалы, которые все сложнее отличить друг от друга, часто просят своих зрителей высказать свое мнение через социальные сети или напрямую через сайт, заранее зная, что аудитория смотрит новости со смартфоном, планшетом или ноутбуком под рукой.

Интерактивный режим также приводит к такому засилью низкопробного материала, что заставляет с тоской вспоминать о временах корпоративного редакторского контроля. Когда в 2015 году компании Dallas Morning News понадобился новый редактор, они обратились к Майку Уилсону, журналисту с новостного сайта FiveThirtyEight.com, который специализируется на материалах, созданных на основе разнообразной статистики, а не на текущих новостях. «Думаю, что нам следует отказаться от некоторых старых представлений о том, что нужно нашим читателям», – сказал Уилсон в интервью вскоре после того, как его назначили редактором.

«Мы должны быть более чуткими к тому, чего хочет наша аудитория. Если помните, в газетах существовала традиция, когда мы очерчивали круг вопросов и сообщали читателям о том, что, на наш взгляд, они хотели бы знать. Думаю, что нам нужно немного отойти от этого правила и начать больше вовлекать людей в разговор»^[76].

Крупные газеты соглашаются с ним. «Как можно говорить, что вам все равно, что думают потребители?» Алан Мюррей, который контролирует онлайн-новости в Wall Street Journal, сказал в интервью в 2015 году следующее: «Нас очень волнует то, что думают наши читатели. Но наших читателей также сильно волнует наша редакторская оценка. Поэтому мы всегда пытаемся балансировать между этим двумя моментами»^[77].

Журналисты и их редакторы клянутся всеми святыми, что они не позволяют широкой публике навязывать им подборку и освещение материалов, но в это трудно поверить. В отчете New York Times за 2010 год журналисты попытались сделать хорошую мину при плохой игре после того, как описали, как внимательно Washington Post и другие газеты отслеживают свой веб-трафик. «Однако доступность данной технологии пока, судя по всему, приводит к принятию более оперативных решений относительно того, как подать определенную тему, чтобы она стала более привлекательной для онлайн-аудитории»^[78]. Читатели Washington Post, с гордостью отмечается в материале, проявляли больше интереса к обуви Crocs (уродливой, но модной), чем к выборам в Великобритании в 2010 году. Но это не заставило Washington Post изменить свой подход к подаче материала. Возможно, кто-то вздохнет с облегчением, но настораживает сам факт такого подхода.

Если судить по осведомленности публики об основных явлениях окружающего мира, то ей нужно не больше возможностей влиять на содержание новостных материалов, а базовые сведения, в том числе иногда – просто карта с большой красной точкой «Вы находитесь здесь». Если бы рынок был менее насыщен, трудно было бы представить себе средство массовой информации, спрашивающее у читателей таким вот образом, чего те хотят. Но на рынке, перенасыщенном информацией, смена ролей – всего лишь вопрос времени: журналисты спрашивают своих читателей, о чем они хотят прочитать, вместо того чтобы информировать их о вещах, которые им необходимо знать.

Такое смешение развлекательного жанра, новостей, экспертных мнений и участия граждан во всем этом приводит к общему хаосу, который не столько информирует людей, сколько дает иллюзию информированности. Подобно тому, как кликанье бесчисленных страниц в Интернете заставляет людей думать, что они узнают что-то новое, так и бесконечное просматривание телепередач и сотен заголовков порождает у непрофессионалов ошибочную веру в то, что они разбираются в новостях. Хуже того, ежедневное взаимодействие с таким большим объемом информации заставляет их противиться тому, что требует более длительного изучения или не столь интересно.

От подобной информационной нагрузки страдают не только обычные люди. Ситуация такова, что в информационном потоке тонут все, включая профессионалов, которые немало внимания уделяют новостям и которые пытаются быть разборчивыми потребителями. В 2015 году National Journal провел опрос людей, которых он назвал «вашингтонскими инсайдерами» – аудитория, состоявшая преимущественно из членов Конгресса,

федерального правительства и специалистов по связям с общественностью из частного сектора. Всем им был задан вопрос о том, какими источниками новостей они пользуются.

Согласно данным исследования, теперь этим «инсайдерам» стало легче получить информацию, «но сложнее, чем когда-либо, разобраться во всем этом». Профессионалы из Вашингтона, подобно всем остальным, были «завалены новостями», которые заставляли их «терять уверенность в надежности собственных источников информации»^[79].

Если профессиональные политики и чиновники из Вашингтона не способны разобраться в новостях, то чего ожидать от всех остальных? У кого найдется время отсортировать все проверенные факты от ложных? Само исследование содержит намек на дефицит времени у читателей: в нем есть примечание, сообщающее, что для его полного прочтения требуется не менее сорока пяти минут и всего двадцать, чтобы просканировать основное содержание. Ирония очевидная и тревожная.

Безостановочный поток новостей и программы, подстраиваемые под вкусы аудитории, существовали до Интернета, и даже до телевидения. Все началось еще в эпоху радио. Если быть точнее, именно благодаря радио люди впервые окунулись в бесконечный поток новостей и комментариев. Это та среда, которая, по общему мнению, должна была быть убита телевидением в 1960-е годы, но обрела новую жизнь в конце двадцатого столетия.

Радио убило звезду видео

В то время как профессионалы и эксперты обвиняют Интернет в переизбытке самозванных всезнаек, всегда готовых объяснить им в их же собственном кабинете, что им следует делать, другие возлагают вину на двадцатичетырехчасовой новостной цикл, поскольку он забрасывает людей историями и фактами быстрее, чем те могут их переварить. И так же, как в случае с Интернетом, для этого есть масса причин. Американцы сегодня отсматривают новости так, словно они в ситуационной комнате Белого дома и взвешивают каждый новый факт, словно каждому из них лично предстоит отдать приказ о начале новой войны. (CNN даже явно льстит зрительскому тщеславию, называя свою дневную передачу «Ситуационной комнатой».)

Безостановочный поток новостей и программы, подстраиваемые под вкусы аудитории, существовали до Интернета, и даже до телевидения. Все началось еще в эпоху радио.

Однако это не объясняет, почему американцы в итоге приходят к ошибочному мнению, что они лучше экспертов информированы по миллиону разных вопросов, проплывающих у них на экране. Для этого нам нужно чуть пристальнее изучить то, как развивались отношения общественности со средствами массовой информации после 1970-х годов. Десятилетие Уотергейта, «стагфляции» и поражения в войне во Вьетнаме – это важный ориентир не только потому, что в тот период одновременно зародились такие новые технологии, как кабельное телевидение, но и потому, что эти достижения совпали с всевозрастающей утратой доверия к правительству и другим учреждениям Америки. Развитие новых медиа и упадок доверия тесно связаны с гибелью экспертного знания.

Телевидение 1950-х годов должно было, по идее, вытеснить радио. Тем не менее радиовещание на средних волнах (AM) продолжало доминировать в таких сферах, как музыка и спорт. Оно охватывало широкую аудиторию, но качество звука было посредственным, сам звук – монофоническим, часто вещание прерывалось помехами. Подобное положение вещей не могло решить очевидную проблему: люди, имея два уха, предпочитают слушать все в стереозвучании. Вещание на ультракоротких волнах (FM) предлагало более высокое качество звука – как обещала группа Steely Dan в своем хите “FM”, не будет «вообще никаких помех», но только после 1978 года аудитория FM превысила аудиторию AM. Телевидение же с его визуальными возможностями завладело новостной нишей и правом освещения других важных элементов американской жизни, которые когда-то были вотчиной радио.

Но радио не умерло. Радио – особенно если говорить о AM-диапазоне – предложило то, что не могло дать телевидение: интерактивный формат. Создатели радиопередач могли довольно свободно распоряжаться границами эфирного времени, а производство передач было сравнительно недорогим. А идея разговорного радио была простой: предоставить ведущему микрофон и принимать звонки от слушателей, которые хотели обсудить новости и выразить свою точку зрения. Что касается других форм развлечений, тяготеющих к формату телевидения или к более качественному звуку диапазона FM, для станций, стремившихся удержать расходы в известных рамках, выбор формата был очевиден.

Разговорный формат на радио имел громадные политические последствия, которые заложили основу для последующих нападков на традиционную систему знаний в социальных сетях.

Вряд ли кто-то сделал больше для популяризации радиобесед, чем радиоведущий Раш Лимбо, который в конце 1980-х создал альтернативу застывшему тяжеловесному миру телевизионных умных разговоров утром по воскресеньям. Лимбо был здесь далеко не первым: многочисленные радиошоу существовали в Соединенных Штатах, по крайней мере, начиная с 1950-х годов. И их зачастую передвигали на вечер или даже на позднюю ночь. Но Лимбо сделал нечто уникальное, преподнося себя, как единственный правдивый источник в противовес всем остальным американским СМИ.

За первые несколько лет его выхода в эфир Лимбо можно было услышать более чем на шести сотнях национальных радиостанций. Он говорил своим слушателям, что пресса и национальные телевизионные станции находятся в либеральной оппозиции, а особенно они настроены против новой администрации президента Билла Клинтона. Не все из этих обвинений были справедливы, но и не все следовало считать ошибочными. Лимбо удавалось вскрывать примеры предвзятого отношения традиционных ежедневных СМИ – а таких была масса – и оставаться при этом частью этой информационной среды. Имея в своем распоряжении три часа непрерывного эфирного времени, Лимбо обладал тем преимуществом, которого не было у телевидения до появления кабельных каналов.

Кроме того, Лимбо вместе с другими ведущими создал надежную опору в виде сочувствующих соотечественников, позволив им звонить в студию и выражать свою поддержку. Звонки предварительно изучались и отсортировывались: по словам одного из его коллег, Лимбо считал, что он недостаточно силен в дискуссиях. И все же главным здесь были не обсуждения: целью было создать чувство общности среди тех людей, которые уже были склонны разделять мнение друг друга. Впоследствии Интернет возьмет на себя эту миссию объединять людей, которые отвергают мнения ведущих СМИ, но сам феномен возник на радио.

Телеканалы и печатные СМИ с удивлением обнаружили не только, что именно слушают миллионы людей, но и что эти слушатели отворачиваются от традиционных источников новостей. В 1970 году вице-президент Спиро Агню обвинил прессу в либеральной предвзятости, выдав знаменитую остроту (принадлежащую спичрайтеру Уильяму Сафиру^[31]), что в СМИ полно «неутомимых набобов негатива». Двадцать лет спустя та же самая ситуация повторилась с радиошоу, только в этот раз все было гораздо серьезнее.

Ирония, конечно же, заключается в том, что сам Лимбо вместе с другими консервативными участниками дискуссий вскоре *стали* мейнстримом. К началу двадцать первого века наметился очередной спад интереса к радио, но Лимбо продолжал удерживать аудиторию в двадцать миллионов слушателей. А в 2008 году он подписал контракт на сумму 400 миллионов долларов, уступив место только актеру и продюсеру Говарду Стерну, известному своей неоднозначной репутацией, с его контрактом на полмиллиарда долларов со спутниковой радиостанцией «Сириус». В раннюю эпоху телевидения видео практически лишило радиоведущих работы. Однако вскоре теле- и радишоу станут, скорее, взаимосвязанными, а не конкурирующими медиа, когда звезды радио стали перемещаться на кабельное телевидение и наоборот.

Либеральные дискуссии на радио оказались неконкурентоспособны в этих новых реалиях и имели гораздо меньше влияния. Либералы в ответ могут возразить, что это происходило потому, что они отказывались снисходить до уровня своих конкурентов. (Прогрессивный радиоведущий Рэнди Роудс теперь уже прекратившей свое существование прогрессивной радиостанции Air America *действительно* назвал Хиллари Клинтон «большой [бранное слово] шлюхой» в своем эфире в 2008 году. Это говорит о том, что, по крайней мере, часть либералов собирались идти до конца.) Консерваторы же настаивали на том, что либеральное радишоу в стране, где доминируют либеральные средства массовой информации, это решение несуществующей проблемы, потому что у либералов уже и так полно мест, где их можно услышать. Но какой бы ни была причина, ведущие, тяготеющие к левой части политического спектра, никогда не достигали большого успеха. Так, у популярного прогрессивного ведущего Алана Колмса есть небольшая аудитория, которой командует Лимбо или собственный бывший напарник Колмса по шоу, Шон Хэннити (делящий свое время между работой на радио и в шоу на Fox News).

Но радио не умерло. Радио – особенно если говорить о АМ-диапазоне – предложило то, что не могло дать телевидение: интерактивный формат.

Популярность радиобесед поставила под сомнение роль экспертов, укрепив распространенное убеждение, что традиционные СМИ нечестны и ненадежны. Радиоведущие не только ополчились на традиционные политические взгляды, они стали критиковать все, поместив своих слушателей в некую альтернативную реальность, где любого рода факты считаются ненадежными, если их не подтвердил ведущий. В 2011 году Лимбо назвал «правительство, образовательное сообщество, научные круги

и СМИ» «четырьмя сферами обмана», к которым можно было отнести всех, за исключением самого Лимбо.

Есть множество других примеров. Гленн Бек однажды сообщил своим слушателям, что научный консультант Обамы в Белом доме, Джон Холдрен, был сторонником принудительных аборт. (Это не так, но историю продолжают обсуждать.) Хэннити и другие журналисты хватались за слух о том, что египетское правительство собирается легализовать некрофилию. (Лимбо задавался вопросом, кто снабдит желающих презервативами для подобного рода встреч.) Вся эта история, по словам зарубежного корреспондента Christian Science Monitor Дэна Мёрфи была «полной выдумкой», но это не имело никакого значения.

Есть разумный аргумент, что разговорное радио 1980-х и 1990-х годов было необходимым противоядием телевидению и другим печатным СМИ, ставшим политически услужливыми, идеологически монотонными и слишком самовлюбленными. Лимбо и его двойники на радио не были напрямую ответственны за ту поднявшуюся волну недоверия и презрения к СМИ среди представителей «средней Америки», как показала знаменитая атака Агню на прессу. И все же радиоведущие разожгли это недоверие с новой силой. В конечном итоге радиобеседы стали такими же догматическими и однобокими, как та культура, которую они пытались вытеснить. В то время как консервативно настроенные ведущие могли привлечь внимание к дебатам, которые крупные телеканалы предпочитали игнорировать, а также позволяли быть услышанными тем людям, которые считали, что все вокруг – ложь, и что эксперты не умнее остальных и гораздо лживее любого другого.

Американские заложники: День 15 000-й

Возможно, мятеж радио против печатных и электронных СМИ и не распространился бы дальше АМ-диапазона, если бы не кабельное телевидение и Интернет. Кабельные каналы и Интернет, как альтернативные источники новостей – и как плацдармы для нападков на традиционную систему знаний – фактически укрепили друг друга в 1990-е годы. Даже Лимбо, после того как временно посвятил себя писательству, выпустив пару бестселлеров, попробовал свои силы на телевидении, проработав там несколько лет. Ранее узкое медийное окно теперь заметно расширилось, обеспечив массовое нашествие людей со стороны.

Истории, рождавшиеся в одной информационной среде, быстро перетекали в другую, чтобы с еще большим шумом вернуться назад, подобно оглушающему эху микрофона, расположенного рядом с колонкой.

Ирония же заключается в том, что ни кабельное телевидение, ни Интернет не стали родоначальниками двадцатичетырехчасового новостного цикла. За последнее мы должны благодарить покойного аятоллу Хомейни из Ирана.

В ноябре 1979 года иранские революционеры захватили американское посольство в Тегеране, взяв в заложники десятки американских служащих. Зрелище шокировало американцев, которые следили за всем происходящим практически в режиме реального времени. Драма с захватом заложников в Иране была совершенно новым явлением, чем-то средним между войной и кризисом: Вьетнам стал медленным прорывом плотины, который затянулся на десятилетие, а кубинский кризис случился за две недели, быстрее, чем его смогли полноценно осветить телевидение и газеты. Захват заложников произошел быстро, а потом все затянулось, когда после нескольких дней насилия последовал долгий и мучительный период ожидания и тревоги.

Новостные медиа оказались в затруднительной ситуации. С одной стороны, американцы находились в смертельной опасности в чужой стране; с другой стороны, ничего в действительности *не происходило*. Подобно тому, как комедийный актер Чев Чейз объявлял каждую неделю в шоу Saturday Night Live о том, что испанский лидер Франсиско Франко *все еще* мертв, так и журналистам телеканалов не оставалось ничего другого, как только сообщать, что заложники все еще в заложниках.

В то время телеканал ABC решил попробовать нечто новое, передвинув ежедневную сводку новостей по Ирану на поздний вечер. Это также было маркетинговым ходом: у ABC не было вечерних программ, чтобы конкурировать с ток-шоу знаменитого Джонни Карсона на NBC. А новостная программа обходилась дешевле. ABC заполнила вечернюю нишу новой программой под названием Nightline, которая была посвящена исключительно освещению кризиса. Каждый вечер ABC давала на весь экран заставку с надписью «Американские заложники» и указанием количества дней, в течение которых заложники остаются в неволе. На протяжении всего эфирного времени журналист (как правило, ветеран ABC корреспондент Тед Коппел) интервьюировал экспертов, журналистов и всех, кто имел какое-то отношение к данному кризису.

Спустя год заложники вернулись домой, но Коппел и Nightline продолжали вещать еще долгие годы. Кабельное телевидение обеспечило новую технологию для последующих подражателей, но Nightline предоставила им новую модель подачи материала. Срочные сообщения и телевизионные титры – те маленькие полоски новостей, которые медленно проплывают

в нижней части экрана новостных телеканалов – все они берут свое начало с программы, которая фактически была создана на лету, в ответ на кризис.

Возможно, мятеж радио против печатных и электронных СМИ и не распространился бы дальше АМ-диапазона, если бы не кабельное телевидение и Интернет.

Еще одним наследием эпохи Nightline и продуктом двадцатичетырехчасового новостного цикла стало обесценивание экспертных знаний в средствах массовой информации. Как правильно заметил профессор Военного колледжа армии США Стивен Метц, выступая в 2015 году, в прежние времена «широкая публика, как правило, считалась с мнением представителей национальной системы безопасности, которые заработали свой авторитет благодаря опыту и глубоким знаниям – парламентариев, военачальников, политических деятелей, ученых, представителей медиа или экспертов-аналитиков». Но потом ситуация изменилась.

«Заработанные нелегким трудом знания оказались не нужными, когда людям стали доступны многие часы радио и телевизионного эфирного времени или онлайн-дискуссий... На протяжении нескольких десятилетий уважение к экспертам стремительно ослабевало. Избыток информации и технических средств связи придал уверенности тем людям, которые прежде считались с авторитетным мнением»^[80].

«Вооружившись мизерным объемом информации, – заключает Метц, – такие люди «высказывают свое мнение по самому широкому кругу вопросов». Продюсеры и репортеры породили самозваных экспертов, приглашая их высказаться по любому поводу – искушение, перед которым лишь немногие способны устоять. (И я среди тех, кто в данном случае не без греха.)

Программа Nightline имела успех, но телерадиовещательные сети все равно не видели смысла в том, чтобы выдавать новости круглые сутки. В конце концов, какой зритель захочет смотреть сплошные новости? В 1980 году предприниматель Тед Тернер рискнул предположить, что захочет, и основал на этом предположении вещание своего детища, канала Cable News Network (CNN). CNN уничижительно называли “Chicken Noodle Network” («Телеканал «Куриная Лапша»), лапшой быстрого приготовления из кратких новостей и сюжетов. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. И последним оказался Тернер, так как CNN не только надежно утвердился среди кабельных каналов, но и породил впоследствии своих собственных

конкурентов, включая канал Fox News, который в итоге обгонит его по рейтингу.

Вместо того чтобы нанимать немолодых белых мужчин, читающих новости хорошо поставленными голосами, Тернер предпочел сделать свой канал более гламурным. 1 июня 1980 года 39-летний Дэвид Уокер и его 31-летняя жена Луис Харт стали первыми ведущими, появившимися на новом телеканале CNN. Они рассказали о визите президента Джимми Картера в больницу к гражданскому активисту Вернону Джордану. Новости перестали быть получасовым выпуском, который вели спокойными, убаюкивающими голосами мужчины среднего возраста, как, например, Джон Чанселлор и Фрэнк Рейнольдс, а стали непрерывным шоу с участием более молодых и куда более привлекательных персонажей, сменявших друг друга круглые сутки.

Пришло время двадцатичетырехчасового новостного цикла, однако потребовалась череда нескончаемых кризисов и катастроф 1980-х и 1990-х годов, чтобы привлечь аудиторию. Покушение на убийство президента Рональда Рейгана, авиационная катастрофа на реке Потомак в Вашингтоне и угон самолета авиакомпании TWA, помимо всего прочего, – все это доказало, что американцы готовы часами смотреть новостной канал. Новости перестали быть неким ритуалом, когда американцы собирались у телевизоров в определенное время или бежали к экранам, услышав тревожные слова «мы прерываем вещание». Новости теперь преподносились, как шведский стол, к которому можно было подходить в течение всего дня.

Трансляция выступлений в суде профессора права Аниты Хилл, обвинявшей в сексуальных домогательствах кандидата в члены Верховного суда США Кларенса Томаса в 1991 году, доказали, что американцы готовы смотреть не только на кризисы и катастрофы, но станут неотрывно следить за политическими и судебными драмами – особенно если там есть секс или убийство, а лучше и то и другое. В 1991 году, когда в залах суда разрешили устанавливать больше камер, на кабельном телевидении появился телеканал Court TV^[32]. Американцы стали диванными экспертами в области права, наблюдая за бесконечными судебными случаями, связанными с изнасилованием, убийством и подобными грязными делами.

CNN теперь давал больше новостей, чем мог переварить за день среднестатистический зритель, но изобилие таких кабельных каналов, как Court TV, стало для экспертов настоящей головной болью. Оценивая в 1991 году новый телеканал, еженедельник Entertainment Weekly назвал

Court TV «частично C-SPAN^[33], частично Monday Night Football, хоть это и звучало немного несправедливо по отношению к обоим каналам. А к тому времени, когда зрелищный судебный процесс 1995 года по делу об убийстве жены О. Джей Симпсона завершился, у миллионов обычных людей появились глубокие взгляды на те вещи, в которых они фактически не разбирались, от данных генетической экспертизы до принадлежности отпечатков обуви. Это была драгоценная находка для будущих рейтингов, доказавшая, что на самом деле люди хотят от новостных каналов не долгих часов скучных новостей, а напряженной, интригующей драмы.

В 1982 году сеть CNN запустила канал, передававший исключительно новости дня. Предполагалось, что на канале каждые полчаса будет идти повторяющийся цикл из главных новостей дня. Конечно, это было довольно скучно для среднестатистического зрителя. И, естественно, вскоре знаменитая ведущая и прокурор Нэнси Грейс появилась на новом телеканале HLN (который, очевидно, решил обойтись без новостей).

HLN специализировался на сенсационных историях, которые перемежались преувеличенно гневными высказываниями Нэнси в адрес правосудия. В одной жуткой истории, произошедшей в 2008 году, мать из Флориды, Кейси Энтони, обвиняли в убийстве двухлетней дочери. Это была шокирующая история, своего рода повтор дела Симпсона, когда миллионы людей мгновенно вставали на чью-то сторону. Но телеканал HLN не только освещал судебное заседание; Грейс и другие журналисты сделали его коньком своих «новостей», посвятив этой теме *пять сотен* выпусков^[81]. К тому времени, когда Энтони вынесли оправдательный приговор в 2011 году, зрители HLN наверняка гораздо лучше знали судебное законодательство штата Флорида, чем свои собственные конституционные права.

Невозможно обсуждать связь между журналистикой и гибелью экспертного знания, не рассмотрев революционные перемены, привнесенные каналом Fox News, который появился в 1996 году.

Невозможно обсуждать связь между журналистикой и гибелью экспертного знания, не рассмотрев революционные перемены, привнесенные каналом Fox News, который появился в 1996 году. Детище консультанта по связям с общественностью, консерватора Роджера Эйлса, телеканал Fox добился того, что новости стали быстрее, занимательнее, а с появлением там настоящих королей красоты в качестве дикторов, еще и гораздо симпатичнее. Подобные триумфы маркетинга, в хорошем или плохом его проявлении, – это примеры американской истории успеха. (Кодой

к завершению карьеры Эйлса, словно бы созданной для телевизионного формата, стало его выдворение с Fox в 2016 году после множественных случаев обвинения в сексуальных домогательствах. Следует отметить, что все это подробнейшим образом освещалось на телеканале, который он лично помогал создавать.)

Но история Fox пересекается с проблемой гибели экспертного знания в одном очень важном моменте: появление Fox наглядно показало то, как люди находят источники новостей в новых реалиях электронных медиа. То, что Лимбо попытался сделать с радио и связанным с ним телешоу, Эйлс воплотил в реальность с помощью телеканала. Если бы Эйлс не создал Fox, за него это сделал бы кто-то другой, потому что рынок, как показали радишоу, был к этому уже готов. Как любит иронизировать консервативный журналист и комментатор Fox Чарльз Краутхаммер, Эйлс «обнаружил нишевую аудиторию – половину американцев».

Fox забил последний гвоздь в крышку гроба новостных телеканалов, будучи аполитично настроенным к событиям дня. Редактор консервативного журнала First Things, Р.Р. Рино, написал в 2016 году, что Роджер Эйлс был «возможно, самым влиятельным человеком последнего поколения, приложившим руку к превращению политики в развлечение», но с тех пор у него появилось много помощников.

«Это не только Fox. MSNBC и другие сети представили свои собственные политические ток-шоу – разговорные версии матчей World Wide Wrestling^[34].

Говорящие головы злятся, перебивают друг друга и развлекают себя иными грубыми способами. Зрители наслаждаются этим зрелищем. Реклама продается. Деньги зарабатываются»^[82].

Девиз канала Fox «честно и объективно» был едкой репликой, нацеленной против лицемерия традиционных медиа, включая тогдашний телеканал CNN, которые говорили о том, что они вне политики. Fox, подобно радиоведущим, позиционировал себя, как альтернативу мейнстриму, к которому он не принадлежит и которому ничего не должен.

Конечно, идея о том, что Fox уникален, или что крупные телевизионные сети были в каком-то смысле аполитичны, всегда являлась фикцией. Предвзятость медиа, проявляющаяся самыми разными способами и повсеместно, – это реальность. Сеть Fox, как и другие телевизионные сети, пытается разграничить важные политические новости и программы, где высказываются разные точки зрения. И ей, подобно всем остальным, это

редко удается. CNN Fox, MSNBC и другие крупные телерадиовещательные корпорации располагают отличными новостными редакциями, и при этом все они замечены в разной степени предвзятости, в первую очередь, чтобы обслуживать ту аудиторию, которая им нужна. В процессе соперничества за зрителей простой подачи телевизионных «новостей» недостаточно.

Канал Fox является более влиятельным просто благодаря размеру своей аудитории. Но сейчас все сети включают в свое расписание «инфотейнмент» (*англ.* infotainment от *англ.* information – информация и entertainment – развлечение). Серьезной проблемой на всех крупных телеканалах является то, что переход от новостей к развлечению стал практически незаметен: дневная мишура сменяется выпусками новостей и ток-шоу, уступая место вечерним развернутым новостям, которые затем плавно перетекают в программы, посвященные знаменитостям – и все это в течение нескольких часов.

Пока процветали радиошоу, а позднее и кабельное телевидение, Интернет набирал обороты, предоставляя еще одну арену не только для традиционных новостных СМИ, но и для всех, кто считал себя журналистом и хотел поучаствовать в игре. Уже тогда Интернет и переизбыток новостных медиа стали проблемой для экспертов. Но эффект синергии, созданный сочетанием новостей и Интернета – это уже проблема вселенских масштабов для экспертов, пытающихся общаться с дилетантами, которые убеждены в том, что пялиться в телефон, сидя в метро, равноценно тому, чтобы быть в курсе мировых событий.

Никому не доверяй

На протяжении примерно тридцати лет почти каждое свое первое занятие со студентами в колледже и в магистратуре я начинал, говоря им, что вне зависимости от того, чем они заняты, они должны ежедневно получать сбалансированный новостной «рацион». Я советую им следить за публикациями в крупных газетах, смотреть минимум два телеканала, подписываться (онлайн или иным способом), по крайней мере, на один журнал, выбирая такой, с взглядами которого они, как правило, не соглашаются.

Сомневаюсь, что я добился в этом больших успехов. Если мои студенты будут хоть чем-то похожи на остальных американцев, то они станут следить за теми источниками новостей, с которыми они уже разделяют схожие взгляды. Так, в проведенном центром Пью исследовании американцев спрашивали, каким новостным телевизионным источникам они «доверяют больше всего в сфере политики и текущих событий». Результаты оказались

в точности такими, каких можно было ожидать от раздробленного медиарынка: люди тянутся к тем источникам, чьи взгляды они уже разделяют.

По мнению американцев, явно консервативный канал Fox News постепенно приближался к традиционным теленовостям (а именно к стандарту вечерних новостей телеканалов ABC, CBS и NBC) и был назван в целом «наиболее надежным в плане достоверности». Телеканал CNN шел практически следом за ним. Вместе Fox и CNN были названы «самыми надежными» пятью из десяти респондентов. Но среди консерваторов Fox, что неудивительно, оказался «самым надежным» каналом у 48 процентов опрошенных. Мнения людей с умеренными взглядами разделились поровну между традиционными телеканалами и CNN (25 и 23 процента соответственно), а Fox и общественное телевидение заняли второе и третье места. Среди либералов телевизионные новости оказались «надежными» у 24 процентов опрошенных, а CNN и общественное телевидение получили 16 и 17 процентов поддержки соответственно.

Но больше всего в данном случае настораживал факт упоминания пародийного шоу Daily Show с многолетним ведущим, комедийным актером Джоном Стюартом, в качестве одного из «наиболее надежных» источников новостей. Семнадцать процентов респондентов с либеральными взглядами назвали Daily Show своим «самым надежным источником», поставив Стюарта на одно место с CNN и государственным телевидением. Сеть MSNBC (чьим девизом какое-то время было «тянуться вперед» – не знаю, что бы это могло значить), оказалась в 2014 году наименее надежным источником: каждая из опрошенных групп поставила ее на последнее место, и даже консерваторы сделали выбор в пользу Стюарта.

В данном случае сработала разница поколений, так как более молодые зрители проявляли бóльшую готовность выбирать нетрадиционные источники информации. Но подобное превращение новостей в развлекательный жанр прослеживается во всех слоях населения. В целом процесс получения информации стал своего рода постмодернистским упражнением в иронии и цинизме, когда такие слова, как «правда» и «информация» означают все, что хотят в них вложить. Как писал профессор университета Джона Хопкинса Элиот Коэн в 2016 году, разница между поколением, которое получало новости от Уолтера Кронкайта и Дэвида Бринкли, и теми, кто узнает о них от Джона Стюарта и его коллеги Стивена Колберта, та же самая, что между «хихиканьем с молодыми зубоскалящими хипстерами и выслушиванием высказываний серьезных людей»^[83].

Подобного рода жалоба, конечно же, звучит, как брюзжание человека средних лет. Но другие критики возражают на это, что универсальная природа телевизионных новостей – это главная причина того, почему молодежь обратилась к альтернативным источникам. Как сказал в 2016 году писатель Джеймс Поулос (и гораздо более молодой представитель поколения X), живущий в Лос-Анджелесе, «уму непостижимо, как поколение шестидесятников, не доверявшее в свое время никому, старше 30 лет, по прошествии времени стало доверять любому идиоту с правильными чертами лица и в деловом костюме». Стюарт, конечно, комедийный актер, но его молодые зрители были наверняка лучше информированы, чем те их сверстники, которые вообще не смотрели новостей.

Однако проблема не в том, что все эти сети и шоу существуют, а в том, что зрители выбирают их, а потом верят, что они информированы. Современные медиа с таким широким выбором вариантов на любой вкус – хороший пример склонности к подтверждению своей точки зрения. Это означает, что американцы не просто плохо информированы, скорее, они неверно информированы.

Между двумя этими недугами огромная разница. Проведенное в 2000 году Иллинойским университетом исследование знаний населения – отмечала впоследствии политолог Энн Плута – показало, что «неинформированные граждане не имеют никакой информации, в то время как неверно информированные обладают данными, противоречащими самым проверенным фактам и мнениям экспертов». Эти люди не просто «заполняют пробелы в своих знаниях, используя существующую систему взглядов», со временем эти взгляды становятся «неотличимыми от достоверных данных». И, конечно, самые дезинформированные граждане, «как правило, больше других уверены в правильности своих взглядов, а также являются наиболее активными сторонниками тех или иных идей»^[84].

Это одна из причин, почему очень мало американцев доверяют тем немногим новостям или новостным программам, которые смотрят. Подавляющее количество людей воспринимают новости с подспудным убеждением, что они уже хорошо подкованы в этих вопросах. Они ищут не столько информацию, сколько подтверждения своему мнению, и когда они получают информацию, которая их не устраивает, они тянутся к более предпочтительным на их взгляд источникам, потому что верят, что все остальные ошибаются или даже лгут. В прежние времена другие, устраивающие тебя источники было сложнее найти. Когда у тебя ограниченное количество информационных ресурсов, приходится довольствоваться теми новостями, которые не вполне соответствуют твоим

предвзвещениям. В наши дни сотни средств массовой информации ориентируются на самые разные потребности и убеждения.

В целом процесс получения информации стал своего рода постмодернистским упражнением в иронии и цинизме, когда такие слова, как «правда» и «информация» означают все, что хотят в них вложить.

Подобный образ мышления и рынок, который его обслуживает, порождает у обычных людей смесь необоснованной самоуверенности и глубокого цинизма, которые разбивают любые попытки экспертов просветить своих сограждан. Эксперты не могут отвечать на вопросы, если большинство людей считает, что уже знает на них ответы. И им совсем нелегко быть услышанными, когда так много людей уже готовы убить – или, в лучшем случае, игнорировать – гонца. Довольно грустно, что люди не следят за новостями. Плохо, когда они не доверяют тому немногому, что они все-таки читают, и что они перебирают их, как товар, пока не найдут то, что им нужно.

Частично недоверие американцев к СМИ – всего лишь один из симптомов более серьезного недуга: американцы все сильнее не доверяют кому бы то ни было. Они с презрением относятся ко всем институтам, включая медиа. Никто не любит медиа – или, по крайней мере, все *говорят* о том, что не любят их. Согласно данным центров изучения общественного мнения, новостные учреждения находятся в числе тех институтов, которым меньше всего доверяют американцы. Опрос, проведенный Институтом Гэллага в 2014 году, показал, что лишь четверо из десяти американцев считают, что СМИ подают новости «точно, беспристрастно и в полном объеме»^[85].

Конечно, на самом деле никто не испытывает ненависти к СМИ. Просто люди не любят средства массовой информации, передающие новости, которые им не нравятся, или выражающие взгляды, с которыми они не согласны. Опрос, проведенный Исследовательским центром имени Пью в 2012 г., выявил, что две трети американцев в целом считают, что новостные организации «часто ошибаются». Но тот же самый показатель снижается менее, чем до трети, когда людям задают такой же вопрос относительно новостных каналов, «которыми они чаще всего пользуются»^[86]. Это, как отмечали многие обозреватели на протяжении долгих лет, очень похоже на то, когда все утверждают, что ненавидят Конгресс, а на самом деле имеют в виду, что ненавидят всех членов Конгресса, за исключением *своих собственных*. Точно так же люди, которые терпеть не могут СМИ, все равно смотрят те новости или читают те газеты, которым они им уже доверяют.

В демократическом обществе подобный уровень цинизма в отношении к медиа губителен. Все граждане, включая экспертов, нуждаются в новостях. Журналисты передают нам события и явления, происходящие в мире, снабжая нас необходимыми фактами, которые мы используем как строительный материал для формирования наших собственных мнений, взглядов и убеждений. Мы вынуждены полагаться на их суждения и объективность, потому что их репортажи обычно знакомят нас с прежде неизвестными нам событиями или фактами. Во всем мире журналисты делают свою работу на удивление хорошо, часто рискуя собственной жизнью. И все равно подавляющее большинство американцев не доверяют той информации, которую им предоставляют.

Во всем мире журналисты делают свою работу на удивление хорошо, часто рискуя собственной жизнью. И все равно подавляющее большинство американцев не доверяют той информации, которую им предоставляют.

Кто умнее – зрители или эксперты?

Правы ли зрители и читатели, настолько не доверяя никому? Мне, как профессионалу в своей области, мой инстинкт подсказывает верить тому, что журналисты, как профессионалы, знают, что они делают. В целом я доверяю репортажам и статьям большинства журналистов. Я также верю, что редакторы и продюсеры, которые наняли их, тоже знают, что они делают. Но у меня, как у всех остальных, нет журналистского образования, также как нет профессиональных знаний о большинстве тех предметов, о которых я читаю.

Вопрос о компетентности возникает, когда и журналисту не хватает этих профессиональных знаний. Журналисты, вне всяких сомнений, могут быть экспертами. Некоторые иностранные корреспонденты бегло говорят на языке того региона, где они работают, и обладают глубокими знаниями других культур. Некоторые научные репортеры сами являются учеными или получили соответствующее образование. Есть репортеры на Капитолийском холме, которые способны объяснить тонкости законодательного процесса лучше некоторых членов Конгресса.

Но при этом есть журналисты, которые считают, что в секторе Газа есть мост, или что Ивлин Во – женщина. Подобная ограниченность объясняется не тем, что журналистика привлекает необразованных людей, а тем, что в эпоху, когда все вокруг – журналистика и каждый человек – журналист, стандарты неизбежно рушатся. Профессия, в которой прежде существовали хоть какие-то барьеры, теперь широко открыта для всех желающих. Тех же

самых результатов можно было бы ожидать, если бы в медицину, охрану правопорядка, авиацию или археологию свободно допускались бы все желающие.

В какой-то степени происходящее объясняется уходом в академические сферы того, что когда-то было ремеслом. Вместо полноценного профессионального обучения и подготовки к будущей карьере, что включает в себя, в том числе, написание некрологов и освещение скучных городских совещаний, журналистика и коммуникативные науки стали теперь просто профилирующими предметами в высших учебных заведениях. Эти факультеты и программы массово готовят молодых людей, обладающих ограниченными знаниями в тех предметах, что они изучали. Они имеют лишь общие представления о структуре предмета, но не владеют особенностями или нормами своей профессии. Многие из них, со школы приученные глубокомысленно высказываться в постах, не понимают разницы между «журналистикой» и «блогерством».

Тем временем ветеранов журналистики вытесняют из отделов новостей, чтобы освободить место для молодых – тех, которые знают, как получать клики. Вот как описывал это журналист старейшего журнала The Nation Дейл Мэхеридж в 2016 году.

«Журналистика старой школы была ремеслом, и журналисты старой закалки считают сегодняшнюю моду на индивидуальность в журналистике: написание большого количества постов, агрегирование чужого материала, постоянное присутствие в социальных сетях, – совершенно чуждым явлением. А руководство разделяет новые взгляды. Редактор одного крупного национального издания – ему самому уже далеко за 40 – откровенно поделился со мной, что он неохотно берет на работу возрастных журналистов, потому что «у них старый менталитет, они привыкли к тому, что нужно выдавать один материал в неделю», и не хотят пользоваться социальными сетями»^[87].

Фиксация рынка на форме, а не на содержании, жажда скорости и модные веяния в университетском образовании – вот триада, создающая неверно информированную публику. И нет ничего удивительного в том, что такие опытные профессионалы, как Джоэл Энджел – писатель и бывший журналист New York Times и Los Angeles Times – горько сетуют на то, что в Америке все гораздо лучше работало, «когда журналистами были репортеры, которые зачастую едва заканчивали школу».

Неопытные сегодняшние журналисты могут заметно повлиять на качество информации, доступной внушительному количеству людей, получающих

новости главным образом через социальные сети. Так, например, Facebook использует новостных кураторов, задача которых – определить, какие новости появятся в ленте подписчиков. Согласно статье, опубликованной в 2016 году на сайте Gizmodo.com, Facebook относился к этим репортерам, как к малозначительным внештатным сотрудникам, тем не менее предоставляя им широкие полномочия в новостном сегменте.

«Актуальный новостной сегмент [в Facebook] возглавляют люди в возрасте 20–30 лет, большинство которых выпускники Лиги плюща и частных школ с Восточного побережья, вроде Колумбийского и Нью-Йоркского университетов. Прежде они работали в таких новостных медиа, как New York Daily News, Bloomberg, MSNBC и The Guardian. Часть прежних кураторов оставили работу в Facebook ради более престижных мест, включая New Yorker, Mashable и Sky Sports.

По словам бывших сотрудников, которые дали интервью сайту Gizmodo, эта маленькая группа обладала полномочиями выбирать, какие истории ставить в ленту новостей, и, что более важно, с каких новостных сайтов брать темы. «Мы выбираем то, что популярно», – сказал один из опрошенных. «У нас не существовало определенного стандарта, что считается новостями, а что – нет. Это решал новостной куратор»^[88]. Очевидный вывод в данной ситуации – на Facebook нельзя полагаться, как на новостной источник. Но миллионы людей это делают, так же, как многие доверяют Twitter, который сам экспериментирует с правилами смены того, что появляется у пользователя на экране.

Если быть до конца объективным к этим молодым репортерам, следует отметить, что зачастую они поставлены в непростую ситуацию, что объясняется самой природой рынка. Как сообщил мне журналист Slate.com, Уилл Сейлтен, подготовка сложного материала требует гораздо больше времени, в отличие от того, что выдает простое кликанье. Сейлтен потратил год на изучение пищевой безопасности генетически модифицированных организмов (ГМО) – история, которая могла бы побить даже споры о вакцинации в номинации «триумф невежества над наукой»^[89]. «Нельзя заставить молодого человека разобраться в данном вопросе в тех временных рамках, которые предоставляются ему в настоящее время», – сказал Сейлтен после того, как его материал, разнесший в пух и прах всю лженауку, стоящую за неприятием ГМО, появился на сайте Slate. Подобного рода материалы требуют не только времени, но и желания заниматься поиском и концентрироваться на скучных деталях. Как выразился Сейлтен, «нужно иметь железную волю, чтобы продолжать настойчиво изучать такую тему, как ГМО, которая очень специфична и скучна, когда ты погружаешься в нее

глубоко. К тому же она чревата бурными эмоциями, так как способна задеть те или иные политические интересы».

Фиксация рынка на форме, а не на содержании, жажда скорости и модные веяния в университетском образовании – вот триада, создающая неверно информированную публику.

Иногда ошибки бывают тривиальными и забавными. Например, в случае с липовым материалом о том, что «шоколад помогает сбрасывать вес», обманщики никогда не думали, что зайдут так далеко. Они предполагали, что «когда репортеры, не имеющие ученых степеней», обратятся за консультацией к настоящим ученым, то сразу обнаружат, что все это липовое исследование «до смешного зыбко». Но они ошибались: никто не попытался проверить эту версию, справившись о ней у профессионалов. «Главное, – как заметили позднее мошенники, – спекулировать на невероятной журналистской лени. Если ты выложишь материал как есть, то увидишь, что в медиа он появляется почти в том же виде, как ты его написал. На самом деле, так все и происходит, потому что многие репортеры просто копировали и выкладывали наш текст»^[90].

Глупая история о шоколаде, как удачном средстве для похудения, не принесет вреда большому числу людей. (Любителям шоколада не нужны научные доводы, чтобы им наслаждаться.) Но когда материал касается более серьезных вопросов, журналисты, которые теряются в теме или идут на поводу у своих идеологических предубеждений, могут больше запутать, чем разъяснить данный вопрос. Несколько лет назад журналист Джошуа Фауст целиком посвятил себя практике «внедрения» журналистов в среду военных, служащих за рубежом, породив иллюзию опыта у тех репортеров, которые на самом деле слабо представляли, где они находятся.

«Слишком много корреспондентов ничего не знают о тех местах, о которых они собираются писать – Грузия это или Афганистан. Материалы отмечены критическим уровнем невежества относительно базовых фактов и понятий (один репортер-фрилансер, работавший в Грузии, рассказывал мне, что штатные репортеры спрашивали у военных: «Где находится Абхазия?») Личный опыт подсказывает мне, что подобная ситуация в целом наблюдается и в Афганистане.

«Эта командировка – только на неделю, – наверняка рассуждает такой корреспондент, – поэтому нечего перетруждаться – научусь всему по ходу дела»^[91].

Не обладая фундаментальными знаниями, молодые журналисты вынуждены прибегать к тем знаниям в области журналистики, которые они получили в колледже. Так, по словам Джоэла Энджела, происходит «процесс обезличивания», «обеспечивая единообразие» и поставляя молодых журналистов, которые выходят из колледжа, «видящие только то, во что верят^[35]».

Подобное откровенное невежество или даже профессиональная некомпетентность могут нанести тяжелый вред отдельным людям и целым сообществам. Так, в 2014 году авторитет журнала Rolling Stone заметно пострадал от грубейшей журналистской ошибки в репортаже, посвященном теперь уже печально известной истории о групповом изнасиловании в университете Виргинии. Журналистка, вознамерившаяся отыскать историю о сексуальном преступлении в элитном американском кампусе, нашла такую. Ее редакторы опубликовали материал, преподнеся его в гротесковом виде. Однако вся эта история быстро вскрылась и оказалась уткой. Результатом стала катастрофа в виде судебных исков и разрушенных репутаций.

Rolling Stone в итоге поместил опровержение и попросил Высшую школу журналистики Колумбийского университета провести свое расследование. Оно пришло к выводу, что репортер Сабрина Эрдели и ее редактора нарушили основополагающие правила журналистики – и все ради истории, которая, очевидно, была слишком хороша, чтобы ее перепроверять^[92]. Судебное разбирательство тянулось еще несколько лет, и одна из упомянутых в материале преподавательниц университета – видимо, в первый раз не отреагировавшая на историю с изнасилованием, – подала против Rolling Stone иск о распространении порочащих сведений и выиграла его.

Частично материал основывался на исследованиях, в которых утверждается, что одна из четырех (иногда сообщается, что одна из пяти) женщин в американских колледжах и университетах подвергается сексуальному насилию. Подобные утверждения сделали возможным появление фальшивки в журнале Rolling Stone, когда сама подобная статистика и те исследования, на которой они основаны, должны бы вызвать тревогу.

Как написала журналистка Slate Эмили Йоффе в 2014 году: «Одна изнасилованная студентка из четырех означает, что в американских колледжах насилуют с той же частотой, что и в Конго, где насилие используется в качестве орудия войны»^[93]. Еще в одном исследовании, на которое опиралась журналистка в своем жутком материале, оказались

включены «пожилые мужчины, преподававшие в колледже», в возрасте *семидесяти* лет. На самом деле, они были старше двадцати шести лет, и никто из них не жил на территории кампуса. Но это не важно: отсутствие верной статистики стало теперь уже, скорее, девизом, чем фактом. И любой, кто будет спорить по этому поводу, вполне понятно скажет, что «он видел это в новостях».

В том же духе, что и статистические данные об «одной из четырех женщин», звучит распространенное ныне в американских медиа утверждение о том, что американские ветераны войн все чаще совершают самоубийства из-за стресса, который они получили в ходе двух крупных войн. Фраза «двадцать два человека в день» – означает, что двадцать два ветерана кончают жизнь самоубийством каждые двадцать четыре часа – стала мантрой как ветеранских организаций, так и разных антивоенных объединений. Множественные истории об «эпидемии» таких самоубийств стали появляться в электронных и печатных СМИ, начиная с 2013 года. Данные материалы сопровождались броскими заголовками и фотографиями молодых мужчин и женщин в военной форме, совершивших суицид. Подтекст данных историй был очевиден: продолжительная боевая служба заставляет американских солдат кончать жизнь самоубийством, а бездушному правительству на это наплевать.

Когда я впервые увидел данные статистики, то у меня возник интерес к тому, как проводятся данные исследования. Я каждый день сотрудничаю с военнослужащими, многие из которых участвовали в бою. Я также являюсь сертифицированным консультантом в сфере предотвращения случаев суицида, так как в молодости недолгое время занимался волонтерской работой. А когда у тебя есть хотя бы минимальный опыт в этой области, ты естественно переживаешь за людей. К тому же, работая с военнослужащими, я волновался за своих студентов и друзей; а как социолога меня также тревожила статистическая составляющая спора, которая вызывала большие сомнения.

К сожалению, медиа здесь были мне не помощником. На самом деле они являлись фундаментальной частью всей проблемы. Надо признать, что действительно в двадцать первом веке ветераны войн кончают жизнь самоубийством чаще, чем в прежние времена. Но при этом и все остальные люди стали убивать себя чаще по причинам, о которых эпидемиологи продолжают спорить, а ветераны войн – это часть целого. Еще больше запутывает ситуацию то, что в эти исследования включали всех людей любого возраста, кто когда-либо служил в армии в любых званиях, от военнослужащих запаса до участников продолжительных боевых действий.

Другими словами, молодой человек, только что вернувшийся домой из зоны боевых действий, и человек средних лет, который служил в рядах местной национальной гвардии лет тридцать назад, оба автоматически становились частью новой «эпидемии», если в какой-то момент своей жизни они совершали суицид.

Попавшее под шквал критики Министерство по делам ветеранов США – и без того не самое популярное учреждение в Америке – тщетно пыталось внести уточнение, что согласно масштабному исследованию, проведенному в 2012 году, случаи самоубийств среди ветеранов войн не стали чаще за период с 1999 года. *New York Times* сразу же отреагировала на это исследование статьей под заголовком «В США участились случаи самоубийств. Ветеранов войн в этом печальном списке меньше всех». Заголовок материала в *Washington Post* имел противоположный смысл: «Исследование, проведенное Ассоциацией ветеранов, говорит о том, что ветераны войн стали чаще кончать жизнь самоубийством». Что удивительно, оба материала были посвящены одному и тому же исследованию, и оба в строго фактическом смысле были верны.

Представители медиа или, по крайней мере, некоторых СМИ, взяли интервью у ученого, который подготовил это исследование, но его ответы не изменили сложившийся нарратив никаким образом. «Сейчас создается впечатление, что мы имеем дело с эпидемией самоубийств среди ветеранов войн. Не думаю, что это так, – сказал Роберт Боссарт, эпидемиолог, который проводил данное исследование. – В стране наблюдается общий рост числа самоубийств, а ветераны – часть целого»^[94]. В большинстве статей их авторы не обращают никакого внимания на эту цитату, а также не включают такие важные сравнительные ориентиры, как общий процент самоубийств в Америке или процент самоубийств среди мужчин одной возрастной категории. Кроме того, в них не сравниваются представители других профессий с военными, возможно, потому, что факт наличия довольно высокого процента самоубийств в других группах – например, у медиков – лишил бы материал значительной доли сенсационности.

Суть всей этой истории заключается в том, что люди, искренне озабоченные судьбами ветеранов войн, теперь уже знают гораздо меньше о том, что происходит с ними сегодня, читая подобные материалы.

Подобный непрофессионализм наблюдался также в массе сопутствующих статей, где говорилось о том, что в 2012 году количество смертей в результате суицида среди военнослужащих превысило боевые потери.

Главная мысль здесь, конечно же, заключалась в том, что в настоящее время американские солдаты сами для себя представляли бóльшую угрозу, чем враг. Довольно зловещая картина, если не считать маленького нюанса: реальные данные статистики полностью перечеркивают ее. Утверждение, что «случаи суицида превысили потери в бою», всегда будет верным *по определению*, если Вооруженные силы США мало задействованы в военных операциях.

Можно проделать этот статистический трюк с любым годом, когда не было активных боевых действий: сравнить количество случаев суицида среди военных и гибели в бою, скажем, в конце 1950-х годов. К чести журнала Time следует признать, что он опубликовал статью, в которой ситуация была оценена правильно даже в заголовке – «Случаи суицида военнослужащих превышают потери в бою – но только потому, что войны подходят к концу»^[95]. Но, опять же, это должно было быть очевидным любому, кто хоть на минуту задумался бы над происходящим. И примечателен тот факт, что журналу Time или каким-то другим изданиям вообще пришлось публиковать подобный материал.

Суть всей этой истории заключается в том, что люди, искренне озабоченные судьбами ветеранов войн, теперь уже знают гораздо меньше о том, что происходит с ними сегодня, читая подобные материалы. Но при этом они уверены, что знают, и дай бог сил тем экспертам в любой области, которые не воспримут всерьез эту публичную истерию или просто попытаются объяснить ситуацию более детально. Ветераны сходят с ума и убивают себя, и это факт. В конце концов, я прочитал об этом в газете.

Что нужно делать

В заключение возникает вопрос: способны ли журналисты в принципе быть экспертами в том, о чем они пишут. Если нет – как эксперты могут помочь им в этом? Я не смогу и не стану давать рекомендаций, разве только понадеюсь на то, что молодые журналисты хоть как-то постараются разобраться в истории вопроса, по которому они пишут. Это универсальный совет и единственный, который бы я дал другим профессионалам в плане того, как относиться к своей работе. Я говорю это, полностью осознавая тот факт, что ничто не заставит людей перестать выбирать только те источники, которое им нравятся, вне зависимости от того, насколько качественной информацией они располагают. Но у меня есть одно предостережение для экспертов и несколько для читателей.

Экспертам я бы посоветовал научиться говорить «нет». Самые большие ошибки я совершал, когда был молод и не мог удержаться, чтобы не

высказать свое мнение. В большинстве случаев я был прав, думая, что знаю больше, чем репортер или читатели. Но смысл не в этом: я также не раз оказывался в тех опасных или затруднительных ситуациях, которых мне следовало избегать. Справедливости ради следует сказать, что я обнаружил, что журналисты уважают и точно передают твои взгляды – всего несколько раз журналисты нарочно провоцировали меня или неверно цитировали – но они также с пониманием отнесутся к вашему принципиальному отказу выходить за пределы собственной компетенции. Определить, когда настанет этот момент, – ваша обязанность, не их.

Но потребители новостей тоже имеют некоторые важные обязанности. Уважаемые читатели, у меня будет четыре рекомендации для вас: будьте скромнее, используйте источники, представляющие разные точки зрения, будьте менее циничны и гораздо более разборчивы.

Будьте скромнее. А именно, по крайней мере, постарайтесь задуматься о том, что люди, готовящие какой-то материал, вне зависимости от их слабых сторон, знают больше по данной теме, чем вы. По крайней мере, постарайтесь помнить, что в большинстве случаев человек, подготовивший материал, посвятил больше времени этой теме, чем вы. Если вы станете подходить к любому материалу или источнику информации, будучи заранее уверенным в том, что знаете по этой теме не меньше других, то весь последующий процесс чтения новостей станет для вас пустой тратой времени.

Используйте источники, представляющие разные точки зрения. Разнообразьте свой рацион. Вы же не станете весь день есть одно и то же. А потому не используйте одни и те же источники медиа весь день. Когда я работал в области национальной политики, я всегда подписывался на полдюжины журналов разной политической направленности. Избегайте местечковости: пробуйте источники из разных стран, так как в них часто встречаются материалы или взгляды, о которых американцы даже не догадываются. И не говорите, что «у вас нет времени». Есть.

Будьте менее циничны – или не будьте *столь* циничны. Крайне редко бывает так, что кто-то сознательно намеревается обмануть вас. Да, у людей, которые пишут материалы, часто есть какая-то цель. И всегда найдется очередная Сабрина Эрдели. И да, журналисты, статьи которых вы читаете, или репортажи которых смотрите, могут неверно подать какие-то события и факты, зачастую демонстрируя удивительное отсутствие самокритики. Ни у кого из них нет монополии на истину, но и не все они лжецы. Они делают то, что могут, и так, как это понимают. И большинство из них были бы рады

знать, что вы держите руку на пульсе, читая другие источники новостей и информации.

Будьте более разборчивы. Если вы нашли в крупном новостном источнике что-то, что кажется вам ошибочным, не стоит искать какой-то альтернативный ненадежный источник. Веб-сайты, которые являются рупором политических движений или, еще хуже, стремятся угодить вкусам фанатиков или дураков, принесут больше вреда, чем пользы. Вместо этого задайте себе вопросы, прежде чем искать нужную информацию в медиа. Кто эти журналисты? Есть ли у них редакторы? Отвечает ли эта газета или журнал за свои репортажи или это часть политических игр? Можно ли проверить их утверждения и пробовали ли другие медиа подтвердить или опровергнуть их материалы?

Уважаемые читатели, у меня будет четыре рекомендации для вас: будьте скромнее, используйте источники, представляющие разные точки зрения, будьте менее циничны и гораздо более разборчивы.

Конспирологи и сторонники всяких шарлатанов от медицины никогда не поверят тому, что ставит под сомнение их взгляды. Но большинство из нас способны поступить разумнее. И помните: чтение и отслеживание новостей – это такое же умение, как любое другое, которым овладеваешь со временем. Лучший способ стать хорошим потребителем новостей – это быть его регулярным потребителем.

Я всегда был беспощадным критиком низкого уровня фундаментальных знаний среди американцев; того нарциссизма и предвзятости, который не дает им узнавать новое; той индустрии высшего образования, которая лишь закрепляет невежество, а не излечивает от него; тех медиа, которые считают, что их работа – развлекать; и тех журналистов, которые слишком ленивы или слишком неопытны, чтобы правильно подать свой материал. Я потрясал кулаками в адрес большинства тех групп, которые, на мой взгляд, несут главную ответственность за гибель экспертного знания и за подрыв традиционной системы знаний именно тогда, когда мы больше всего в них нуждаемся.

И только одну группу я пока обошел своим вниманием: это эксперты.

Что происходит, когда эксперты ошибаются, и кто должен нести ответственность за принятие решения о том, когда их следует слушать, а когда игнорировать? С этим вопросом мы разберемся в следующей главе.

Глава 6

Когда эксперты ошибаются

Даже если все держатся одного мнения, все могут ошибаться.

Бертран Рассел

Экспертов просят не беспокоиться

В 2002 году известный историк написал, что многочисленные истории о том, что в конце девятнадцатого века в Америке использовали таблички с надписью «Ирландцев просят не беспокоиться», это миф. Профессор Иллинойского университета Ричард Дженсен сказал, что рассказы о подобных табличках были вымыслом, «байками о преследовании народа», передававшимися из поколения в поколение ирландскими иммигрантами до тех пор, пока они не приобрели прочный статус городской легенды. Более десяти лет большинство историков не подвергали сомнению знания Дженсена в этом вопросе. Оппонентов же Дженсена считали – и Дженсен в том числе – ирландско-американскими лоялистами.

В опубликованном в 2015 году материале, который, казалось, воплощал в себе феномен гибели экспертного знания, восьмиклассница по имени Ребекка Фрайд утверждала, что Дженсен ошибался, и не в последнюю очередь потому, что она провела свое собственное расследование в Google. Девочка проявляла вежливость, но была настроена решительно: «Он уже несколько десятилетий занимался научной работой, когда я только родилась, и последнее, что мне хотелось бы, это проявить неуважение к нему и его работе», – сказала она позднее. Все это казалось лишь очередным эпизодом, когда развитый не по годам ребенок говорит опытному учителю – ни больше, ни меньше почетному профессору истории – что он не подготовился к уроку.

Как оказалось, она была права, а он ошибался. Такие таблички существовали, и это было не так сложно узнать. Долгие годы другие ученые оспаривали утверждения Дженсена, но они сражались с его работой в дебрях профессиональной историографии. А вне академических кругов версию Дженсена быстро приняли и раструбили о ней, представив всю историю, как случай надуманного недовольства ирландцев в Америке.

Но юная Ребекка поступила так, как поступил бы любой здравомыслящий человек: она начала просматривать электронный архив старых газет. Она обнаружила, как писали потом в Daily Beast, «несколько образцов табличек, затем десятки и больше. Она продолжала заходить в архивы тех газет,

которые находила. Потом она подумала, кто-то ведь должен был сделать это раньше, разве нет? Но как оказалось, ни Дженсен, ни кто-либо другой, очевидно, не стали утруждать себя проверкой фактов.

Дженсен впоследствии как мог, защищал себя, пытаясь опровергнуть работу школьницы: он утверждал, что он прав, но что ему следовало быть точнее в своих формулировках. Споры по поводу его работы, как отмечалось позднее в журнале *Smithsonian Magazine*, «возможно, еще не утихли в разделе комментариев» различных интернет-источников, но действия Фрайд доказывают, что «любой человек с пытливым умом и исследовательским чутьем способен разрушить статус-кво»^[96]. Что касается мисс Фрайд, то она перешла в старшие классы школы, имея первую свою публикацию в журнале *Journal of Social History*.

Восьмиклассница по имени Ребекка Фрайд утверждала, что Дженсен ошибался, и не в последнюю очередь потому, что она провела свое собственное расследование в Google.

В 1970-е годы американские диетологи сообщили правительству Соединенных Штатов, что яйца, как и многие другие продукты, могут быть смертельно опасны для здоровья. Вряд ли нашлось бы более простое применение закона минимума допущений (принцип Оккама), чем провести прямую дорогу от скотного двора до морга. В яйцах содержится много холестерина, холестерин забивает сосуды, закупоренные сосуды приводят к сердечным приступам, от которых люди умирают. Вывод был очевиден: американцам нужно исключить весь этот холестерин из своего рациона.

Так они и поступили. Но потом произошло нечто неожиданное: американцы начали набирать много лишнего веса и умирать от чего-то другого. Яйца, как оказалось, не были так уж вредны – или, по крайней мере, не так вредны, как другие продукты. В 2015 году правительство решило, что яйца вполне пригодны в пищу, и, возможно, даже полезны. Вот что написал обозреватель (и житель сельскохозяйственного штата Вермонт) Джефффри Норман:

«Множество тучных людей, набравших вес, считали, что они следуют одобренной правительством диете. Потребление яиц упало более чем на 30 процентов, когда правительство внесло их в «черный список». Людям нужно питаться, поэтому они заменили яйца другими продуктами. Теми, которые способствовали набору лишнего веса. Как оказалось, яйца, которых они не ели, не забивают сосуды, а потому не опасны. А вот те продукты, которые они употребляли в пищу вместо яиц, могли спровоцировать у них развитие диабета 2-го типа или чего-нибудь похуже»^[97].

Боязнь есть яйца возникла у людей после публикации целого ряда ошибочных исследований, часть которых относится к периоду чуть не полувековой давности. Люди, которые хотят избегать яиц в своем рационе, конечно же, могут это делать. Но сейчас существуют исследования, которые говорят о том, что отказ от завтрака – от чего давно предостерегали ученые – не такая плохая вещь, как принято было думать^[98].

В 1982 году один из лучших экспертов по Советскому Союзу, Северин Байалер, строго предупреждал читателей престижного журнала *Foreign Affairs* о том, что СССР намного сильнее, чем он казался на тот момент.

«Советский Союз ни сейчас, ни в ближайшее десятилетие не будет страдать от настоящего системного кризиса, так как располагает громадными неиспользованными резервами политической и социальной стабильности, способными выдержать любые трудности. Советская экономика, подобно экономике любой крупной страны, управляется образованными и опытными профессионалами и не придет к банкротству. Она может стать менее эффективной, может испытывать стагнацию, может даже находиться в полнейшем упадке в течение года-двух. Но она никогда не обрушится – так же, как и политическая система»^[99].

Год спустя Байалеру был вручен «грант для гениев»^[36] от Фонда Макартуров. Через два года после этого Коммунистическая партия Советского Союза – явно попав в тиски настоящего системного кризиса – выбрала своим новым лидером Михаила Горбачева. Менее чем через восемь лет после того, как Байалер столь строго поучал своих читателей, Союз Советских Социалистических Республик перестал существовать.

В последние месяцы перед крушением советского режима профессор Массачусетского технологического института Стивен Майер выступал перед Комитетом Сената США по международным отношениям. Американские политические лидеры, следящие за происходящим в СССР, были обеспокоены безопасностью тысяч советских ядерных ракет, нацеленных на Соединенные Штаты. Майер, один из ведущих экспертов того времени в области военного сотрудничества с Советским Союзом, просил всех успокоиться: Горбачев у них под контролем. «Намеки на военный переворот» в СССР, уверял он собравшихся сенаторов, были «чистым домыслом»^[100].

Майер выступил со своей речью 6 июня 1991 года. Девять недель спустя Горбачев был смещен со своего поста в результате военного переворота, осуществленного группой людей, включавшей министра обороны и главу грозного секретного ведомства, КГБ. С появлением танков на улицах

Москвы воцарился хаос. Впрочем, Майера это нисколько не смутило: спустя год после развала Советского Союза он оставил исследования, посвященные России и ядерному вооружению, и занялся вопросами биоразнообразия, представляя Департамент дикой природы и рыболовства штата Массачусетс в различных комитетах вплоть до своей безвременной кончины в 2006 году.

Байалер и Майер и подобные им вряд ли составляют меньшинство. Как отметил историк Ник Гвоздев несколько лет спустя, многие эксперты по Советскому Союзу подменяли «критический анализ реальных фактов» тем, во что они верили или хотели верить в отношении СССР. Два эксперта в области международных отношений отмечали, что все остальные тоже ошибались на этот счет. «Если оценивать по собственным профессиональным стандартам, то действия экспертов вызывали чувство досады», – писали профессора Ричард Нед Лебоу и Томас Риссе-Каппен в 1995 году. «Ни одна из принятых в международных отношениях теорий не признавала самой возможности происшедших впоследствии изменений»^[101]. «Забавно, – отмечает журналистка Салена Зито, – видеть, что эксперты не разбираются в той области, в которой они являются экспертами». А для обычных людей это не просто тревожный факт. Что могут сделать граждане, когда сталкиваются с ошибкой эксперта, и как они могут дальше доверять экспертному сообществу? С другой стороны, какую ответственность несут эксперты, когда совершают ошибки, и как они могут наладить отношения со своим клиентом и обществом?

Ошибки бывают разными

Существует несколько видов экспертных ошибок. Самые невинные и наиболее распространенные – те, которые мы, как правило, считаем типичными ошибками в той или иной отрасли знаний. Отдельные специалисты или даже целые профессиональные сообщества могут неправильно трактовать важные вопросы из-за какой-то ошибки или ограниченности нашего знания в данной области. Они наблюдают феномен или изучают проблему, предлагают теории и решения, а потом проверяют их. Иногда они оказываются правы, а иногда – нет. Данный процесс зачастую изобилует тупиковыми путями или неудавшимися экспериментами. Бывает так, что ошибок не замечают или даже нагромождают новые.

Именно так американцы восприняли влияние яиц на организм. Именно поэтому первая попытка США запустить искусственный спутник закончилась взрывом ракеты на стартовой площадке^[37]. И именно поэтому лучшие эксперты в области внешней политики десятилетиями полагали, что

процесс мирного объединения Германии маловероятен, а потом вынуждены были пересмотреть свои взгляды, когда праздничные фейерверки осветили небо свободного Берлина.

Ученые тоже учатся на своих ошибках. В 1945 году Соединенные Штаты изобрели ядерную бомбу, но понадобилось еще одно десятилетие ядерных испытаний, прежде чем ученые и исследователи во всем мире стали лучше понимать, что такое электромагнитный импульс, или ЭМИ, невидимый поражающий фактор взрыва, который наносит вред электрическим системам. Общество же осознало, что такое ЭМИ, когда Соединенные Штаты провели ядерное испытание в Тихом океане в 1962 году, в результате чего погасли уличные фонари и отключились телефоны в радиусе сотен миль от Гавайев – эффект, о котором ученые догадывались, но масштаб которого недооценили.

Отдельные специалисты или даже целые профессиональные сообщества могут неправильно трактовать важные вопросы из-за какой-то ошибки или ограниченности нашего знания в данной области.

Вряд ли кто-то, включая самих экспертов, может как-то справиться с подобными ошибками, потому что это не столько ошибки, сколько неотъемлемая часть науки. Дилетанты чувствуют себя некомфортно в случае какой-то двусмысленности и предпочитают однозначный ответ предупреждению, что такого ответа еще нет, и потому им придется действовать на свой страх и риск. Но наука – это процесс, а не вывод. Наука подвергает саму себя постоянной проверке при помощи набора четких правил, позволяющих заменить существующие теории только лучшими. Дилетантам не стоит ждать от экспертов постоянной правоты. Если бы они были способны на такую точность, им бы тогда вообще не требовалось бы заниматься исследованиями и ставить эксперименты. Если бы эксперты в области политики были ясновидцами или всеведущими, то правительства разных стран никогда бы не испытывали дефицита бюджета, а войны возникали бы лишь из-за подстрекательства безумцев.

Иногда ошибки экспертов приносят пользу, но к ним редко относятся так же, как к тем, которые стоили жизни или денег. Например, когда ученые изобрели оральные контрацептивы, они пытались найти способ помочь женщинам предотвратить нежелательную беременность. При этом они не собирались пытаться напрямую снижать риск развития рака яичников, однако, некоторые виды противозачаточных таблеток делают именно это, причем существенно. Для некоторых женщин оральные контрацептивы несут определенные риски; другим же те же самые таблетки могут продлить

жизнь. Конечно, если бы противозачаточные таблетки лишь *увеличивали* риск развития рака, мы бы сетовали еще на одну научную ошибку, но полвека назад этот положительный побочный эффект был так же неизвестен, как многие другие.

Точно так же ошибались эксперты, которые предсказывали всеобщую международную гонку ядерных вооружений в конце 1950-х годов. Но они ошибались, по крайней мере, частично, так как недооценивали эффективность своих собственных попыток ограничить распространение ядерного оружия. Президент Джон Ф. Кеннеди опасался, что к 1970-м годам в мире появится целых 25 ядерных держав. (К 2017 году лишь десять стран достигли этого статуса, включая Южную Африку, которая отказалась от своего арсенала^[102].) Предсказанный Кеннеди вариант развития событий, основанный на оценках лучших экспертов, был невозможен и даже необоснован; скорее, именно политический курс, рекомендованный теми же самыми экспертами, способствовал снижению фактического количества ядерных держав.

В конечном итоге эксперты не могут гарантировать желаемого исхода. Они не могут пообещать, что никогда не допустят ошибок, или что не станут жертвой тех же слабостей, которым подвержены все люди. Они могут обещать лишь то, что будут устанавливать правила и методы, которые уменьшают шанс возникновения таких ошибок, и совершать подобные ошибки гораздо реже, чем это делают обычные люди. Если мы согласны принять выгоды профессиональной работы, тогда мы должны быть готовы и к чему-то не вполне совершенному и, возможно, даже к определенной доле риска.

Другие виды экспертных ошибок способны вызывать гораздо большее беспокойство. Так, например, эксперты могут ошибаться, когда они пытаются применить свой опыт в другой области знаний. Но это не только ошибочная тактика, она также может вызвать бурю негодования у других профессионалов. В некоторых случаях незаконное «пересечение границ» очевидно, например, когда деятели искусства – несомненно, эксперты в своей области – смешивают искусство с жизнью и пытаются давать объяснения сложным проблемам.

В других случаях границы бывают менее четкими, и вопрос требует сравнительной экспертизы. Так, биолог не является врачом, но в общем и целом биолог, вероятно, сможет лучше разобраться в медицинских вопросах, чем обычный человек. И все же это не означает, что любой специалист в области медико-биологических наук всегда лучше

информирован в каком-то вопросе в этой сфере, чем любой другой. Любой усердный человек, который потратил время, чтобы ознакомиться, скажем, с проблемой диабета, может быть более осведомлённым в данной теме, чем ботаник. Профессионал, чьи экспертные знания глубоки, но узки, может быть не лучше любого другого информирован в тех вопросах, которые выходят за рамки его компетенции. Образование и дипломы в какой-то области не гарантируют экспертных знаний во *всех* областях.

Еще одна проблема возникает, когда эксперты остаются в рамках своей предметной области, но пытаются перейти от объяснений к прогнозам. И хоть акцент на прогнозировании нарушает базовое правило науки – задача которой, скорее, объяснить, чем спрогнозировать – общество, как клиент, требует гораздо больше прогнозов, чем объяснений. Хуже того, дилетанты, как правило, воспринимают неудачные прогнозы, как показатель бесполезности профессиональной компетенции.

В этом смысле эксперты сталкиваются с серьезной проблемой, потому что вне зависимости от того, сколько раз ученые будут подчеркивать, что их цель объяснять происходящее в мире, а не предугадывать отдельные события, дилетанты и политики будут ждать от них прогнозов. (И эксперты, даже когда понимают опасность этого пути, зачастую радостно подчиняются.) Это естественное, но неразрешимое напряжение между экспертами и их клиентами: большинство людей предпочло бы предвидеть проблемы и избежать их, вместо того чтобы слышать объяснения постфактум. Перспектива узнать диагноз, пусть даже приблизительный, всегда приветствуется больше, чем абсолютная точность при вскрытии.

И, наконец, есть откровенное жульничество и злоупотребление служебным положением. Это самая редкая, но наиболее опасная категория. В данном случае эксперты по каким-то своим причинам (как правило, это карьеристы, пытающиеся избежать ответственности за свои промахи) намеренно фальсифицируют результаты. Они надеются, что дилетанты не поймут, а коллеги не заметят или спишут мошенничество на искреннее заблуждение.

С подобной категорией легче всего разобраться, поэтому мы начнем с нее.

Еще одна проблема возникает, когда эксперты остаются в рамках своей предметной области, но пытаются перейти от объяснений к прогнозам.

Когда эксперт обманывает

Первые годы двадцать первого века выдались непростыми для ученых. Количество статей, опубликованных в научных журналах, а затем

отозванных, достигло рекордных пропорций. Подлог и должностные преступления стали почти рутиной.

Обману со стороны эксперта несложно дать определение, но его бывает сложно выявить. Очевидным должностным преступлением является фальсификация результатов исследователем, или ложь самозваного «эксперта» о наличии у него соответствующей квалификации, дипломов. (Ученые называют подобные действия, используя аббревиатуру «ФФП» – «фабрикация, фальсификация или плагиат».) Такого рода недобросовестность бывает сложно выявить, так как на это способен только другой эксперт. Обычные же люди не имеют специальной подготовки, позволяющей анализировать научные работы, так же как не имеют привычки внимательно рассматривать дипломы на стене на предмет их подлинности.

Иногда эксперты на самом деле вовсе не эксперты. Люди лгут относительно своей квалификации, и лгут беззастенчиво. Это своего рода высший пилотаж мошенничества, которым занимался «великий притворщик» Фрэнк Абигнейл в 1960-е годы (впоследствии о нем был снят фильм «Поймай меня, если сможешь»), прикидываясь, в том числе, пилотом и врачом. Более распространенный, но и более искусный вид обмана встречается, когда люди, которые на самом деле являются экспертами, дополняют свои дипломы или сертификаты фальшивыми учеными степенями или лживой саморекламой. Они могут утверждать, что являются членами профессиональных ассоциаций, или что участвовали в семинарах или симпозиумах, или что становились лауреатами или призерами, и сообщать тому подобные ложные сведения. Обычно таких людей разоблачают только тогда, когда что-то заставляет других тщательно изучить их данные.

Когда лгут настоящие эксперты, они ставят под удар не только свою профессию, но также благополучие своего клиента, то есть общества. Угроза профессиональной компетентности, таким образом, проявляется не только в последствиях их махинаций, но и в подрыве общественного доверия всякий раз, когда подобная недобросовестность вскрывается. Вот почему (помимо любых законных санкций, положенных за обман и мошенничество) профессиональные организации, научные учреждения, научно-исследовательские центры, журналы и университеты самые суровые свои наказания приберегают для случаев сознательного совершения должностных преступлений подобного рода.

Такие наказания, вопреки распространенному мнению, действительно существуют. Среди большинства американцев бытует миф, что невозможно уволить ученых и преподавателей университетов. Нельзя сказать, что это

абсолютно беспочвенное утверждение, потому что уволить штатного профессора действительно довольно сложно. И хотя у большинства профессоров в их контрактах есть пункт о «моральной нечистоплотности», социальные нормы двадцать первого века понизили эту планку до такой степени, что практически никакие действия профессора в его профессиональной или личной жизни не могут заставить руководство лишиться его должности. Очевидные примеры поведения, за которое грозит увольнение, такие как угроза физической расправы над студентом или явный отказ выходить на работу, все же могут спровоцировать увольнение, но все остальное в плане личного поведения, как правило, остается без внимания.

Однако в большинстве учебных заведений должностные преступления продолжают быть «красной линией». Академическая свобода гарантирует право высказывать непопулярные или нетрадиционные взгляды, но она не является лицензией на халатное отношение к своим исследованиям и тем более на преднамеренный обман. Так, например, когда руководство университета штата Колорадо уволило Уорда Черчилля – преподавателя, который сравнил жертв атак 11 сентября с нацистами – они уволили его не за проявленное бесчувствие, а за то, что его комментарии привлекли повышенное внимание к степени его «учености». Оказалось, что отдельные части его научной работы были плагиатом. Черчилль, естественно, настаивал на том, что он – жертва политической предубежденности. Он пытался обжаловать решение о своем увольнении, имея статус госслужащего, в различных судебных инстанциях, вплоть до Верховного Суда штата Колорадо, но проиграл.

Нет никаких сомнений в том, что личное дело Черчилля привлекло пристальное внимание только из-за его политических взглядов. И именно на этом основании Черчилль подавал судебный иск, настаивая на том, что его плагиат на самом деле заключался в нескольких добросовестных заблуждениях, которые обнаружились только тогда, когда он высказал свое, отличное от других, мнение. Но это уже само по себе вызывает тревогу: неужели нужно назвать людей, погибших в башнях-близнецах, «нацистами», как сделал Черчилль, чтобы кто-то повнимательнее присмотрелся к профессиональной деятельности профессора? Утверждения о том, что факт плагиаторства был обнаружен только потому, что профессор умудрился привлечь к себе внимание своими одиозными комментариями, вряд ли можно назвать защитой.

И все же невозможно обойти вниманием данный феномен: немалое количество опубликованных научных исследований, в лучшем случае сомнительны, а в худшем – фальсифицированы.

Случай с Черчиллем можно считать в какой-то степени уникальным, и не в последнюю очередь потому, что он вызвал общественный резонанс. Большинство эпизодов недобросовестного исполнения профессиональных обязанностей в академической среде остается незамеченными широкой публикой. Случай с исследованием гей-браков 2014 года, продемонстрировавшим масштабную фальсификацию данных, был исключением и привлек всеобщее внимание в основном из-за того, что его выводы могли иметь далеко идущие политические последствия. Большинство научных исследований далеко не так интересны, как то, в котором утверждается, что людей можно убедить отказаться от их гомофобных взглядов, а потому они не вызовут подобного резонанса.

Однако менее громкие случаи бывают не менее серьезны. В 2011 году было обнаружено, что ученый, доктор наук, получивший правительственный грант и работавший в Колумбийском университете, фальсифицировал результаты исследования в области цитологии, связанного с болезнью Альцгеймера. Ученый согласился не брать федеральных грантов в течение трех лет, но к тому времени, когда его действия вскрылись, на его статью уже ссылались другие ученые, причем как минимум 150 раз. В 2016 году в Испании отстранили от работы женщину-ученого, обвинив ее в подлоге, связанном с исследованием в области сердечно-сосудистых заболеваний.

В другом более драматичном эпизоде у доктора Эндрю Уэйкфилда из Великобритании, опубликовавшего спорное исследование, в котором проводились параллели между вакцинацией и аутизмом, отозвали медицинскую лицензию. Представители медицинских властей Англии заявили, что они забрали у него лицензию не потому, что он отстаивал спорный тезис, а потому, что нарушил множество базовых правил проведения научного исследования. Генеральный медицинский совет Великобритании обнаружил, что Уэйкфилд «осуществлял инвазивные исследования на детях, не имея необходимого одобрения комитета по этике, действовал вопреки клиническим интересам отдельного ребенка, не сообщил должным образом о наличии конфликта интересов в финансовой сфере и незаконно присваивал денежные фонды»^{103}.

Как и в случае с Уордом Черчиллем, сторонники Уэйкфилда настаивали на том, что он жертва «охоты на ведьм». Но подложные научные регалии – не то же самое, что должностное преступление. Так, например, Питер Дюсберг, один из главных ВИЧ-диссидентов, продолжает работать в Университете Беркли, несмотря на обвинения в должностном преступлении. В их отношении университет провел свое собственное расследование в 2010 г. и полностью оправдал профессора.

И все же невозможно обойти вниманием данный феномен: немалое количество опубликованных научных исследований, в лучшем случае сомнительны, а в худшем – фальсифицированы. И пусть это слабое утешение для дилетантов, но причина, почему мы вообще узнаем, что подобные нарушения происходят, в том, что сами ученые во всех областях признают это. Когда в 2005 году проводился опрос среди ученых, им был задан вопрос, применяли ли они лично сомнительные академические методы, и около 2 процентов опрошенных подтвердили факт фабрикации, фальсификации или «модификации» данных минимум однажды. А 14 процентов ученых утверждали, что они были свидетелями подобного поведения своих коллег. На вопрос о случаях серьезных нарушений, не ставших предметом прямых обвинений в фальсификации данных, треть респондентов признались, что они применяли менее очевидные, но нечистые методы работы, например, игнорируя те открытия, которые противоречили их собственным. Более 70 процентов опрошенных заявили, что наблюдали подобное поведение у своих коллег^[104].

По большей части такое халатное отношение к работе остается незамеченным широкой публикой, потому что ей это совсем неинтересно. В отличие от драматических историй о массовом жульничестве, представленных в таких известных фильмах, как «Эрин Брокович» или «Свой человек», большинство случаев отзыва статей в научных журналах связано с незначительными ошибками или неправильной подачей информации. Неприятности чаще происходят со статьями по естественным наукам, вероятно из-за того, что содержащиеся в них выводы легче проверить.

Действительно, ученые-естественники могли бы подчеркнуть, что сам по себе факт отзыва статьи говорит о профессиональной ответственности и контроле. У научных и медицинских журналов, наиболее авторитетных в своей области – например, у журнала *New England Journal of Medicine* – процент отзыва публикаций, как правило, выше. Но, правда, никто до конца не уверен, почему это так^[105]. Возможно, потому, что большее число специалистов проверяют результаты, и это обнадеживает. А, быть может, потому, что все больше людей действуют в обход правил, чтобы попасть в самые лучшие журналы, и тогда это довольно печальная ситуация. Кроме того, срабатывает эффект публикации материала в престижном журнале: чем больше у них читателей, тем больше вероятность, что кто-то попытается использовать данные исследования в своей собственной работе, распространяя, таким образом, и дальше неверные данные.

Эталоном любого научного исследования является возможность воспроизвести результаты или, по крайней мере, ход эксперимента. Вот почему ученые и исследователи указывают ссылки в сносках: не только в качестве гарантии против плагиата, но и для того, чтобы их коллеги могли воспроизвести их работу. Так они словно бы заново осуществляют данное исследование и приходят (или не приходят) к тем же выводам. Если ученые занимаются фальсификацией результатов, тогда их выводы будет трудно воспроизвести, что дискредитирует их исследования.

Однако подобного рода проверка предполагает, что для начала кому-то должно понадобится воспроизвести конкретное исследование. Обычная экспертная оценка не включает проведение повторных экспериментов; скорее, рецензенты читают статью, будучи заранее уверенными, что базовые стандарты исследования и все процедуры соблюдены. В первую очередь, они решают, важна ли данная тема, насколько качественны представленные сведения и подтверждает ли фактический материал сделанные выводы.

Конечно, для воспроизведения результатов исследования в таких точных науках, как химия или физика, требуется большая уверенность в достоверности фактов. Общественные науки, такие как социология и психология, опираются на исследования, связанные с личностью исследуемого человека и, таким образом, труднее воспроизводимы. По крайней мере, в естественных науках более четкие стандарты: если кто-то утверждает, что определенный вид пластика плавится при 100 градусах, тогда любой другой человек, имея образец такого же материала и горелку Бунзена, может проверить эти сведения. Когда сотню студентов-добровольцев просят поучаствовать в опросе или эксперименте, ситуация заметно осложняется. Результаты могут относиться, например, только к определенному времени или конкретному региону или быть искажены каким-то иным способом. В проекте исследования должны учитываться подобные моменты, но единственный способ проверить его – попытаться повторить эти эксперименты.

Это именно то, что должна была сделать команда исследователей в области психологии. Результаты данного исследования, по меньшей мере, удивили. Как сообщила в 2015 году газета New York Times, в ходе трудоемкой работы по воспроизведению сотни исследований, опубликованных в трех ведущих журналах по психологии, обнаружилось, что более половины добытых сведений не прошли повторной проверки.

«Анализ проводили психологи, изучающие данные научных исследований, многие из которых пожертвовали своим временем, чтобы перепроверить то,

что считали важной работой... Подтвержденные исследования являлись частью ключевых данных, с помощью которых психологи оценивали поведение человека, его взаимоотношения с другими людьми, уровень знаний и память. Терапевты и педагоги опираются на подобные данные при принятии решений. И тот факт, что так много исследований было поставлено под сомнение, может вызвать недоверие к научной базе данных работ»^[106].

Такой итог является поводом для беспокойства, но можно ли расценивать это, как подлог? Неприемлемого качества исследование и недобросовестно выполненная работа – разные вещи. В большинстве подобных случаев проблема не в том, что воспроизведение исследования дало иной результат, а в том, что сами исследования были изначально «невоспроизводимы». То есть их выводы, возможно, и полезны, но другие исследователи не смогут провести тех же самых экспериментов с участием людей снова и снова.

На самом деле, в психологии дело могло быть даже не в плохой организации научно-исследовательской работы. В дальнейшем еще одна группа ученых внимательно проверила саму попытку воспроизведения результатов – в конце концов, именно так работает наука – и пришла к выводу, что она была, по словам гарвардского ученого Гэри Кинга, «совершенно недобросовестной и даже безответственной». Кинг отметил, что, несмотря на то, что воспроизводимость исследования – «невероятно важный» вопрос, который должен волновать ученых, «неправда, что все социальные психологи высасывают свои работы из пальца»^[107]. Вся история вопроса, включая все встречные контраргументы, представлена в настоящее время на страницах журнала Science, где эксперты могут продолжать оценивать имеющиеся аргументы и подвергать их дальнейшему анализу.

Так значит в естественных науках чаще, чем в общественных, разоблачают своих недобросовестных коллег? Не совсем. Когда ученые, занимавшиеся исследованием рака, попытались воспроизвести работы своих коллег, они столкнулись с теми же проблемами, что психологи и все остальные. В 2016 году Дэниел Энгбер, журналист с сайта Slate.com, сообщил, что группа ученых, занимавшаяся биомедицинскими исследованиями, высказала предположение о наличии «кризиса воспроизводимости», очень похожего на то, что происходит у психологов. Он также отметил, что по некоторым оценкам «ровно половина всех результатов исследований основывается на шатких данных и вряд ли может быть воспроизведена в других лабораториях». Эти исследования в области рака не только не помогают найти способы лечения, они зачастую не могут предложить никакой полезной информации»^[108]. Препятствия для воспроизведения были практически те же самые, что и у представителей общественных наук:

небрежность, время проведения исследования, неспособность воспроизвести точные условия первых испытаний и пр.

И здесь мы переходим от обсуждения работы сфальсифицированной к обсуждению работы, которая была выполнена просто некачественно. Однако это слишком сложная проблема, чтобы обсуждать ее в данном формате. И все же «кризис воспроизводимости» в научном сообществе основан не только на массовых фальсификациях. Помимо разных временных и прочих трудностей идеального воспроизведения, наблюдается также плохой контроль над получением грантов, прессинг со стороны научных учреждений, требующих представлять опубликованные результаты исследований (какими бы тривиальными они ни были) и тенденция среди ученых забрасывать подальше свою статью или исследование, после того как они были опубликованы.

И все же «кризис воспроизводимости» в научном сообществе основан не только на массовых фальсификациях.

Исследования в области общественных и гуманитарных наук особенно трудно воспроизвести потому, что они основаны не на экспериментах, а, скорее, на толковании экспертами отдельных работ или событий. Образец литературной критики – вот что это напоминает. Критика, а не наука. И все же это экспертная оценка, требующая глубоких знаний предмета. Точно так же изучение Карибского кризиса – это нечто иное по сравнению с экспериментом в области естественных наук. Мы не можем повторить события октября 1962 года снова и снова, а потому автор, исследующий последствия данного кризиса, представляет экспертный анализ одного конкретного исторического случая. Подобное исследование может изобиловать ложными выводами, но оно является исходным материалом для дальнейшей дискуссии, а вовсе не примером профессиональной халатности.

И все равно в области общественных и гуманитарных наук происходили удивительные случаи откровенного подлога. В 2000 году историк из Университета Эмори, Майкл Беллисайлз, получил престижную премию Банкрофта Колумбийского университета в области истории за свою книгу «Вооруженная Америка» (“Arming America”). В ней он попытался развенчать идею о том, что отношение американцев к оружию берет свое начало в раннем колониальном опыте: по его мнению, оно сформировалось спустя почти сто лет. Данное исследование мгновенно вызвало споры, потому что его автор настаивал на том, что в колониальной Америке ношение оружия не было распространенным явлением.

Кроме того, исследование, которое могло остаться незамеченным, привлекло внимание из-за самого предмета обсуждения, когда сторонники контроля над огнестрельным оружием и их противники сразу же определились со своей позицией в данном вопросе. Но когда другие ученые попытались отыскать источники, на которых основывался Беллисайдз, они пришли к выводу, что он либо неверно их использовал, либо придумал. Колумбийский университет отозвал у него премию Банкрофта. Университет Эмори провел свое собственное расследование, в ходе которого обнаружилось, что хоть некоторые ошибки Беллисайдза и можно было объяснить некомпетентностью, все равно возникали неизбежные вопросы о его репутации, как ученого. Вскоре после этого Беллисайдз покинул свой пост. Первый издатель отказался от продажи его книги, хотя впоследствии ее переиздало небольшое частное издательство.

В 2012 году писатель Дэвид Бартон опубликовал книгу, посвященную Томасу Джефферсону. Бартон не был профессиональным историком; публичную известность он приобрел в основном благодаря своему активному участию в евангелическом движении. (В 2005 году журнал Time назвал его одним из двадцати пяти самых влиятельных фигур в этой области.) Его книга снискала ему признание и покровительство ведущих консерваторов, включая претендентов на пост президента в 2012 году, Майка Хакаби и крупного политика Ньюта Гингрича, начинавшего свою карьеру как историк.

Как и в случае с исследованием Беллисайдза, работа Бартона вызвала живой интерес из-за ее политического подтекста, а также известности автора. Даже в названии автор не выбирал выражений: *«Вся ложь о Джефферсоне: Мифы, в которые вы верили»*. В книге Бартона указывалось на то, что современные историки не только опорочили его личную жизнь, но также обошли своим вниманием то, что многие его взгляды были созвучны современным консервативным убеждениям. Что касается идеи о том, что Джефферсон восхищался революционной Францией, и что впоследствии его ассоциировали с либерализмом (в противовес его давнему сопернику, консерватору Джону Адамсу), то это, по его мнению, было смелым утверждением.

Большинство профессиональных историков проигнорировали книгу, которую написал любитель, а выпустило религиозное издательство. Но книга в любом случае предназначалась не для ученых, а для тех, кто изначально проявлял к ней интерес. Бартон добился своей цели: книга *«Вся ложь о Джефферсоне»* быстро оказалась в списке бестселлеров New York Times.

Однако вопрос достоверности фактов вскоре был поставлен под сомнение, и вовсе не безбожными университетскими либералами, а двумя учеными из Гроув-Сити-Колледжа, маленькой христианской школы в Пенсильвании. Под более пристальным взглядом многие идеи Бартона рассыпались. Позднее читатели History News Network признали ее «книгой, заслуживающей наименьшего доверия». Но самым убийственным стало то, что сами издатели признали, что книга никуда не годится, и изъяли ее из обращения. Журналист из Atlantic, профессор права Гаррет Эппс в своей хлесткой рецензии отметил: «Большинство книг Бартона издается за его собственный счет, и потому их никогда не изымут из продажи. Но отповедь со стороны христианских ученых и христианского издательства это позорное клеймо, которое он вынужден будет носить до конца»^[109].

Во всех этих случаях факты мошенничества и подлога были вскрыты. Для обычного человека окончательные выводы в данном случае не имеют большого значения. И тем не менее возникает ключевой вопрос: можно ли вообще доверять исследованиям в любой области.

В какой-то степени этот вопрос неверный. Редко когда одно-единственное исследование способно решить судьбу целого направления. Среднестатистическому исследователю не обязательно полагаться на результаты какого-то конкретного проекта, скажем, в цитологии. Когда объединяют целую группу исследований с целью создать какое-то лекарство или метод лечения, то последующие исследования будут направлены на то, чтобы проверить его безопасность и эффективность. Можно сфальсифицировать одно исследование. Но когда происходит фальсификация сотен исследований, что приводит к неверным или опасным результатам, то это совсем другое дело.

Ни одно исследование в области публичной политики не предоставляет доказательств профессиональных полномочий эксперта. Даже когда специалист привлекает к себе внимание политического сообщества своей книгой или статьей, его или ее авторитет зависит не от научной воспроизводимости работы, а от идей, которые в ней представлены. В общественных науках, как и в точных науках, редко когда одно-единственное исследование способно повлиять на жизнь обычных граждан, если предварительно оно не прошло, по крайней мере, рецензирования экспертами.

Однако подлог оказывает свое существенное влияние в той или иной научной сфере, растрачивая впустую время и тормозя прогресс. Точно так же ошибка, закрашаясь в сложные дебри формул, способна застопорить

последующие вычисления; а подлог или небрежность могут задержать целый проект, пока кто-то не вычислит, кто напутал – или намеренно подтасовал факты. Когда подобные случаи становятся известны широкой публике, то, конечно, возникают законные вопросы о масштабе и последствиях недобросовестного выполнения служебных обязанностей, особенно если на исследование были выделены деньги из государственного бюджета.

Я думал, ты студент pre-med^[38]

Встречаются также другие причины ошибок экспертов, помимо намеренного подлога или чудовищной некомпетентности. Одна из самых распространенных ошибок, которые совершают эксперты, – это уверенность в том, что если они умнее большинства других людей в какой-то области, то они умнее всех остальных и в других вещах. Подобные специалисты расценивают свои экспертные знания, как лицензию, чтобы вершить суд над всем. (Опять же, в данном случае я не стану бросать камень первым.) Их образование и богатый опыт служит надежной гарантией того, что они знают, что делают почти в любой сфере деятельности.

Эти эксперты напоминают Эрика Стрэттона в классической комедии «Зверинец». Когда он встает на защиту своего непокорного братства колледжа на студенческом суде, его друзья спрашивают его, знает ли он, что делает. «Расслабьтесь, я будущий юрист (pre-law)», – заверяет он своих братьев. «А я думал, ты студент premed», – говорит один из них. «Какая разница?» – отвечает Стрэттон.

Такая чрезмерная уверенность заставляет экспертов не только выходить за границы сферы своей компетентности и делать заявления по темам, далеким от их профессионального опыта, но также необоснованно утверждать, что их компетенция более широка, чем это есть на самом деле. Эксперты и профессионалы, так же как люди в других областях деятельности, полагают, что их предыдущие успехи и достижения являются доказательством превосходных знаний, и стремятся раздвинуть границы своей компетентности, вместо того чтобы просто сказать те три слова, которые эксперты терпеть не могут произносить: «Я не знаю». Никто не хочет выглядеть неинформированным или быть пойманным на каком-то пробеле в знаниях. И обычные люди и эксперты иногда с уверенностью рассуждают о тех вещах, в которых они не разбираются, но эксперты, по идее, должны бы остерегаться так вести себя.

Нарушения в экспертном сообществе случаются по целому ряду причин, от невинных ошибок до проявления интеллектуального тщеславия. Иногда,

однако, мотивация бывает предельно проста – возможности, которые сулит слава. Деятели искусств являются здесь самыми злостными нарушителями. (И, да, в своей области, они эксперты. Актерскими школами руководят не инженеры-химики.) Их известность дает им быстрый доступ к любым дискуссиям и спорам, а также к настоящим экспертам и политикам, которые готовы сотрудничать с ними из-за вполне понятного желания ответить на звонок знаменитости.

Одна из самых распространенных ошибок, которые совершают эксперты – это уверенность в том, что если они умнее большинства других людей в какой-то области, то они умнее всех остальных и в других вещах.

Однако беседовать с известным человеком – не то же самое, что просвещать его. Это порождает дикие ситуации, когда эксперты в одной области – сфере развлечений – начинают в итоге подробно обсуждать важные вопросы в других областях. Такой диковинный феномен имеет в США относительно недавнюю историю. Но он появился задолго до того, как знаменитости принялись философствовать в Twitter или на своих собственных сайтах.

Так, например, в 1985 году конгрессмен из Калифорнии, Тони Коэльо, пригласил актрис Джейн Фонду, Сисси Спейсек и Джессику Лэнг выступить перед комитетом по сельскому хозяйству, представив свое мнение относительно проблем фермерства. А как насчет их подготовленности в этом вопросе? Актрисы сыграли жен фермеров в трех популярных фильмах десятилетия. Вся эта затея была, конечно же, эскападой. Когда его спросили, зачем он это сделал, демократ Коэльо позволил себе выпад в адрес президента от республиканцев Рональда Рейгана: «Возможно, они лучше разбираются в проблемах сельского хозяйства, чем актер, сидящий в Белом доме», – сказал он тогда^[110].

Однако это был не единичный случай. За долгие годы знаменитости не раз с головой уходили в споры о тех вещах, о которых они имеют слабое представление. Они рекламируют новомодные увлечения, объявляют ложную тревогу и меняют ежедневные привычки миллионов своих доверчивых поклонников.

Тимоти Колфилд, канадский эксперт в области здравоохранения, является одним из многих экспертов, имеющих большое количество подобных эпизодов в своем багаже. Он написал книгу, в которой раскритиковал нападки на традиционную систему знаний со стороны знаменитостей, и одной из них, в частности: *«Может ли Гвинет Пэлтроу ошибаться во всем? Когда сталкивается культура «звезд» и наука»*. (В 4 главе я с

большой неохотой обсудил некоторые рекомендации Гвинет в области женского здоровья.) Вот что сказал Колфилд в интервью в 2016 году:

«Если вы спросите любого, является ли Гвинет Пэлтроу надежным источником информации о риске развития рака груди, то большинство людей ответит вам «нет». А о том, что касается научного подхода к питанию? Большинство опрошенных будут настроены скептически. Но в силу того, что Гвинет обладает таким заметным культурным влиянием и создала свой собственный бренд, люди отождествляют себя с ней.

Кроме того, здесь срабатывает фактор доступности: знаменитости повсюду. И сам факт того, что они рядом, лишь усиливает их воздействие на окружающих. Так легко мысленно представить себе снимок Пэлтроу из журнала People, где она рассуждает о пользе продуктов без глютена, в противоположность тому, что говорят реальные факты. И это позволяет знаменитостям оказывать сильное влияние на наши жизни»^[111].

Что далеко не безвредно. Люди довольно неохотно соглашаются на вакцинацию своих детей из-за совета, который им дала актриса Дженни Маккарти, девушка журнала Playboy, которая говорит, что подробнейшим образом изучала этот вопрос в «университете Google». Люди больше смотрят на Пэлтроу и Маккарти, подвергаясь воздействию их безумных идей – или же терпеливо выслушивают их – чем гораздо менее привлекательного внешне онколога или эпидемиолога.

Надо сказать, что активизм – право, которым обладает каждый человек, являющийся членом открытого и демократического общества. Однако существует фундаментальная разница между гражданской активностью и злоупотреблением знаменитостями своей славой. Активизм обычных людей требует от них занять ту или иную позицию, представленную экспертами, и отстаивать выбранную политику. Но когда знаменитости заменяют суждение эксперта своим собственным, требуя, чтобы им доверяли просто по факту их популярности, они ничем не лучше микробиолога, оценивающего современное искусство, или экономиста, спорящего с фармакологом.

В отдельных случаях эксперты вступают на чужую территорию, потому что границы двух областей знаний могут тесно соприкасаться, и тогда подобные оценки будут вполне уместны. Это особенно характерно для тех экспертов, которые уже прославились в своей области знаний. По мере того, как общество развивается, идея о том, что гении способны освоить любую отрасль знаний, теряет свою актуальность: «Бенджамин Франклин, – написала однажды юморист Александра Петри, – был одним из последних

людей, к которому вы могли подойти и сказать: «Вы изобрели новую печь. Что, на ваш взгляд, нужно изменить в налоговой системе?» И услышали бы внятный ответ»^[112].

Получивший Нобелевскую премию химик Лайнус Полинг в 1970-х годах пришел к выводу, что витамин С был чудо-таблеткой. Он настойчиво рекомендовал принимать мегадозы этого витамина для профилактики обычной простуды и прочих недугов. Не существовало никаких реальных подтверждений правоты Полинга, но у него была Нобелевская премия в области химии, а потому его выводы о влиянии витаминов показались большинству людей достаточно убедительными.

На самом деле Полинг не смог применить научные стандарты своей собственной профессии в самом начале своей активной пропаганды витаминов. Он начал принимать витамин С в конце 1960-х годов по совету разрекламировавшего себя доктора Ирвина Стоуна, который сказал ему, что если тот будет принимать три тысячи миллиграммов витамина С в сутки – в пятьдесят раз больше рекомендованной суточной дозы – то он проживет на двадцать пять лет дольше. Единственными научными званиями «доктора» Стоуна были почетные награды от не имевших аккредитации школы заочного обучения и колледжа хиропрактики^[113].

Полинг хотел верить в эту идею и начал поедать витамины в больших количествах. И сразу же почувствовал чудодейственный эффект. Более беспристрастный наблюдатель мог заподозрить здесь «эффект плацебо» – когда фраза о том, что человек будет чувствовать себя лучше, приняв таблетку, заставляет его думать, что он чувствует себя лучше. Но очевидный вклад Полинга в науку заставил его коллег серьезно отнестись к его словам и проверить на себе пользу витамина С.

Ни одна из этих проверок не принесла ожидаемых результатов, но Полинг и слышать об этом не хотел. Как написал впоследствии д-р Пол Оффит, педиатр и специалист в области инфекционных болезней из Университета Пенсильвании, «несмотря на то что одно исследование за другим показывало, что он ошибался, Полинг отказывался верить этому, продолжая рекламировать витамин С в своих выступлениях, популярных статьях и книгах. Когда он время от времени появлялся на публике с очевидными симптомами простуды, то говорил, что страдает от аллергии».

На протяжении 1970-х годов Полинг повсеместно распространял свои идеи. Он настаивал на том, что витамины способны вылечить все, включая рак, сердечные болезни, проказу и психические расстройства, помимо прочих недугов. В более поздние годы он предложил даже использовать витамин

С для лечения СПИДа. Производители витаминов, естественно, были рады иметь Нобелевского лауреата в качестве своего святого покровителя. Вскоре витаминные добавки (включая «антиоксиданты» – термин, который стал в то время так же популярен, как сегодня словосочетания «без глутена» или «без ГМО») стали доходным бизнесом.

Но, как оказалось, большие дозы витаминов могут быть по-настоящему опасны, в том числе увеличивая риск развития некоторых видов рака и инсульта. Полинг в конечном итоге нанес вред не только своей собственной репутации, но также, вероятно, здоровью миллионов людей. Как сказал Оффит, «человек, который был так впечатляюще прав, что получил две Нобелевские премии, оказался в итоге так позорно неправ, что стал, бесспорно, самым большим в мире шарлатаном».

И даже сегодня есть люди, которые все еще верят, что лошадиные дозы витамина С способны отпугнуть болезнь, несмотря на то, что наука сделала все, чтобы, проверить и опровергнуть утверждения Полинга.

Сам Полинг умер от рака в возрасте девяноста трех лет. Получил ли он дополнительные двадцать пять лет, которые обещал ему «доктор» Стоун, мы никогда не узнаем.

Иногда эксперты пользуются своими званиями или конкретными достижениями, чтобы выйти за рамки своей компетенции с целью повлиять на важные публичные политические дебаты. Осенью 1983 года нью-йоркская радиостанция передавала программу, посвященную гонке ядерных вооружений. Начало 1980-х годов было напряженным периодом холодной войны, а 1983 год стал одним из самых тяжелых. Советский Союз сбил корейский пассажирский самолет; переговоры по ядерному оружию между Соединенными Штатами и СССР в Женеве не принесли желаемого результата. А телеканал ABC показал телефильм о возможной ядерной войне «На следующий день», и этот дебют стал невероятно успешным, получив высший рейтинг. Кроме того, следующий год должен был стать годом выборов.

Я был одним из самых внимательных радиослушателей: молодой студент магистратуры в Нью-Йорке, изучавший в то время политику Советского Союза и стремящийся сделать карьеру в области публичной политики. «Если Рональд Рейган будет переизбран на второй срок, – говорил кто-то по радио с сильным австралийским акцентом, – ядерная война неизбежна». Заявление о том, что ядерной войны не избежать привлекло мое внимание, в особенности потому, что не было никаких серьезных предпосылок к тому,

что Рейган не сможет переизбраться в 1984 году. Кто был тот человек, выразившийся столь категорично, что всех нас ждет Армагеддон?

Не существовало никаких реальных подтверждений правоты Полинга, но у него была Нобелевская премия в области химии, а потому его выводы о влиянии витаминов показались большинству людей достаточно убедительными.

Выступавшей была женщина, д-р Хелен Калдикотт. Она не была профессором физики или экспертом в области внешней политики, а всего лишь педиатром из Австралии. Ее тревога в связи с ядерным оружием, как она сама призналась, возникла после прочтения постапокалиптического романа Невила Шюта «На последнем берегу»^[39], написанного в 1956 году (действие романа происходило в ее родной стране). Как она позднее выразилась, она не видела смысла в том, чтобы лечить детей, когда весь мир может в один миг превратиться в пепел. Спустя короткое время она стала заметным участником дебатов по вопросам контроля над вооружением и ядерной политики, несмотря на полное отсутствие у нее соответствующего образования и опыта.

Калдикотт было свойственно делать решительные заявления в том, что касалось чисто технических деталей. Она могла уверенно рассуждать о таких вещах, как устойчивость пусковой шахты ракеты, меры защиты гражданского населения и внутренний механизм работы аппарата советского внешнеполитического ведомства. Она прожила в Соединенных Штатах почти десятилетие и стала в этот период регулярно появляться в СМИ, представляя антиядерное активистское движение.

Максимальной степени своего влияния она достигла, когда в 1985 году опубликовала свою книгу «Ракетная ревность» (Missile Envy), переполненную медицинской терминологией, словно она пыталась поставить «диагноз» гонке вооружений. (Среди глав книги есть такие, например, как «Этиология», «Медосмотр», «Анализ клинического случая» и пр.) Название же книги изначально портит все впечатление: педиатр обнаружила причины для начала холодной войны в психологии пожилых советских и американских мужчин. Она отмечала, что американские женщины, имеющие право голосовать, «фактически ничего не могли с этим поделать». Калдикотт утверждала, что женщины, работающие в правительстве, как тогдашний британский премьер-министр Маргарет Тэтчер, «не могли в полной мере представлять то огромное большинство здравомыслящих мудрых женщин»^[114]. (Когда я услышал выступление Калдикотт по нью-йоркскому радио, она была еще более резкой: «Маргарет

Тэтчер, – заявляла доктор, – это не женщина».) В конце 1980-х Калдикотт вернулась в Австралию, чтобы участвовать там в местных выборах. Но она проиграла.

Экспертное сообщество изобилует подобными примерами. Самой известной фигурой, по крайней мере, если оценивать его влияние на мировую общественность, является профессор МІТ Ноам Хомский – человек, которого боготворят миллионы читателей по всему свету. По некоторым оценкам, он самый широко цитируемый из ныне живущих американских интеллектуалов. Хомский написал множество книг, посвященных внутренней и внешней политике. Однако его официальная должность в МІТ на самом деле – профессор лингвистики. Хомский считается первопроходцем и даже корифеем в своей области, но во внешней политике он не больший эксперт, чем, скажем, покойный Джордж Кеннан в вопросах языкознания. Тем не менее широкой публике он больше известен работами в области политики, чем в своей профессиональной сфере. За долгие годы я часто встречал студентов колледжей, которые были знакомы с трудами Хомского, но которые понятия не имели о том, что на самом деле он является профессором лингвистики.

Хомский, подобно Полингу и Калдикотт, прислушивался к потребностям общества. Обычные люди часто ощущают свою невыгодную позицию, оспаривая взгляды традиционной науки или доминирующие в обществе идеи. И они поддерживают тех откровенных в своих высказываниях личностей, чьи взгляды несут оттенок профессиональной уверенности. Вполне вероятно, что врачам следовало бы повнимательнее изучить роль витаминов в рационе человека. Нет никаких сомнений в том, что общество должно быть вовлечено в происходящий сейчас пересмотр роли ядерного оружия. Но ученая степень или опыт работы в педиатрии не делает их авторитетнее любого самоучки.

Публика удивительно толерантна к подобного рода профессиональным нарушениям, и это само по себе является парадоксом: в то время как одни непрофессионалы не уважают знаний настоящих экспертов, другие полагают, что экспертные знания и достижения настолько универсальны, что эксперты и интеллектуалы могут авторитетно высказывать свое мнение практически по любому вопросу. Те же самые люди, которые могут не доверять своему семейному терапевту в вопросах вакцинации, купят книгу о ядерном оружии, потому что ее автор имеет ученую степень.

К сожалению, когда экспертам задают вопросы, выходящие за рамки их компетенции, лишь немногие из них способны проявить скромность,

вспомнив о своей ответственности. Я тоже совершил подобную ошибку и в итоге сожалел о содеянном. С другой стороны, я спорил с людьми, которые настаивали на том, что я имею право высказаться по конкретной теме, когда я дал ясно понять, что у меня нет знаний в этой области. Это и вправду довольно странное чувство убеждать журналиста, а особенно студента, что, несмотря на их веру в меня, было бы безответственно с моей стороны отвечать на их вопрос хоть сколько-то уверенно. Довольно неудобное признание, но было бы неплохо, если бы профессора лингвистики, педиатры и многие другие тоже сделали его.

Я предсказываю!

В начале 1960-х годов шоумен, которого называли «удивительным Крисвеллом», был частым гостем телевизионных и радиошоу. Работа Крисвелла заключалась в том, чтобы делать эпатажные заявления, сопровождаемые эффектной фразой: «Я предсказываю!» Среди многочисленных его прогнозов было, в том числе, предупреждение о том, что к 1980 году Нью-Йорк уйдет под воду, в 1981 году штат Вермонт подвергнется ядерному удару, а в 1989 году Денвер будет разрушен в результате стихийного бедствия. Действия Крисвелла были чистой аффектацией, но публике это нравилось. Но вот чего Крисвелл не смог предсказать, так это того, что его собственная карьера к концу 1960-х сойдет на нет и закончится несколькими маленькими ролями в низкобюджетных фильмах сексуальной тематики, снятых его другом, Эдвардом Д. Вудом-младшим, удостоенным звания «самого худшего режиссера всех времен»^[115].

Прогнозы – проблема для экспертов. Это то, чего хочет публика, но в чем обычно не особо сильны эксперты. Потому что они и не должны быть в этом сильны: цель науки – объяснить, а не предсказывать. И все же прогнозы, как и вступление на чужую территорию, довольно привлекательны для экспертов.

Эксперты и обычные люди одинаково убеждены в том, что в силу того, что эксперты лучше других разбираются в каком-то предмете, у них больше опыта в том, что касается прогнозов. Если говорить об экспертах в области точных наук, то уверенность в их правоте сильнее, так как они пользуются экспериментальными методами для определения тех условий, при которых физический мир будет функционировать так, как они ожидают. Когда происходят непредсказуемые вещи, у ученых появляется новая отправная точка для исследования. Как сказал покойный писатель-фантаст (и профессор биохимии) Айзек Азимов, словами, которые подтолкнули

к величайшим научным прорывам, вероятно, были не «эврика!», а «вот это да! Как любопытно!»

Но некоторые эксперты с радостью берутся делать прогнозы и даже получают за это приличное вознаграждение. Так, например, социологи предлагают свои услуги кандидатам от политических партий и владельцам СМИ, в то время как маркетологи рекламируют новые услуги и продукты. История социологических опросов берет свое начало еще с 1936 года, когда журнал *The Literary Digest*^[40] предсказал, что Альф Лэндон победит Франклина Рузвельта (опираясь, преимущественно, на мнение своих собственных читателей). Сегодня изучение общественного мнения – это наука, со своими собственными экспертами и журналами. Отдельные социологи – это партийные активисты, корректирующие цифры под нужные результаты. Однако за плечами большинства из них опыт работы в области статистики и владение методами, которые позволяют им в целом делать довольно точные прогнозы.

Прогнозы – проблема для экспертов. Это то, чего хочет публика, но в чем обычно не особо сильны эксперты. Потому что они и не должны быть в этом сильны: цель науки – объяснить, а не предсказывать.

Но в тех случаях, когда авторы социологических опросов и рыночных исследований ошибаются в чем-то, случаются довольно серьезные проколы. Попытка корпорации *Coca-Cola* вывести на рынок *New Coke* в 1980-х годах обернулась такой катастрофой, что само название *New Coke* стало нарицательным. Если говорить о недавних событиях, то политологи и эксперты ошиблись в итогах выборов в первые годы двадцать первого века, включая результаты промежуточных голосований на выборах в Соединенных Штатах в 2014 году и на всеобщих выборах 2015 года в Великобритании.

На самом деле опрос, проведенный среди социологов в 2015 году, показал, что они были уверены в том, что их репутации подпорчены этой цепью просчетов. Кто-то из них чувствовал, что это результат предвзятости СМИ (для которых интереснее осветить провал, чем успех), а кто-то признавался, что технологические и демографические изменения делают точный прогноз результатов выборов намного более сложной задачей. «Неверные прогнозы гораздо интереснее сбывшихся», – сказала социолог Барбара Карвальо в интервью для сайта *FiveThirtyEight* (сайту, посвященному непосредственно опросам). Но в 2015 году специалист по опросам общественного мнения Мэтью Тауэри признался, что «очевидно, что за прошедшие три года произошло несколько серьезных катастроф»^[116].

Проблема в данном случае заключается не столько в прогнозировании результатов голосования – чья точность ограничена участием реальных людей – сколько в том, чего люди ожидают от этих прогнозов. Опросы общественного мнения не гарантия будущих результатов. На мнение людей может повлиять множество вещей, от непредсказуемых событий до рекламных акций. Как в почти любой экспертной области знаний, степень компетентности заключается в общей тенденции и в том, насколько тщательно эксперты изучают свои ошибки. Точно так же на каждую New Coke найдутся тысячи примеров успешного выпуска новой продукции и точных рекламных прогнозов. Но как это всегда бывает, людям свойственно помнить ошибки – особенно если им не понравились результаты – и игнорировать гораздо более многочисленные случаи успеха.

Люди слишком многого ждут от экспертных прогнозов, хотя некоторые эксперты готовы и дальше торговать своими способностями предсказывать события. На протяжении нескольких десятилетий профессор политологии Брюс Буэно де Мескита использовал «свой личный софт», чтобы делать прогнозы о событиях в мире как для широкой общественности, так и для частных клиентов. В числе клиентов его фирмы, просуществовавшей более тридцати лет, были и сотрудники ЦРУ. В исследовании, проведенном данным ведомством в 1993 году, было указано, что из сотен его прогнозов он «попадал в яблочко» в два раза чаще, чем их собственные аналитики.

Другие эксперты не могли проверить утверждения Буэно де Мескиты, так как его методы и модели защищены правом коммерческой собственности и не были широко представлены в виде опубликованных работ. Как отмечалось в досье New York Times в 2009 году:

«Несмотря на то что Буэно де Мескита опубликовал множество своих прогнозов в академических журналах, бóльшая их часть была сделана в условиях секретности для корпоративных или правительственных клиентов, а потому ни один независимый эксперт из академической среды не может проверить их достоверность. «Мы понятия не имеем, прав ли он в 9 случаях из 10 или в 9 из сотни или в 9 из тысячи», – говорит профессор из Гарварда Стивен Уолт.

Уолта также не впечатлило исследование ЦРУ, согласно которому Буэно де Мескита оказывался прав в 90 процентах случаев. «Сотрудник ЦРУ среднего звена говорит: «Это удобный инструмент», – замечает Уолт.

«Это совсем не то же самое, как когда-то Brent Scookroft^[41] говорил: «В администрации Буша мы не принимали ни одного решения, не проконсультировавшись с Буэно де Мескита»^[117].

Но, несмотря на то, что точность оценок Буэно де Мескита не проверишь, самое главное здесь то, что существует значительный спрос на его прогнозы. Организации, у которых многое поставлено на карту – жизнь, деньги или и то и другое – неизбежно прибегают к поискам информации, прежде чем рисковать. Эксперт, который утверждает, что он или она может заглянуть в будущее, всегда будет более востребован, чем тот, кто предлагает более ограниченную помощь.

Таким консультантам, как Буэно де Мескита, платят за то, чтобы они предсказывали ход событий, и клиенты вольны оценивать их работу. Но другие эксперты и интеллектуалы тоже дают прогнозы, и многочисленные промахи в их прогнозах существенно подорвали доверие общества к ученым и профессионалам. Когда люди, которые не предвидели развала Советского Союза – или обещавшие, что масштабная война с Ираком станет легкой победой – пробуют в очередной раз дать совет в том, что касается жизненно важных решений, то скептицизм публики вполне понятен.

Если мы отложим в сторону вопрос о том, *должны* ли эксперты делать прогнозы, мы все равно никуда не денемся от другой проблемы – они все-таки *делают* прогнозы, и их прогнозы зачастую поразительно плохи. В ставшем широко известным исследовании событий типа «черный лебедь» – непредвиденные моменты, которые способны изменить ход истории – Нассим Николас Талеб порицал «эпистемическую самонадеянность» самого процесса прогнозирования.

«Но мы ведем себя так, как будто можем предсказывать исторические события или, что еще хуже, способны изменить ход истории. Мы строим планы относительно дефицита бюджета социального обеспечения и цен на нефть сроком на 30 лет, не осознавая того, что не можем предсказать этого даже на следующее лето.

Наши совокупные ошибки в прогнозах политических и экономических событий настолько чудовищны, что каждый раз, когда я смотрю на шарлатанские отчеты, мне приходится щипать себя, чтобы убедиться, что это не сон»^[118].

Предупреждение Талеба о постоянстве неопределенности – важное замечание. Но его настаивание на бесполезности прогнозов непрактично. Человек никогда не сдастся и не откажется от любой возможности применить экспертные знания в качестве упреждающей защиты от потерь.

Вопрос не в том, следует ли экспертам заниматься прогнозированием. Они будут это делать. То общество, в котором они живут, и те лидеры, которые

им управляют, попросят их сделать это. Скорее, вопрос заключается в том, когда и как эксперты должны давать прогнозы, и что делать, когда они оказываются ошибочными.

В 2005 году ученый Филип Тетлок собрал информацию об экспертных прогнозах в области социологии и обнаружил то, что подозревали многие: «Когда мы сравниваем экспертов с дилетантами, с обезьянами, делающими прогнозы с помощью дартс, или алгоритмами экстраполяции, мы находим мало доказательств того, что экспертные знания означают бóльшую способность делать хорошо выверенные или проницательные прогнозы»^[119]. Эксперты, похоже, ничем не лучше в предсказании будущего, чем колесо рулетки. Первоначальные находки Тетлока подтвердили подозрение многих обычных людей, что эксперты на самом деле не знают, что они делают.

Но подобная реакция на работу Тетлока была классическим случаем непонимания обычными людьми сути экспертного знания. Как отмечал сам Тетлок, «крайне настроенные скептики приветствуют эти результаты, но они приходят в замешательство, когда мы начинаем находить последовательные модели в том, кто что понял правильно. Крайний скептицизм говорит нам не ожидать ничего... Но данные исследования продемонстрировали больше последовательности в заявлениях прогнозистов, чем можно было списать на чистую случайность»^[120].

Тетлок на самом деле сравнивал экспертов не со всеми остальными людьми, а лишь с базовыми целевыми ориентирами, в особенности с предсказаниями других экспертов. Вопрос заключался не в том, были ли эксперты так же плохи в прогнозировании, как все прочие. А в том, почему *отдельные* эксперты предсказывают лучше *других*. И это вопрос совсем иного рода. Или, как Джеймс Суroveцки (автор фразы «мудрость толп») заметил, что важность «когнитивного разнообразия» – когда множество взглядов бывает лучше одного – вовсе *не* означает, что если «вы соберете группу разных, но абсолютно неинформированных людей, их коллективная мудрость будет ценнее мудрости эксперта»^[121].

На самом деле Тетлок обнаружил не то, что эксперты были ничем не лучше случайных предсказателей, а то, что отдельные эксперты лучше применяют свои знания к гипотетическим суждениям, чем их коллеги. Тетлок применил сравнение, которое использовал британский мыслитель Исая Берлин – между «ежами и лисами» – чтобы разграничить экспертов, чьи знания были широкими и всеохватными («лиса знает многие вещи»), от тех, чьи знания узки и глубоки («еж знает много, но об одном»). Исследование Тетлока это

одна из важнейших работ, посвященных способу мышления эксперта, и она заслуживает полного прочтения. Но в целом одну из самых интересных его находок можно кратко сформулировать так, что в сложном процессе перехода экспертов от объяснения к прогнозу, «лисы», как правило, превосходят «ежей» по многим причинам.

Так, например, «ежи» были склонны чрезмерно концентрироваться на обобщении своих специфических знаний применительно к тем ситуациям, которые находились вне сферы их компетенции. А у «лис» лучше получалось использовать новую информацию и менять свои взгляды, сталкиваясь с новыми или более качественными данными. «Самокритичность и умение взвешивать все «за» и «против», обнаружил Тетлок, «помогали им избегать чрезмерного азарта в прогнозировании, который демонстрировали «ежи», в особенности хорошо информированные»^[122].

Технические эксперты – само воплощение «ежей» – столкнулись с серьезными трудностями не только в плане прогнозирования, но также и в умении проанализировать информацию, не связанную с их профессиональной деятельностью. Люди с четко ограниченной областью знаний обладают малым количеством инструментов, не относящихся к сфере их специализации. А потому они инстинктивно берут то, что знают, и применяют это обобщенно к тому, что выходит за рамки их компетенции, и не важно, насколько хорошо подходят данные методы к исследуемому предмету^[123]. В результате получаются более уверенные прогнозы, но чаще всего они оказываются неверными, в основном потому, что ученые, как классические «ежи», сталкиваются с трудностями, получая и анализируя информацию, выходящую за рамки их очень узкой, но крайне сложной специализации.

В сложном процессе перехода экспертов от объяснения к прогнозу, «лисы», как правило, превосходят «ежей» по многим причинам.

Из всего этого можно извлечь несколько уроков – не только экспертам, но и обычным людям, которые оценивают – и даже оспаривают – прогнозы экспертов.

Самое главное, что ошибочные прогнозы не играют большой роли в плане оценки профессиональной компетентности. Эксперты обычно включают в свои прогнозы необходимые предостережения, так как мир полон непредвиденных случайностей, последствия которых учесть невозможно. Историю могут изменить зависящие от других факторов события, такие как сердечный приступ или ураган. Непрофессионалы обычно игнорируют эти

предупреждения, несмотря на их важность, так же как они игнорируют местный прогноз погоды, обещающий дождь с вероятностью 70 процентов. А когда случается солнечный день – с шансами три из десяти – они считают, что метеоролог ошибся.

Это не означает, что мы должны спускать экспертам – особенно экспертному сообществу – с рук их крупные просчеты. И хоть ни один эксперт по Советскому Союзу не смог в 1970-х годах предсказать развал СССР к 1991 году, консолидация экспертных позиций вокруг противоположной точки зрения – что крушение советского государства было практически невозможно – это крупная ошибка, которая должна была бы испортить репутацию этой области исследований. (К сожалению, дело обстоит в точности противоположным образом: на протяжении двадцати лет большинство экспертов по России избегали того, чтобы разбираться в причинах ошибок друг друга.)

Однако ошибочные прогнозы не лишают экспертов автоматически права знать больше дилетантов. Непрофессионалам не следует тут же делать вывод, что ошибка экспертов означает, что все мнения одинаково ценны (или в равной степени бесполезны.) Социолог Нейт Сильвер, который заработал себе авторитет благодаря удивительно точному прогнозу исхода президентских выборов 2008 и 2012 годов, впоследствии признался, что его прогнозы относительно кандидата от республиканцев Дональда Трампа в 2016 году были основаны на неточных суждениях^[124]. Но понимание Сильвером тонкостей предвыборной борьбы бесспорно, даже несмотря на то, что феномен Трампа удивил его и остальных экспертов. Как написал колумнист Ноах Ротман, «Трамп продемонстрировал то, что все те многочисленные правила, которые годами изучали профессиональные политологи, не сработали в этот год. Но фраза «все, что мы знали о политике, было ошибочным» не означает «мы ничего не знаем о политике»^[125].

Призывать экспертов к ответу за то, что они дали худшие прогнозы по сравнению с другими экспертами – это совсем другое дело. Но формулировать предлагаемые экспертам вопросы так, что они допускают в качестве ответа только «да» или «нет», а потом отмечать, что обычные люди оказываются правы так же часто, как эксперты, это означает глубоко заблуждаться относительно роли экспертного знания в обществе. В действительности, задавать экспертам вопросы, не требующие развернутого ответа, означает дать им возможность уйти от ответственности за ошибки. Есть старый анекдот о британском государственном чиновнике, который ушел на пенсию, проработав в Министерстве иностранных дел несколько десятилетий. «Каждое утро, – рассказывал опытный

дипломатический работник, – я шел к премьер-министру и уверял его в том, что мировой войны сегодня не будет. И мне приятно отметить, что за 40 лет своей карьеры я ошибся лишь дважды». Если судить чисто по количеству попаданий в цель и количеству промахов, то у старика очень приличный послужной список.

Цель совета или прогноза эксперта не угадать, какой стороной выпадет монета, а помочь принять решения, спрогнозировав возможный ход развития событий. Задать в 1980 году вопрос, прекратит ли существование Советский Союз до 2000 года, означало бы интересоваться простым прогнозом типа «да/нет». Спросить примерно в это же время, каким образом лучше всего обеспечить мирный распад СССР и повлиять на вероятность такого исхода (вернее, снизить вероятность всех прочих исходов) – совсем другое дело.

Учитывая мой собственный прошлый опыт работы в области советологии, внимательный читатель может в этот момент задуматься о том, был ли я частью того сообщества экспертов, которые неверно оценили ход развития событий, или я просто кидаюсь бумажными шариками с задних рядов класса? Справедливый вопрос.

Я не ошибся в отношении развала Советского Союза – но только потому, что у меня изначально не было возможности ошибиться. Я окончил магистратуру в конце 1988 года, когда уже было ясно, что процесс распада СССР начался. Но прошло еще десять лет, прежде чем я сделал свой собственный вопиюще неверный прогноз касательно российской политики. Мне знакомы все опасности ошибочных прогнозов, потому что я сам сделал такой прогноз, за что и должен отвечать.

Фраза «все, что мы знали о политике, было ошибочным» не означает «мы ничего не знаем о политике».

В начале 2000 года я написал, что появление нового российского лидера, никому не известного чиновника Владимира Путина, может стать реальным шагом в сторону дальнейшей демократизации России. Конечно же, я сильно ошибался. Путин оказался диктатором и продолжает оставаться угрозой глобальному миру. Вопрос «почему» я ошибался, остается той темой, которая занимает мои мысли и втягивает в дискуссии с коллегами, особенно с теми, кто разделяет мои взгляды. Были ли мы одурачены Путиным в 2000 году? Или же были правы, сохраняя оптимизм: просто сам Путин изменился, а мы не заметили этого? А может быть, что-то произошло внутри Кремля, настолько незаметное для сторонних наблюдателей, что заставило

российского лидера встать на путь единовластия и международной агрессии?

Для обычного человека это не имеет особого значения – да и не должно иметь. Когда меня вынуждали высказать свою точку зрения по поводу политики Путина (как и большинство тех, кто занимался вопросами сотрудничества с Россией), я придерживался определенного мнения, не прикрываясь более деликатным, но менее интересным суждением, что еще слишком рано об этом говорить. Но, рассуждая о попытках разобраться в том, что происходит сегодня в России, можно ли считать, что моя катастрофичная ошибка в прогнозе, сделанная почти двадцать лет назад, сводит на нет мой анализ и оценки? Можно ли сказать, что я способен обсуждать мотивы поступков Путина не лучше, чем хорошо начитанный дилетант?

Я ошибался в оценке Путина, но факт остается фактом – обычному человеку будет не по зубам объяснить все сложности российской политики или даже освоить теоретические азы данного предмета. Вопрос, почему я и другие эксперты ошибались, важен не в последнюю очередь потому, что он заставляет нас пересмотреть наши убеждения и активно спорить, а также корректировать себя. Это обязанность любого экспертного сообщества. Огромное количество людей были пессимистично настроены в отношении Путина, но в какой-то мере это не более чем рефлексивная русофобия или попытка строить догадки, а обе эти вещи – ничемные советчики в политике. Не подкрепленное данными суждение, даже когда оно оказывается верным, зачастую бывает менее пригодным, по сравнению с обоснованной точкой зрения, даже если она ошибочна: ее можно проанализировать, изучить и скорректировать.

Восстановление отношений

И у экспертов, и у обычных людей есть определенные обязательства, когда дело касается экспертной ошибки. Профессионалы должны признавать свои ошибки, заявлять о них во всеуслышание и демонстрировать, какие шаги они предпринимают, чтобы исправить их. Обычные люди, со своей стороны, должны проявлять больше осторожности, обращаясь к экспертам с просьбой дать прогноз, а также должны учиться видеть разницу между обидным промахом и откровенным обманом.

В целом эксперты действительно изучают свои ошибки, но это скрытый от посторонних глаз процесс. Среднестатистический человек вряд ли станет читать медицинский журнал или изучать статистический анализ в статье по социологии. Честно говоря, я подозреваю, что большинство экспертов

и ученых, вероятно, предпочли бы, чтобы обычные люди этого и не делали, потому что они не поймут большую часть того, что читают, а их попытки следить за ходом профессиональных дискуссий наверняка приведут к еще большей путанице.

Вот где могли бы помочь публичные интеллектуалы, те люди, которые способны сократить разрыв между экспертами и непрофессионалами. Общество плохо функционирует, если единственными людьми, обсуждающими новые методы лечения, являются врачи, с трудом переводящие свои знания на обычный разговорный язык, или журналисты, не имеющие научного образования и не способные оценить сложных научных вопросов. Это оставляет широкое открытое поле – обычно в Интернете – для любителей, шарлатанов и конспирологов. О публичных интеллектуалах часто небрежно отзываются свои же собственные коллеги, называя их простыми «популяризаторами», и в этом обвинении есть доля истины. Мир, похоже, не нуждается в очередном Билле Нае^[42] («Ученом парне»), способном популярно рассказывать о глобальном изменении климата. Точно так же сообщество экспертов в области внешней политики не нуждается в еще одном бывшем чиновнике или сравнительно молодом отставном офицере, которые засоряют эфир своими глубокими мыслями просто потому, что сейчас появилось слишком много свободного времени и эфира. Но если разрыв между обществом и экспертами станет слишком большим, эксперты будут общаться только друг с другом, и широкую общественность в конечном итоге оттеснят от принятия решений, которые в будущем способны повлиять на их жизнь.

У граждан здесь, как ни странно, самая важная роль. Они должны больше узнавать не только о тех вопросах, которые волнуют их, но и о людях, которых они слушают. Тетлок как раз призывал к тому, чтобы внимательнее присматриваться к послужному списку знатоков и экспертов, заставляя их работать лучше, чтобы у них был «стимул повышать познавательную ценность своего продукта в конкурентной борьбе, а не просто сочувствовать коллегам, разделяющим их взгляды, и идти на поводу у них»^[126].

Однако процесс «очищения» научного сообщества от несостоятельных экспертов будет иметь значение только при условии, что люди станут обращать на это внимание. Если они останутся пассивными получателями информации с телеэкранов, или если они будут активно искать только ту информацию, которой хотят верить, ничто другое не будет иметь для них большого значения. Вместо этого обычные люди должны задать себе несколько важных вопросов, в том числе, как много они хотят знать по данной теме и действительно ли они готовы столкнуться с фактами, которые

поставят под сомнение их взгляды. Они должны лучше изучать источники информации и учитывать опыт экспертов, к которым они прислушиваются.

Если обычный человек действительно хочет верить в то, что витамин С способен вылечить рак, то даже эксперты с самым безупречным опытом в прогнозировании окажут на него меньшее влияние, чем сайт с фотографией таблетки. Если неинформированный гражданин и вправду верит, что вторжение на территорию чужой страны (или возведение стены на границе с ней) решит проблемы Америки, то даже груды аналитических экспертных отчетов не повлияют на его мнение. Обычным людям следует с большей ответственностью подходить к своим собственным знаниям или их отсутствию: не может быть оправданием заявление о том, что мир настолько сложен, и сейчас так много разнообразных источников информации, а потом сетовать на то, что политику делают безликие эксперты, которые пренебрегают мнением широкой публики.

Обществу также нужно относиться к суждениям экспертов с определенной долей скептицизма и одновременно смирения. Как написал в 1928 году в своем эссе философ Бертран Рассел, обычные люди должны оценивать высказывания экспертов, используя при этом и свою собственную логику.

«Скептицизм, который я отстаиваю, сводится всего лишь к следующему: (1) если эксперты согласны в чем-то, то противоположное мнение не может считаться надежным; (2) если эксперты не согласны друг с другом, человек, не являющийся экспертом, не может считать надежным ни одно из мнений; (3) если все эксперты считают, что для окончательного вывода недостаточно данных, обычный человек должен воздержаться от суждений».

Однако недостаточно знать лишь то, в чем согласны эксперты. Не менее важно принимать границы этого соглашения и не делать за экспертов лишних выводов.

Более того, обычные люди должны понимать, что эксперты – это не политики. Эксперты дают рекомендации главам государств, и их голоса имеют больше веса, чем голоса обычных людей. Но они не принимают окончательных решений. В демократическом обществе, даже в такой сложно организованной республике, как Соединенные Штаты, лишь немногие эксперты являются высокопоставленными политиками. Руководители, начиная с муниципалитетов и заканчивая Белым домом, имеют право решающего голоса во многих самых жизненно важных вопросах, от лекарств до политики устрашения. Если простые люди отказываются всерьез относиться к своему долгу как гражданина, и не стремятся узнать что-то новое касательно важных для себя вопросов, тогда

демократия трансформируется в технократию. И тогда господство экспертов, которого так боятся обычные люди, автоматически усилится.

Вот где могли бы помочь публичные интеллектуалы, те люди, которые способны сократить разрыв между экспертами и непрофессионалами.

Чтобы простые люди могли пользоваться советами экспертов и напоминать профессионалам о том, что те в действительности их слуги, а не хозяева, люди также должны признать свою собственную ограниченность в определенных вопросах. Демократия не может функционировать, когда каждый гражданин является экспертом. Если эксперты верят, что могут руководить обществом, игнорируя мнение избирателей, это проявление необузданного эго. С другой стороны, было бы невежественным нарциссизмом со стороны дилетантов верить в то, что они могут оставаться большой и просвещенной нацией, не прислушиваясь к голосам более образованных и опытных, чем они, людей.

Как найти этот баланс и, таким образом, смягчить все более серьезные столкновения экспертов и их клиентов, это тот вопрос, который мы обсудим в следующей, и теперь уже заключительной главе.

Заключение *Эксперты и демократия*

Народ, желающий сам управлять собой, должен вооружиться той силой, которую дает знание.

Джеймс Мэдисон

Я оставляю за собой право быть невежественным. Это западный стиль жизни.

«Шпион, пришедший с холода»^[43]

«Эксперты отвратительны»

Когда в 2016 году широко обсуждался выход Великобритании из Европейского союза, известный также как Brexit, сторонники выхода назвали экспертов – большинство из которых высказывалось против этой меры – врагами простого избирателя. Лидер движения в поддержку Brexit, Майкл Гоув, настаивал на том, что не так важны факты, как чувства британского избирателя. «Думаю, что людям в этой стране уже надоели эксперты», – фыркнул он.

А вот как отреагировал на это едкое замечание Гоува американский журналист и эксперт в области внешней политики Джеймс Трауб:

«Слово «эксперт» – это, конечно же, уничижительный термин для того, кто знает, о чем он или она говорит – как, я думаю, и для Гоува, который окончил Оксфорд и долгие годы работал министром в правительстве консерваторов.

На самом деле Гоув хотел сказать, что «людям следует предоставить свободу строить свои отрадные фантазии независимо от неприятных фактов»^[127].

Найджел Фараж, лидер националистической Партии независимости Соединенного Королевства (UKIP), предположил даже, что «эксперты» на самом деле берут взятки, работая на британское правительство, либо наняты самим Европейским союзом^[128]. В июле 2016 года на прошедшем в стране национальном референдуме большинство людей проголосовало за выход с перевесом почти в 52 процента голосов.

Нападки на экспертов были частью стратегии с целью нажать на политической безграмотности значительного количества британских избирателей и их инстинктивном недоверии к интеллектуальным элитам, которые в подавляющем большинстве были против Brexit. Спустя несколько дней – когда уже голоса были подсчитаны – сторонники Brexit признались, что многие из их заявлений были либо преувеличены, либо даже неверны. «Честно говоря, – заявил британский политик и сторонник выхода из Евросоюза Дэниел Хэннен в интервью британскому телеканалу, – если наши зрители думают, что они проголосовали, и теперь иммиграция из ЕС прекратится, то они будут разочарованы». Комментарии Хэннена спровоцировали негативную реакцию со стороны избирателей, которые, очевидно, считали, что именно за такую политику они и голосовали. «На самом деле некоторым людям невозможно угодить», – сказал Хэннен, а потом заявил, что он «в ближайший месяц не будет заходить в Twitter»^[129].

Реальный выход Великобритании из ЕС состоится только через несколько лет. Но вернемся в Америку. Антиинтеллектуализм и связанное с ним недоверие к экспертам сыграло самую непосредственную и ключевую роль в США в ходе президентской кампании 2016 года. Во время своего выступления в Висконсине в начале 2016 года кандидат от республиканцев Дональд Трамп разразился гневной речью в адрес экспертов. В предыдущих дебатах оппоненты Трампа часто демонстрировали, что он не способен был высказаться по основным вопросам политики государства, и теперь он наносил контрудар. «Они говорят: «О, у Трампа нет экспертов», – обращался он к собравшимся. «Знаете, я всегда хотел сказать это... Эксперты

отвратительны. Они говорят: «Дональду Трампу нужен советник по вопросам внешней политики»... Заранее предполагая, что у меня его нет. Разве это не ужасно?^[130]»

Глумясь над экспертами, Трамп обращается к давнему убеждению американцев, что эксперты и интеллектуалы не только распоряжаются жизнями простых людей, но к тому же делают это плохо. Популярность Трампа в 2016 году стала результатом множества факторов, часть которых можно отнести к чистой игре случая. Однако итоговая победа Трампа стала, бесспорно, одним из самых последних – и самых громких – сигналов, извещающих о неминуемой гибели экспертного знания.

Рассмотрим те способы, с помощью которых кампания в поддержку Трампа стала кампанией человека, в одиночку противостоящего традиционной системе знаний. Он был одним из первых сторонников теории, согласно которой Барак Обама родился за пределами США и не имел права занимать пост президента, требуя, чтобы тот подтвердил свое американское гражданство. В качестве источника новостей он называл National Enquirer^[44]. Трамп поддерживал активистов, выступающих против вакцинации. Он признавался, что черпает бóльшую часть информации по внешней политике из воскресных утренних телешоу. Он также высказал предположение, что член Верховного Суда Антонин Скалиа, умерший своей смертью в начале 2016 года, мог быть убит. А еще обвинил отца одного из своих оппонентов (Теда Круза) в том, что тот был участником убийства Джона Ф. Кеннеди, альтернативные версии которого не зря называют «главной теорией заговора всех времен».

Грубые ошибки, допущенные в предвыборных речах – профессиональный риск, грозящий всем будущим кандидатам. Так, например, бывший тогда еще сенатором Барак Обама утверждал, что посетил все пятьдесят семь штатов. Но невежество Трампа, продемонстрированное им в ходе его избирательной кампании, было намеренным и упорным. Он понятия не имел, как отвечать даже на самые элементарные вопросы о политике. И вместо того, чтобы смущаться своего незнания, ликовал. Когда ему задали вопрос о ядерной триаде, том обширном ядерном арсенале, который будет в его распоряжении в случае избрания его президентом Соединенных Штатов, Трамп сказал: «Нам следует быть крайне бдительными и осторожными, когда дело касается ядерного оружия. Ядерное оружие способно изменить всю игру». Когда его попросили уточнить, что он имел в виду, Трамп добавил: «Я думаю... я думаю, для меня ядерное оружие это всего лишь сила, а разрушение очень важно для меня».

И это нельзя определить, как неверные шаги. Когда позднее одного из представителей Трампа попросили разъяснить его комментарии, тот лишь отмахнулся, посчитав всю эту тему несущественной. Трамп, как заявила Катрина Пирсон в интервью Fox News был жестким, и это было главным. «Что хорошего в том, чтобы иметь надежную ядерную триаду, когда ты боишься ее применить?» – задавалась она вопросом. Гостем Пирсон был адвокат и политический комментатор Курт Шлихтер, полковник в отставке, чья военная специализация включала, в том числе, вопросы использования химического и ядерного оружия, и который к тому же был ультраконсерватором. Шлихтер был явно озадачен. «Цель ядерной триады – бояться даже мысли о том, чтобы применить ее», – сказал он категоричным тоном.

Однако Трамп пережил все это, стал кандидатом от республиканцев и выиграл выборы. Потому что в конечном итоге он смог достучаться до избирателей, убежденных, что знать о таких вещах, как американские ядерные силы сдерживания – удел болтающих чепуху умников.

Но что самое печальное, избирателей не только не волновали невежество или неправота Трампа, они, похоже, не могли распознать его невежества или ошибок. Психолог Дэвид Даннинг – который совместно со своим коллегой Джастином Крюгером открыл эффект Даннинга – Крюгера, состоящий в неспособности неинформированных или некомпетентных людей осознать своей собственной некомпетентности или отсутствия у них знаний, – верит, что именно описанный ими фактор действовал среди электората и, возможно, даже является ключевым для понимания необычной природы выборов 2016 года.

«Многие комментаторы указывали на сознательные промахи Трампа, как продукт якобы свойственного Трампу нарциссизма и эгоизма. Мое мнение, что все как раз наоборот. Неспособность заметить ошибки, каковы бы они ни были, приводит к неконтрольному росту потенциального нарциссизма и эгоизма.

Для избирателей отсутствие экспертных знаний было бы досадным моментом, но, возможно, не таким тревожным, если бы люди хоть немного осознавали, насколько далеки от идеала их знания об обществе и политике. Если бы они понимали это, то восполнили бы их. Но эффект Даннинга – Крюгера предполагает нечто иное. А именно, что некоторым избирателям, в особенности тем, кто сталкивается с серьезными проблемами в своей жизни, может понравиться часть того, что говорит Трамп, но у них нет

достаточных знаний, чтобы призвать его к ответу за те грубые оплошности, которые он совершает»^[131].

Другими словами, нельзя сказать, что сторонники Трампа прощают его, когда он выдаст какую-то откровенную глупость, скорее, говорит Даннинг, «они не осознают ее в качестве ошибки».

Неудивительно, что самую сильную поддержку Трампу в 2016 году оказали в основном люди с низким уровнем образования. «Я обожаю плохо образованных людей», – ликовал Трамп на митинге после победы в штате Невада, и эта любовь была явно взаимной^[132]. В Трампе те американцы, которые верят, что какие-то темные силы разрушают их жизни и что любые заметные интеллектуальные способности сами по себе подозрительны у главы государства, нашли своего защитника. Но где люди берут такие идеи, например, веру в то, что политическая элита и ее интеллектуальные союзники замышляют заговор против них?

Частично эти идеи появляются, когда они наблюдают за поведением политической элиты и их интеллектуальных союзников. Так, например, спустя месяц после того, как Трамп открыто объявил о бесполезности экспертов, один из ключевых советников президента Обамы по вопросам внешней политики подтвердил подозрения, провоцировавшие нападки на участие экспертов в национальной политике. Описывая давление администрации Обамы на Конгресс и американскую общественность, с целью заставить их принять сделку с Ираном по его ядерной программе, заместитель советника президента по вопросам национальной безопасности, Бен Роудс, сообщил в интервью журналу *New York Times Magazine*, что администрация знала, что придется «опять заниматься этой [бранное слово] риторикой».

Роудс дал интервью репортеру журнала Дэвиду Сэмюэльсу, чья собственная объективность (в вопросе об иранской сделке, а также в отношении некоторых людей, упомянутых в статье) была поставлена под сомнение, когда материал появился в печати^[133]. И все равно признания Роудса были поразительно откровенны: он с гордостью назвал тех аналитиков, экспертов и журналистов, которые, по его словам, тоже работали на эту сделку, следуя указаниям администрации президента.

Тайная дипломатия и кампании, призванные развернуть общественное мнение в нужную сторону – неотъемлемая часть истории любого демократического правительства, включая Соединенные Штаты.

«Мы породили эхо-камеру^[45]», – признался он, когда я попросил его объяснить стремительный напор свежееиспеченных экспертов, поддерживающих сделку. «Они говорили вещи, которые подкрепляли то, что мы велели им говорить».

«Когда я спросил, пугает ли его перспектива того, что подобную далеко идущую пиар-кампанию будет проводить другая администрация, он признался, что пугает. «Я бы сказал, что предпочел бы более сдержанные, разумные публичные дебаты, после которых члены Конгресса подумали бы и провели голосование, – сказал он, пожав плечами. – Но это невозможно»^[134].

Нет ничего необычного в том, что занимающие руководящие посты правительственные чиновники утверждают, что некоторые вопросы, особенно в сфере национальной безопасности, слишком важны и сложны, чтобы выносить их на обсуждение широкой публики. Тайная дипломатия и кампании, призванные развернуть общественное мнение в нужную сторону – неотъемлемая часть истории любого демократического правительства, включая Соединенные Штаты.

Однако Роудс говорил о другом, что гораздо опаснее для отношений экспертов и публичных политиков. По существу, он хвастался тем, что сделка с Ираном состоялась благодаря тому, что все свелось к обсуждениям внутри экспертного сообщества, а еще помогло то, что представители новых медиа, особенно молодые журналисты, которые теперь в основном освещают главные события в стране, оказались совершенно беспомощны. «Средний возраст репортера сейчас 27 лет, и весь их профессиональный опыт состоит в том, чтобы находиться там, где проходят политические кампании, – сказал Роудс. – Все поменялось самым кардинальным образом. Они в буквальном смысле не знают ничего».

Мысль Роудса ясна. Он не только убежден в том, что публика слишком глупа, чтобы понять суть сделки, что совсем не страшно, хотя Роудс не сделал ничего, чтобы сделать их умнее, но также считает, что все, включая членов Конгресса, слишком глупы, чтобы понять ее. По мнению Роудса, распространять дезинформацию в ходе дебатов было необходимым злом.

Трамп и Роудс разными способами использовали невежество публики в угоду своим собственным интересам. Они отличались только тактикой: Трамп искал поддержки в ходе избирательной кампании 2016 года, мобилизуя самых обозленных и невежественных представителей электората. А Роудс закулисно руководил сделкой с Ираном, вбросив в общество

вымышленный нарратив и полностью проигнорировав мнение электората, в то время как он и другие втайне поступали так, как считали нужным.

Обе эти ситуации неприемлемы. Сейчас слышится масса упреков в отношении той роли, которую играют эксперты в жизни американцев, и в этой книге рассмотрена большая их часть. Сами эксперты, так же, как и педагоги, журналисты, корпорации, работающие в индустрии развлечений – все они получили свою порцию горьких пилюль. Но в конечном итоге остается лишь одна группа людей, которые должны нести всю полноту ответственности за текущее положение дел, и только они способны изменить ситуацию: это граждане Соединенных Штатов Америки.

Компетентность и демократия: смертельный штопор

Эксперты и государственная власть всегда полагаются друг на друга, особенно в демократическом обществе. Технический и экономический прогресс, который обеспечивает благосостояние населения, требует разделения труда, что, в свою очередь, ведет к созданию профессий. Профессионализм побуждает экспертов действовать в интересах своих клиентов, но в то же время признавать границы своих полномочий и требовать, чтобы другие уважали эти границы. Это неотъемлемое условие обслуживания главного клиента – общества.

Диктаторские режимы требовали от экспертов того же, но действовали с помощью угроз и приказов. Вот почему диктатуры менее эффективны и менее продуктивны, чем демократии, несмотря на то, что многие американцы продолжают верить в мнимую действенность нацистской Германии и других подобных режимов^[135]. В демократическом обществе работа экспертов на благо общества – часть социального контракта. Граждане делегируют право принимать решения по множеству вопросов своим избранным представителям и экспертам, их советникам. А эксперты, в свою очередь, требуют, чтобы их услугам доверяли, и общество было бы достаточно информировано, чтобы делать взвешенные оценки.

Взаимоотношения экспертов и граждан, как почти любые взаимоотношения в условиях демократии, построены на доверии. Когда это доверие рушится, эксперты и простые люди становятся враждующими сторонами. И когда такое происходит, сама демократия может войти в штопор, который грозит немедленным переходом либо к власти толпы, либо к технократии. Оба режима авторитарны, и сегодня в Америке есть опасность возникновения и того и другого.

Вот почему крах отношений между экспертами и гражданами – это кризис самой демократии. Политическая и прочая безграмотность американского общества – основа всех этих проблем. Это та почва, в которой укоренились и разрослись все остальные кризисные явления. А выборы 2016 года стали самым свежим их доказательством. Как отметил журналист Дэниел Либит, эксперты в области публичной политики считают президентскую гонку 2016 года «все более деморализующим демонстрацией непроходимого невежества американского избирателя»^[136]. Однако признаки этого появились задолго до этих событий.

Как написала журналистка Сюзан Джейкоби в 2008 году, самым тревожным аспектом этой всеобщей тенденции к оболваниванию «является не отсутствие знаний, как таковое, а превозношение этого отсутствия знаний».

«Проблема не в том, что мы не знаем каких-то вещей (возьмем, например, тот факт, что один из пяти взрослых американцев, согласно данным национального научного фонда, считает, что Солнце вращается вокруг Земли.)

Эта тревожная цифра говорит о том, что часть американцев самодовольно решили, что им вообще не нужно знать подобные вещи... Такое губительное сочетание нерациональности и невежества наносит вред публичным дискуссиям в Америке, посвященным различным проблемам, от здоровья до налогообложения»^[137].

Даже если простым американцам никогда особо не нравились образованные люди или профессионалы, но до последнего времени они не пренебрегали столь активно отсутствием у них базовых знаний. Наверно, было бы слишком мягко назвать эти действия просто «нерациональными». Данный процесс – почти обратная эволюция, уводящая прочь от проверенных знаний, назад к народной мудрости и легендам, передававшимся из уст в уста – если не считать того, что все это сейчас передается со скоростью электронов.

Такое стремительное падение уровня грамотности и рост сознательного невежества являются частью порочного явления разъединения граждан и публичной политики. Люди мало знают, и их все меньше волнует то, как управляют их страной, или как в действительности функционируют их экономические, научные или политические структуры. И так как все эти процессы становятся, соответственно, все менее понятными, граждане чувствуют все большее разобщение. Перегруженные стрессом, они не хотят участвовать в жизни общества, заниматься самообразованием и находят себе иные занятия. Это, в свою очередь, делает их менее дееспособными членами

общества, и весь цикл повторяется и усиливается, в особенности, когда аппетиты публики легко удовлетворяются разнообразными продуктами индустрии развлечений.

Опьяненные гаджетами и устройствами, о которых прежде они и мечтать не могли, американцы (и представители других западных стран) стали почти как дети в своем нежелании узнавать что-то новое, чтобы улучшить свою жизнь или попытаться повлиять на политику. Происходит крушение гражданского общества, которое повлечет за собой череду других губительных последствий.

В отсутствие информированных граждан, обладающие большими знаниями административные и интеллектуальные элиты берут под свой контроль ежедневное управление государством и обществом. В отрывке, часто цитируемом западными консерваторами и особенно любимом американскими либертарианцами, австрийский экономист Ф.А. Хайек в 1960 году писал: «Самая большая опасность для свободы сегодня исходит от людей, наиболее востребованных и наиболее могущественных в современном правительстве, а именно, от эффективных экспертов-управленцев, озабоченных исключительно тем, что они считают общественным благом»^[138].

Даже самые большие мыслители-интеллектуалы Америки согласились бы с Хайеком. Чиновники и специалисты в области политики, работающие во многих сферах, оказывают огромное влияние на жизнь американцев. Но сегодня ситуация скорее пущена на самотек, чем подчиняется чьей-то тайной воле. Популизм лишь усиливает эту элитарность, потому что превозношение невежества не приведет к налаживанию общения, к отстаиванию прав граждан США за океаном и не обеспечит населению эффективных лекарств – все это сегодня пугающие задачи, решения которых требуют и ждут даже самые непросвещенные граждане. Имея дело с публикой, которая даже отдаленно не представляет, как работает большинство вещей, эксперты тоже замыкаются в себе, предпочитая общаться в основном друг с другом, а не с обычными людьми.

В отсутствие информированных граждан, обладающие большими знаниями административные и интеллектуальные элиты берут под свой контроль ежедневное управление государством и обществом.

Меж тем у американцев возникают все более нереальные ожидания в отношении того, что им может дать их политическая и экономическая система. Эта уверенность в том, что им все должны, является одной из причин, почему они постоянно недовольны «экспертами» и особенно

«элитой» – то слово, которое в современном американском языке может означать почти любого человека, получившего высшее образование и отказывающегося нянчиться с ошибочными убеждениями публики. Когда американцам говорят, что борьба с бедностью и терроризмом – гораздо более трудные задачи, чем кажется на первый взгляд, они удивленно закатывают глаза. Не способные оценить все те сложности, что их окружают, они предпочитают вообще ничего не оценивать, а потом глухо обвинять экспертов, политиков и чиновников за то, что те захватили контроль над их жизнями.

Те, кто знает, и те, кто решает

Это вскрывает еще одну проблему, повлекшую за собой тот штопор, в который попали демократия и компетентность: граждане не понимают или не хотят понимать разницу между экспертами и политиками на выборных должностях. Для большинства американцев все элиты сейчас это просто недифференцированная масса образованных, богатых и облеченных властью людей. И это очевидная глупость. Не все богатые люди обладают властью, и не все облеченные властью люди богаты. Интеллектуалы и эксперты в области политики редко бывают богаты *или* могущественны, поверьте мне.

Возможно, в чем-то Джордж Буш-старший и ошибался за время своего нахождения на президентском посту, но он был прав, когда напомнил американцам, что в тех случаях, когда администрация должна была предпринимать какие-то действия, он был тем, кто принимает решения. Эксперты могут лишь предлагать, а избранные лидеры распоряжаются. На самом деле политические эксперты и избранные лидеры – это почти всегда разные люди. И по-другому быть не может: законодателю просто не хватает времени – даже если он работает в мэрии или в правительстве маленького штата, – чтобы держать под контролем все вопросы современной политики. В отношении президента США это тем более верно. Вот почему политические лидеры привлекают экспертов – тех, кто знает, – чтобы те консультировали их.

Иногда такое партнерство между советниками и политиками терпит провал. Эксперты могут сделать ошибочные выводы и посоветовать политическим лидерам следовать курсу, который может привести к катастрофе. Критики роли профессиональных экспертов в этом случае указывают на такие национальные раны, как война во Вьетнаме. Но эти критики оценивают данные события с позиции сегодняшнего дня, и зачастую это звучит так, словно подобного болезненного выбора можно было избежать, посоветовавшись с рядовыми гражданами.

Такой призыв обратиться к знаниям и опыту простых людей, на самом деле, романтическая чушь. Эван Томас, журналист и биограф Ричарда Никсона, признавался, что «самые лучшие и самые умные» среди них эксперты, такие как Генри Киссинджер и такие «титаны», как министр обороны Роберт С. Макнамара, «были далеко не идеальны», и что на них «лежит вина за Вьетнам и за 58 000 погибших там американских солдат, не говоря уже о миллионах вьетнамцев»^[139]. Но, как указывает Томас, те же самые эксперты и элиты «укрепили мировой порядок, балансирующий на самом краю ядерной войны. Они расширили торговлю, углубили партнерские связи и гарантировали миллиардные суммы иностранной помощи».

Ни одно из этих достижений не имело бы такого успеха само по себе, но все вместе они помогли Соединенным Штатам и западным странам пережить период холодной войны и прийти к ее мирному завершению. В этой связи возникает еще более важный вопрос: а какую политику выбрали бы люди, не являющиеся экспертами, или популисты? Томас предлагает читателям «сравнить ошибки 1960-х годов с теми временами, когда Вашингтон строил свою внешнюю политику, стремясь достичь публичного консенсуса».

«В 1930-е годы Конгресс перекрыл свободную торговлю, чтобы защитить американскую промышленность, и прислушивался к мнению избирателей, которые хотели иметь меньшую по численности и по затратам армию без всяких союзников. Каков результат? Закон Смута – Хоули о таможенном тарифе^[46] внес свой вклад в наступление Великой депрессии, а ошибки Лиги Наций привели к расцвету фашизма и мировой войне».

Это вскрывает еще одну проблему, повлекшую за собой тот штопор, в который попали демократия и компетентность: граждане не понимают или не хотят понимать разницу между экспертами и политиками на выборных должностях.

Это доказывает одну важную вещь. Тогда, как и сейчас, американцы были склонны вспоминать о таких вопросах, как макроэкономика или внешняя политика, только когда что-то шло не так. Все остальное время они оставались в счастливом неведении, не задумываясь о политическом курсе или происходящих процессах и занимаясь каждый своими делами.

Тем не менее остается нерешенным вопрос о том, действительно ли Америка нуждается во всех этих экспертах, особенно когда советы дает такое большое количество людей, что, похоже, даже некого винить в случае, когда разразится катастрофа. В этой связи Эндрю Басевич^[47] призвал изгнать современный класс экспертов отовсюду, по крайней мере, из публичной политики:

«Политические интеллектуалы – яйцеголовые, осмеливающиеся указывать простым смертным, выставляющим свои кандидатуры на выборах, – это паразит на теле республиканского общества. Подобно сорнякам, они заполонили сегодняшний Вашингтон, где их присутствие подавляет здравый смысл и ставит на грань исчезновения простую способность воспринимать реальность.

Их безобидный внешний вид – хорошо одетые люди, выступающие перед членами Конгресса, произносящие речи и на телевидении или даже занимающие ключевые позиции в исполнительной власти – маскирует их откровенно губительное влияние. Но это все равно, что выпустить карпа^[48] в Великие озера»^[140].

Ирония здесь в том, что сам Басевич – преуспевающий журналист, бывший старший офицер и бывший профессор, который регулярно дает весьма специфичные рекомендации все той же группе простых смертных. И все же в его словах есть здоровое зерно: помимо пяти или шести сотен находящихся на виду высокопоставленных американских политических деятелей, за ними стоят тысячи экспертов, которые, может быть, не очень компетентны в своих областях.

Эксперты в данном случае не могут уклониться от своих обязанностей. Те, кто знают, не могут просто прятаться за спины выборных чиновников каждый раз, когда что-то идет не так, попросив общественность оставить их в покое, а вместо этого наказывать тех, кто принимает решения. Когда эксперты допускают промахи, политическим лидерам, которые доверяли их советам, действуя от лица общества, необходимо осудить их ошибки и решить, как именно их исправить.

Иногда способом решения подобных проблем является проверенное временем средство – авторитетная следственная комиссия и ее рекомендации. Иногда простым выходом бывает чье-то увольнение. Имея за плечами плодотворный опыт работы в качестве эксперта, Филипп Тетлок предлагает другие способы призвать экспертов к большей ответственности, не прибегая к разрушению отношений между экспертами и публикой. Существует множество разных вариантов, включая бóльшую открытость и конкуренцию, когда эксперты в любой области фиксируют свою работу, четко знают, как часто они были правы или ошибались, и стараются сделать так, чтобы их цензоры в журналах и университетах чаще призывали своих коллег к ответственности за ошибки. Будет ли это работать – это уже другой вопрос. И Тетлок осознает наличие многочисленных препятствий для подобного рода решений.

Но самое обескураживающее препятствие это банальная лень публики. Ни одна из этих попыток отследить и оценить экспертов не будет иметь большого значения, если обычные граждане не проявят хотя бы малейшего интереса к подобным вещам.

Тетлок указывает на то, что простые люди, к сожалению, чаще всего не заинтересованы в поиске экспертов с безупречным послужным списком: их в основном интересуют те эксперты, которых не нужно долго искать и которые уже разделяют их взгляды. Как правильно замечает Тетлок, этого недостаточно, чтобы стимулировать ответственность среди «поставщиков интеллектуальной продукции», если «потребители не мотивированы быть разборчивыми судьями тех или иных суждений». Эти потребители также будут менее заинтересованы в «беспристрастном поиске истины, чем в укреплении своих предрассудков». А когда это происходит, обычные люди воспринимают роль экспертного знания так, словно они «находятся на спортивной арене, а не в конференц-зале»^[141].

Самое обескураживающее препятствие это банальная лень публики. Ни одна из этих попыток отследить и оценить экспертов не будет иметь большого значения, если обычные граждане не проявят хотя бы малейшего интереса к подобным вещам.

Эксперты должны нести ответственность за все свои действия и за каждое сказанное слово. Каковы бы ни были причины – обширный список ученых званий, отсутствие интереса со стороны публики, неспособность поспевать за новой информацией в наш информационный век – они выполняли свои обязанности не так добросовестно, как обязывает их привилегированное положение в обществе. Они могут работать лучше, даже если эти усилия в целом останутся незамеченными.

Существуют меры, которые эксперты могут принять, чтобы повысить ответственность товарищей по цеху за их действия. Однако есть такие аспекты взаимоотношений экспертов с общественностью, которые они не способны контролировать. Непрофессионалам следует задуматься о том, почему они не всегда правильно понимают роль экспертных знаний в демократическом обществе. Среди множества неверных представлений широкой публики в отношении экспертов и политиков пять заслуживают отдельного рассмотрения.

Во-первых, эксперты – не кукловоды. Они не могут контролировать, когда политические лидеры прибегают к их советам. Даже при наличии самых тесных взаимоотношений между избранным политиком и экспертным советником нет полного единения взглядов. Будь это Никсон

и Киссинджер – или Обама и Роудс – ни один политический лидер не является просто инструментом для реализации идей экспертов.

Любой хорошо знающий свое дело эксперт имеет в своем багаже не одну историю поражений в политической игре. Много лет назад я был советником старшего сенатора, который относился ко мне, как к ближайшему доверенному лицу. И он же однажды выгнал меня из своего кабинета, осыпая проклятиями после того, как у нас возникли принципиальные разногласия в те напряженные дни, что предшествовали началу войны в Персидском заливе в 1991 году. Несмотря на то что между политическим лидером и экспертным советом обычно существует родство интересов и взглядов, у политика или избранного чиновника есть те обязательства и ответственность, которых никогда не чувствует эксперт, и конфликт в данном случае неизбежен.

Во-вторых, эксперты не могут контролировать то, как лидеры реализуют их рекомендации. Здесь экспертов поджидает проблема, которую можно условно назвать «обезьянья лапка». (Читатели, должно быть, помнят «Обезьянью лапку»^[49], знаменитый рассказ начала двадцатого века о волшебном талисмানে, исполнявшем желания, но страшной ценой: например, когда главный герой просит денег, он получает их в виде компенсации за гибель своего сына.) Эксперты могут рекомендовать политикам, что им следует делать, но те способны применить их советы так, как это изначально и не предполагалось. Так, например, экономист, которая также является специалистом в области охраны окружающей среды, может считать, что снижение налогов это хорошая идея. И обнаружить впоследствии, что ее советом действительно воспользовались: Конгресс решил снизить налоги на *бензин*.

В-третьих, ни один эксперт не контролирует весь процесс – от поиска идеи до ее окончательной реализации – тот факт, который зачастую обескураживает и разочаровывает публику. Вот почему анализ государственной политики – отдельное научное направление, особенно когда дело касается изучения таких крупных институтов, как правительства и бизнес-структуры. Допустим, что те, кто дает советы, и те, кто принимает решения, договорятся о том, чего они хотят. Но нижестоящие инстанции, подобно игрокам в «испорченный телефон», могут исказить выбранный ими курс и направить его в другом направлении, чтобы привести, в конце концов, к противоположному результату.

В-четвертых, эксперты не могут проконтролировать, насколько полно лидеры реализовали их советы. Эксперты могут предложить свои

рекомендации, но зачастую политические лидеры слышат лишь те их части, которые они хотят услышать, в частности, то, что будет популярно среди их избирателей. И тогда они призывают себе в помощь экспертов, чтобы те акцентировали внимание на том, что для них предпочтительно. Некоторые эксперты могут, например, ратовать за снижение налогов; другие же могут призывать тратить больше на свои «любимые» проекты, от системы государственной социальной поддержки до вопросов национальной безопасности. Обе позиции – урезание налогов и увеличение финансирования – могут иметь логическое обоснование, но обычно их нельзя принять одновременно. Однако эксперты не способны контролировать ситуацию, когда политики вдруг решают выбрать сразу все предложенные варианты, даже если они противоречат друг другу. (И тогда будет призвана очередная группа экспертов, чтобы помочь решить проблему «неожиданного» дефицита бюджета.)

Публика, к сожалению, ведет себя очень похоже. Когда специалисты в области питания убрали яйца из списка вредных продуктов, это не означает, что они рекомендовали людям заказывать в фаст-фуде каждое утро сэндвичи с яйцами в качестве здорового завтрака. Люди слышат то, что они хотят услышать, а потом перестают слушать. А когда неполная реализация рекомендаций эксперта дает плохие результаты, они начинают обвинять экспертов в некомпетентности, потому что каждому человеку нужно найти виноватого.

И, наконец, эксперты могут предложить лишь альтернативные варианты. Они не могут сказать, что *важнее*. Они способны описать проблему, но не могут решить за самих людей, что им следует делать с этой проблемой, даже когда оговорены все нюансы возможных действий.

Меняется ли климат планеты? Большинство экспертов полагают, что да, и знают, почему. Являются ли предложенные ими модели прогнозирования, рассчитанные на десятилетия и века, точными – это вполне логичная тема для дебатов. Но вот на какой вопрос эксперты не могут ответить, так это на вопрос о том, что *делать* в связи с изменениями климата. Может случиться так, что через пятьдесят лет Бостон, Шанхай или Лондон уйдут под воду, но также может быть, что избиратели – которые имеют право на ошибку, – предпочтут предоставить решение проблемы следующим поколениям, вместо того чтобы рисковать своей должностью или комфортом.

Эксперты могут сказать избирателям, что их ждет, но избиратели должны принять эти сведения и решить, что для них важнее и, соответственно, что они хотят предпринять. Я бы не хотел, чтобы Бостон стал заливом, но нельзя

винить экспертов, если люди игнорируют их советы, и это приводит к катастрофическим последствиям. Если Бостону уготована судьба Венеции, то пусть это станет результатом сознательного выбора, а не игры случая. Когда избиратели явно не желают понимать важных проблем из-за того, что они слишком сложны или запутаны, неудивительно, что эксперты отказываются общаться с ними, полагаясь на свое собственное мнение и отстаивая свои собственные решения.

Иногда эксперты дают плохие советы или совершают ошибки, но развитое общество и его правительство не способны обходиться без них, вне зависимости от того, во что верит большинство американцев. Игнорировать совет эксперта это просто непрактично, и не только из-за сложности самой политики, но и потому, что это означает освободить граждан от необходимости изучать те вопросы, от решения которых напрямую зависит их собственное благополучие. Более того, когда публика перестает видеть разницу между экспертами и политиками и просто хочет обвинять всех в тех результатах, которые ей не нравятся, то итоговым результатом будет не *лучшая политика*, а *бóльшая политизация экспертного знания*. Политики никогда не перестанут доверять экспертам. Но они будут все больше доверять тем экспертам, которые скажут им – и сердитым людям, стучащим им в двери – все то, что они хотят услышать.

Это самое худшее, что может произойти: и демократия, и экспертное знание перестают отвечать своему назначению, потому что ни демократически избранные лидеры, ни их советники-эксперты не хотят связываться с невежественным электоратом. И в этот момент экспертное знание перестает служить интересам общества, преследуя интересы только политической верхушки, уловившей настроения публики в конкретный момент. Современная Америка уже опасно близко подошла к такому итогу.

Республика, если вы понимаете, что это значит

Проблема ответственности и подконтрольности экспертов осложняется тем фактом, что большинство американцев, похоже, не понимают того, как устроено их собственное правительство. Соединенные Штаты – *республика*, а не *демократия*. Сейчас редко услышишь слово «республика», что говорит, в том числе, о том, до какой степени современные американцы путают демократию, как политическую философию, с республикой, как формой демократического правления. Говорят, что в 1787 году Бенджамин Франклина спросили, что может получиться из Филадельфийского конвента, результатом работы которого стала Конституция США. «Республика, – ответил Франклин, – если вы сможете ее сохранить». Сегодня гораздо

большая трудность – найти кого-то, кто знает, что такое в действительности республика.

Это принципиально важно, потому что обычные люди слишком легко забывают о том, что республиканская форма правления, при которой они живут, изначально не была предназначена для того, чтобы сложные вопросы решали народные массы. И, конечно же, она не была предназначена для правления маленькой группы технократов или экспертов. Скорее, она должна была стать инструментом, с помощью которого информированный электорат – *информированный* здесь ключевое слово – мог выбирать других людей, которые были бы их представителями и принимали решения от их имени.

Классическое американское мышление могло бы стать образцом мудрости Афин, но история государственного строя Соединенных Штатов пошла по другому пути. И за это американцы должны быть благодарны. Как подчеркивал в 2010 году писатель Малколм Грэдзуэлл, крупные объединения не проводят всеобщего голосования, принимая какие-то решения, и неважно при этом, насколько «демократично» это выглядит.

«Автомобильные компании, вполне понятно, используют целую сеть, чтобы организовать сотни своих поставщиков, но не для того, чтобы придумать дизайн машин. Никто не верит, что сформулировать четкую философию дизайна лучше всего с помощью разветвленной организационной системы, не имеющей лидера. В отсутствие централизованной структуры и четкой линии руководства, сетевые структуры сталкиваются с серьезными проблемами в достижении консенсуса и постановки целей. Они не способны мыслить стратегически; они обречены постоянно конфликтовать и ошибаться.

Как вы сделаете сложный выбор относительно тактики или стратегии или философии, когда у каждого человека равное право голоса?^[142]»

Это одна из многих трудностей, которые было призвано преодолеть республиканское правительство. Даже когда большинство людей знает, что они делают в своей предметной области, они не могут объединить все решения в согласованную публичную политику – примерно так же, как если бы они угадывали вес быка или стоимость акций. Республиканская форма правления позволяет маленькой группе людей собирать воедино зачастую неразрешимые требования публики.

Однако определить, чего действительно хочет публика, становится гораздо сложнее, когда электорат не компетентен ни в одном из рассматриваемых

вопросов. Простые люди жалуются на засилье экспертов и требуют более активного участия в решении сложных национальных вопросов. Но большинство из них лишь выражают свой гнев и высказывают эти требования, после того как отказались от своей важной роли в этом процессе: а именно, быть достаточно информированными и политически грамотными, чтобы выбрать тех представителей, которые будут действовать от их имени. По словам Ильи Сомина, «когда мы выбираем правительственных чиновников вслепую, они руководят не только теми, кто проголосовал за них, но и всем обществом. Когда мы получаем властные полномочия руководить другими, перед нами встает моральное обязательство делать это будучи, как минимум, хорошо осведомленными»^[143].

Говорят, что в 1787 году Бенджамин Франклин спросили, что может получиться из Филадельфийского конвента, результатом работы которого стала Конституция США. «Республика, – ответил Франклин, – если вы сможете ее сохранить».

Я не собираюсь здесь рассуждать об американской форме представительной демократии, особенно, учитывая тот факт, что еще сборник «Записки Федералиста»^[50] достать несложно. Но гибель экспертного знания и связанные с этим нападки на традиционную систему знаний коренным образом подрывают республиканскую форму правления. Хуже того, эти нападки – часть кампаний, проводимых теми, кто менее всего способен предложить взамен что-то иное. Наименее информированные среди нас люди – похоже, те, кто наиболее пренебрежительно относится к экспертам, и громче всех требует права голоса в тех вопросах, изучить которые они не потрудились.

Представьте себе, что люди меняют свою точку зрения, в зависимости от того, кто, на их взгляд, отстаивает данную позицию. Комик Джимми Киммел и здесь не упустил своего шанса: он останавливал людей на улице и спрашивал их, какой вариант проекта налоговой системы они выбирают – предложенный Хиллари Клинтон или Дональдом Трампом. Опрашиваемые, правда, не знали, что Киммел поменял планы местами. Как сообщила позднее газета Hill, ответы зависели от того, кого, как считали опрашиваемые, они поддерживали. «Конечно же, сторонники Клинтон, все как один были ошарашены, когда узнали, что поддерживали предложение ее главного соперника». Один мужчина, когда ему сказали, что он поддержал проект Трампа, а не Клинтон, решил идти ва-банк: «Ну, тогда я поддержу Дональда Трампа»^[144]. Как оказалось, выходки Киммела на самом деле продемонстрировали ту истину, которую давно знали специалисты по проведению опросов общественного мнения и эксперты в области политики:

избиратели зачастую больше заинтересованы в личностях кандидатов, чем в их идеях или политике. Директор по вопросам мониторинга общественного мнения интернет-издания Huffington Post, Ариэль Эдвардс-Леви, высказалась по этому поводу следующим образом:

«Американцы, независимо от их политических взглядов, не имеют твердого мнения по некоторым злободневным вопросам, особенно когда дело касается сложной или непонятной темы. Люди склонны ориентироваться на своих фаворитов: если политик, которого они поддерживают, выступает за этот закон, то они, вероятней всего, признают это хорошей идеей, и наоборот»^[145].

Когда Леви и ее коллеги провели более привычный опрос, они обнаружили то же самое. Республиканцы, резко расходящиеся с демократами в отношении вопросов здравоохранения, политики в отношении Ирана и прав меньшинств, возражали гораздо меньше, если считали, что те же самые взгляды разделяет Дональд Трамп. Демократы же действовали противоположно: они выказывали меньше поддержки политике своей собственной партии, если думали, что это позиция Трампа.

По крайней мере, налоговая система и здравоохранение – это реальные проблемы, в отношении которых люди занимают конкретные позиции. В 2015 году представители либеральной группы Public Policy Polling, занимающейся опросом общественного мнения, задали вопрос, как республиканцам, так и демократам, поддержали бы они бомбежку страны Аграба. Почти треть респондентов-республиканцев сказали, что они поддержали бы такую инициативу, и лишь 13 процентов были против. Остальные не знали, что ответить. Демократы были менее склонны применять военные действия: только 19 процентов демократов поддержали бомбежку, в то время как 36 процентов проголосовали решительно против.

В действительности государства Аграба не существует. Это выдуманная страна^[51] из мультфильма «Аладдин», выпущенного в прокат Студией Уолта Диснея в 1992 году. Либералы злорадствовали, что данный опрос продемонстрировал невежество и агрессивность республиканцев, консерваторы же указывали на то, что опрос лишь показал, что демократы инстинктивно выступают против любых военных действий, независимо от того, что им известно о ситуации. Но для экспертов вся ситуация в целом, отразившаяся в данном опросе, не была новостью: 43 процента республиканцев и 55 процентов демократов разделяли четкую, конкретную точку зрения по поводу нанесения бомбового удара по стране из мультфильма^[146].

Часть этих забав выглядит несправедливо по отношению к публике. Простые люди заняты своими каждодневными заботами, и у них нет времени гадать, не манипулируют ли ими социологи и не подшучивают ли комики вроде Киммела и ему подобных. В особенности это касается тех ситуаций, когда СМИ знакомят избирателей со «всеми сторонами» проблемы, даже не упоминая о том, чьи взгляды более авторитетные. Как отмечал психолог Дерек Колер:

«В своих действиях правительство частично руководствуется общественным мнением. На общественное мнение частично влияют суждения экспертов. Но общественное мнение может – и часто так и бывает – расходиться с мнением экспертов, и не только потому, что публика отказывается признавать полномочия экспертов, но и потому, что публике бывает сложно разобраться, к чему склоняется большинство экспертов»^[147].

Так, например, ток-шоу, где один ученый говорит, что генетически модифицированные организмы (ГМО) безвредны, а один из активистов отвечает ему, что они опасны, выглядит «сбалансированным». Но в действительности все до смехотворного искажено, потому что почти девять из десяти ученых считают ГМО безопасными для употребления. В какой-то момент этой перебранки публика просто переключается и возвращается к прежним, более простым источникам информации, даже если это мем в Facebook.

Однако это, конечно же, не оправдывает невежества и безучастности граждан – и в особенности чрезмерное фанатичное пристрастие людей к каким-то личностям или идеям, заставляющим их менять свое мнение по поводу политики, в зависимости от того, кто отстаивает эти идеи.

Если у публики нет понимания сути вопроса, и они станут голосовать, исходя из того, кто им *нравится*, а не чего они *хотят*, тогда вряд ли стоит возлагать основную вину на политиков и экспертов, их советников, за то, что те вводят народ в заблуждение. Как может функционировать республика, если люди, которые направили своих представителей решать вопросы войны и мира, не видят разницы между Агрой, Украиной или Сирией?

Другими словами, когда публика утверждает, что ее ввели в заблуждение или держали в неведении, экспертам и политикам не остается ничего другого, как только спросить: «А как вы это поняли?»

Когда обычные люди выказывают неуважение экспертам и заявляют, что они сыты по горло всем и всеми, они забывают о том, что людям, которых они выбрали, все равно нужно принимать решения, каждый день, по

нескончаемому потоку проблем. У этих чиновников нет возможности осыпать проклятиями экспертов и голосования, а потом вернуться к телевизорам, компьютерам и игровым устройствам. Они вынуждены брать на себя ответственность – иногда это ответственность за чужие жизни и всегда она связана с финансами – принимая решения по всем вопросам, от морского права до педиатрии. Эти решения и их реализация повлияют на жизнь всех граждан, информированных и не очень, активных и безучастных.

В настоящее время исчезновение доверия между элементами республики: гражданами, экспертами и избранными чиновниками, – наблюдается по всем направлениям. А публика особенно нуждается в том, чтобы уметь доверять политическим лидерам и их советникам. Но подобные отношения невозможно поддерживать, когда обычные люди не имеют понятия о том, что они говорят или чего хотят.

В действительности государства Аграба не существует. Это выдуманная страна из мультфильма «Аладдин», выпущенного в прокат Студией Уолта Диснея в 1992 году.

И когда это доверие рушится, невежество публики с помощью циничного манипулирования можно превратить в политическое орудие. Антиинтеллектуализм сам по себе это средство «замыкания» демократии, потому что стабильная демократия в любой культуре зависит от реального понимания народом значения любого своего выбора. Большинству простых людей, уже изначально подозрительно настроенных по отношению к образованным классам, достаточно лишь небольшого толчка, чтобы восстать против экспертов – даже когда подобные восстания цинично возглавляют другие интеллектуалы.

В 1942 году президент Франклин Д. Рузвельт попросил радиослушателей купить географические карты, чтобы они могли следить за его пояснениями относительно положения дел на фронтах Второй мировой войны. Карты в стране были мгновенно раскуплены. В 2006 году, шестьдесят пять лет спустя, национальное исследование показало, что почти половина американцев в возрасте от восемнадцати до двадцати четырех лет – то есть те, кому, вероятней всего, пришлось бы воевать в случае такой необходимости – не считали необходимым знать, где находятся страны, откуда приходят важные новости^[148]. Десятилетие спустя, в ходе избирательной кампании 2016 года, Дональд Трамп сорвал бурные аплодисменты, когда кратко сформулировал свой подход к решению проблемы террористов на Ближнем Востоке: «Я разбомблю их к чертовой

матери. Я взорву трубопроводы. Я взорву нефтеперерабатывающие предприятия. Я взорву каждый дюйм земли, так чтобы ничего не осталось».

Республика, если вы сможете ее сохранить. Или найти на карте.

А я не хуже тебя

И, наконец, наибольшую тревогу вызывает тот факт, что представители западных демократий, и американцы в частности, перестали понимать, что есть демократия. И это, возможно, больше, чем что-либо иное разрушило отношения экспертов и граждан. Отношения экспертов и граждан перестали быть «демократическими». Все люди не могут быть одинаково талантливыми или умными. Однако демократические общества всегда испытывают искушение самым досадным образом настаивать на равенстве всех, открывая тем самым дорогу агрессивному невежеству.

И это, как ни печально, текущее состояние современной Америки. Граждане уже не понимают, что демократия – это состояние политического равенства, когда каждый гражданин обладает одним голосом, и все граждане равны перед законом, никто не выше другого, и не ниже. Сейчас, похоже, американцы склонны воспринимать демократию, как состояние реального равенства во всем, при котором каждое мнение так же хорошо, как любое другое, причем практически по любому вопросу. Чувства гораздо важнее фактов: если люди *думают*, что вакцинация опасна, или если они *верят*, что половина американского бюджета направляется в качестве иностранной помощи, тогда было бы «недемократично» и «элитарно» оспаривать их мнение.

Эта проблема не нова и присуща не только Соединенным Штатам. Британский писатель Клайв Стейплз Льюис еще давно предупреждал об опасности для демократии той ситуации, когда люди перестают видеть разницу между политическим равенством и реальным равенством людей. Он говорит об этом в великолепном коротком рассказе, опубликованном в 1959 году, главный герой которого – один из самых известных литературных персонажей, весьма умный и злой бес Баламут^[52].

Так как Баламут занимает одну из ведущих должностей в бюрократии Ада, его приглашают произнести напутственную речь на выпускном банкете бесов-искусителей. В своей речи Баламут отодвигает в сторону то, что, по его мнению, является скучным занятием – искушать людей по отдельности – и вместо этого делает обзор в мировом масштабе. И хоть он не одобряет прогресса человечества (включая французскую и американскую революции, а также отмену рабства, помимо прочих моментов), все же он возлагает

большую надежду – для Ада, а не для людей – на использование понятия демократии и отходе от ее благородного предназначения.

«Ключевое слово тут «*демократия*... весьма отдаленно связанное с тем, что вы пытаетесь им всучить», – весело наставляет Баламут выпускников, а потом обещает им, что с помощью этого слова, как «простого заклинания», можно заставить людей поверить не только в откровенную ложь, но и подпитывать эту ложь, как желанное чувство:

«Как вы понимаете, я имею в виду чувство, которое рождает фразу: «А я не хуже тебя!»»

И, наконец, наибольшую тревогу вызывает тот факт, что представители западных демократий, и американцы в частности, перестали понимать, что есть демократия.

Произнося такую фразу, никто не верит ей. Если бы кто верил, он бы так не сказал. Сенбернар не скажет этого болонке, ученый – невежде, красавица – дурнушке. Если выйти за пределы политики, на равенство ссылаются только те, кто чувствуют, что они хуже. Фраза это именно и означает, что человек мучительно, нестерпимо ощущает свою неполноценность, но ее не признает.

Тем самым он злится. Да, его злит любое превосходство, и он отрицает его, отвергает»^[149].

Это было то же самое предупреждение, что дал Хосе Ортега-и-Гассет в своем произведении «Восстание масс», написанном в 1930 году: «Массы крушат все то, что отлично, индивидуально, специфично и исключительно. Любой, кто не такой, как все, кто думает не как все, рискует быть уничтоженным»^[150].

«А я не хуже тебя» – торжественно заключает Баламут в конце своей речи, «это удобное средство для разрушения демократических обществ».

И так оно и есть. Когда возмущенные люди требуют, чтобы все показатели достижений, включая экспертные знания, были сведены к одному знаменателю и уравнены во имя «демократии» и «справедливости», пропадает всякая надежда и на демократию, и на справедливость. Все становится делом вкуса, и все точки зрения низводятся до самого низкого общего знаменателя ради идеи всеобщего равенства. Вспышка коклюша, случившаяся из-за того, что какой-то невежда не захотел делать прививку своему ребенку, является свидетельством толерантности. А крушение

альянса с другими странами из-за того, что провинциальный изоляционист не может найти на карте другие страны, – триумф равенства.

Демократия, в том виде, в котором ее преподносят в Соединенных Штатах в начале двадцать первого века, стала ареной действия обиженных, сердитых людей. Хрупкое эго самовлюбленных студентов колледжей столкнулось с поруганным, раненым самосознанием фанатов радиошоу, каждый из которых требует, чтобы их одинаково серьезно воспринимали все остальные, какими бы ни были их взгляды. Экспертов презрительно называют «элитой» – одной из многочисленных групп, которая якобы притесняет «нас, людей». Эта фраза сегодня без разбору применяется всеми подряд и в основном в значении «меня». Совет эксперта или любое обоснованное суждение, сделанное тем, кого простые люди воспринимают, как представителя элиты – а это, к слову сказать, все, за исключением их самих – отвергается, как первопричина всех бед. Ни одна демократия не сможет функционировать подобным образом.

Восстание экспертов

Я не хочу заканчивать эту книгу на такой пессимистичной ноте, но не уверен, есть ли у меня выбор. Большинство причин невежества могут быть устранены, если люди хотят учиться. Однако ничто не способно преодолеть губительного сочетания чванства, нарциссизма и цинизма, которое американцы сегодня носят, как воинские доспехи, защищаясь от экспертов и профессионалов.

Традиционные решения уже не работают. Система образования, вместо того чтобы устранять преграды для непрерывного самообразования, учит молодых людей тому, что их чувства важнее всего остального. «Посещение колледжа» для большинства студентов – всего лишь еще одна попытка самоутвердиться. Медиа, погрязшие в соперничестве на всех уровнях, теперь интересуются у потребителей, о чем бы они хотели узнать, вместо того чтобы рассказывать им о том, что важно. Интернет – благо и зло одновременно, источник информации, зараженный интеллектуальным вредительством.

Имея дело с непроходимым невежеством публики, эксперты вынуждены признать свое поражение. «Большинство из нас чувствуют здесь свое бессилие, – сказал Дэвид Отор, экономист, профессор Массачусетского технологического института. – Мы понимаем, что можем обучить своих студентов, но наши студенты – это не все общество, а мы не знаем, как обучить общество». Профессор Дэн Кэхен из Йеля более пессимистичен. «Бесполезно бомбардировать людей знаниями, – отмечал он в 2015 году. –

Нам не удастся объяснить им какие-то вещи. Но в данном случае я просто в очередной раз констатирую факты. Возможно, ситуация еще хуже»^[151].

Но один обнадеживающий знак заключается в том, что эксперты, похоже, восстают против нападков на их экспертные знания. Так, например, открыто осуждая итоги голосования о выходе Великобритании из Европейского союза, Джеймс Трауб прямо заявил, что настало время защитникам ценностей классического западного либерализма «восстать против невежественных масс»^[152]. Разумеется, поступить так, означает услышать жуткое обвинение в «элитарности» – то, что всегда оказывало гораздо большее влияние в эгалитарной Америке, чем в более многослойных культурах европейских и других стран. И это признает сам Трауб: «Необходимо отметить, что людей вводят в заблуждение, и что задача руководства страны – вывести их из этого заблуждения. Какая же это элитарность? Хорошо, возможно, что так. Возможно, мы настолько склонны чтить святость взглядов каждого, что сейчас элитарным является верить в разум, экспертное знание и уроки истории».

Тем не менее профессионалы из самых разных сфер из целого ряда стран, похоже, уже сыты по горло. Надо сказать, я был поражен тем, что после выхода моей первой статьи о гибели экспертного знания, со мной связывались ученые, врачи, адвокаты, учителя и многие другие профессионалы из Америки и других стран. Они говорили мне не только о своем разочаровании, но также о гневе и печали в связи с ухудшением отношений с пациентами, клиентами и студентами и даже с охлаждением близких приятельских отношений – все потому что они, наконец, потребовали положить конец непрофессионально написанным лекциям по темам, относящимся к их собственной сфере компетенции.

В данном случае наиболее пострадавшими выглядят медики. Из недавних анекдотичных примеров можно вспомнить эпизод 2015 года, когда Киммел – в очередной раз – запустил социальный ролик о том, как реальные врачи произносят гневные тирады, не выбирая выражений, в адрес тех упрямцев, кто боится вакцинации. «Помнишь тот раз, когда ты болел полиомиелитом? – спрашивал один из терапевтов. – Нет, не помнишь. Потому что твои родители отвели тебя [бранное слово] к врачу, чтобы сделать прививку». Еще один врач говорил: «Мне приходится тратить свой единственный выходной, чтобы беседовать о вакцинации с вами, идиотами», а в это время другой вторил ему: «Потому что ты послушал какого-то кретина, прочитавшего электронное письмо, которое ему переслал кто-то еще».

Система образования, вместо того чтобы устранять преграды для непрерывного самообразования, учит молодых людей тому, что их чувства важнее всего остального.

Ролик Киммела мгновенно стал хитом, о нем сообщали крупные СМИ, и его посмотрели более восьми миллионов раз только на одном YouTube. Реакция, конечно же, не заставила себя ждать. Такие сайты, как Infowars.com и куча разных блогеров, противников вакцинации (естественно) назвали врачей невежественными орудиями продажной системы и высказали прочие обычные свои оскорбления. Но эта волна, похоже, достигла своего пика и идет на спад, частично потому, что профессионалы и их сторонники решили использовать медиа и Интернет точно так же, как конспирологи.

Да, конечно, подобные усилия, предпринятые в средствах массовой информации, спасут жизни определенного количества детей, но их недостаточно, чтобы сокрушить кампанию, направленную против традиционной системы знаний, или в корне изменить ее влияние на американскую демократию. В конечном итоге эксперты не могут потребовать, чтобы граждане начали обращать внимание на происходящие вокруг них события. Они не могут заставить людей есть полезную еду или больше заниматься спортом. Они не могут оттащить их за шею от нового телевизионного реалити-шоу, чтобы вместо этого люди изучили, например, географическую карту. Они не могут излечить их от нарциссизма в приказном порядке.

Как это ни грустно, но я подозреваю, что возможное решение придет после того, как случится какая-нибудь катастрофа. Например, война или экономический коллапс. (В данном случае, я имею в виду масштабную войну, которая затронет Америку еще глубже, чем отдаленные конфликты, где сражаются храбрые добровольцы, или реальную депрессию, а не рецессию начала двадцать первого века.) Быть может, к этому подтолкнет крайнее проявление невежественного политиканства – процесс, который уже идет в Соединенных Штатах и Европе, или приход к власти технократии, у которой просто кончится терпение, и тогда она легко обойдется без всяких выборов, сделав это пустой формальностью.

Создание жизнеспособной интеллектуальной и научной культуры на Западе и в Соединенных Штатах потребовало в свое время демократичного подхода и терпения. Без этих добродетелей знания и прогресс становятся жертвой идеологических, религиозных и популистских нападков. Нациям, которые поддались этим искушениям, была уготована разная страшная судьба, включая массовые репрессии, культурную и финансовую бедность

и поражение в войне. Я все еще верю в американскую систему и убежден в том, что люди, живущие в Соединенных Штатах Америки, еще способны отбросить эгоцентризм и безучастность и вспомнить о своих обязательствах, как гражданина. Они сделали так в 1941 году, после войны во Вьетнаме, Уотергейта и атак 11 сентября. Но каждый раз они скатываются к самоуспокоенности, и с каждым разом та яма невежества и недовольства, которые они копают для себя, становится еще глубже. В какой-то момент они могут просто не увидеть больше солнечного света.

Мы можем лишь надеяться на то, что прежде, чем это произойдет, граждане, эксперты и политики приступят к тяжелому (и пока мало приветствуемому) обсуждению роли экспертов и образованных элит в американской демократии. Приводя в качестве доказательства победный марш Дональда Трампа к выдвижению его кандидатом от республиканской партии, журналист Эндрю Салливан предупреждал в 2016 году о том, что «элиты продолжают оставаться значимым фактором в демократическом обществе».

«Они остаются значимым фактором не потому, что они враги демократии, а потому, что играют ключевую роль, спасая демократию от себя самой. Пусть политический истеблишмент разгромлен, деморализован, вынужден считаться с алгоритмами Всемирной паутины и с любым талантливым демагогом, – сейчас не время отказываться от свойственного Америке почти уникального и уравнивающего сочетания демократии и ответственности элит.

Кому-то покажется шокирующим заявление о том, что в эту демократическую эпоху мы нуждаемся в элитах – особенно, учитывая значительное финансовое расслоение общества и ошибки, совершаемые представителями элит. Но мы нуждаемся в них исключительно для того, чтобы защитить нашу драгоценную демократию от ее собственных дестабилизирующих излишеств»^[153].

Демократия – это знал Баламут Льюиса – означает систему правления, а не фактическое состояние равенства. Каждый отдельный голос в демократическом обществе равен любому другому – но не каждое отдельное мнение. И чем скорее американское общество восстановит основополагающие принципы продуктивного взаимодействия образованной элиты и общества, которому они служат, тем лучше.

Эксперты всегда должны помнить о том, что они слуги, а не хозяева в демократическом обществе и республиканском правительстве. Но если граждане – хозяева, то они должны обеспечить себе не только должный уровень образования, но и определенную степень гражданской

ответственности, чтобы полноценно участвовать в управлении собственной страной. Дилетантам не обойтись без экспертов, и им следует смириться с этой реальностью без всяких обид. Эксперты, в свою очередь, должны быть готовы к тому, что их советы, какими бы очевидными и правильными они им ни казались, не всегда будут приниматься в демократическом обществе, которое может просто не оценить их действий. Но когда демократию воспринимают как нескончаемые требования незаслуженного уважения к необоснованным суждениям, тогда возможно все, включая окончательную гибель демократии и самого республиканского правления.

По крайней мере, это мое экспертное мнение по данному вопросу, хотя я могу ошибаться.

Когда демократию воспринимают как нескончаемые требования незаслуженного уважения к необоснованным суждениям, тогда возможно все, включая окончательную гибель демократии и самого республиканского правления.

* * *

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:

<https://eksmo.ru/b2b/>

Звоните по телефону:

+7 495 411-68-59, доб. 2261

Сноски

1

Образ позаимствован из фильма 1964 г. режиссера Стэнли Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу». Вымышленный командный пункт, находящийся в бункере в Пентагоне. – *Прим. ред.*

2

Американское агентство сатирических новостей, в русском переводе «Луковица». – *Прим. ред.*

3

Деян 17, 21. – *Прим. ред.*

4

Комедийный жанр, где артист выступает с монологами, шутками, историями и т. п. непосредственно перед живой аудиторией, обращаясь напрямую к зрителям. – *Прим. ред.*

5

Тринадцать колоний – британские колонии в Северной Америке, подписавшие в 1776 г. Декларацию независимости и тем самым ставшие ядром будущих Соединенных Штатов Америки. – *Прим. ред.*

6

Игра слов, в оригинале “Lake Woebegone”, что может быть дословно переведено как «Озеро Жалкое» или «Озеро Огорчения». По-русски, наверное, следовало бы назвать этот городок Жалкоозерском. – *Прим. ред.*

7

В американской шкале оценки знаний *D* соответствует «тройке» в России, а *F* – «двойке». – *Прим. ред.*

8

Фальсифицируемость, то есть методологическая возможность опровержения теории путем постановки эксперимента, является критерием научного знания. Он также носит название критерия Поппера. – *Прим. ред.*

9

Военная база в отдаленном уголке штата Невада, на берегу соленого озера Грум-Лейк, отличающаяся особо жестким режимом секретности. Фигурирует во многих конспирологических теориях. – *Прим. ред.*

10

«Выпускник» (“The Graduate”) – комедийный американский фильм режиссера Майка Николса с Дастином Хоффманом в главной роли. Вышел на экраны в 1967 г. – *Прим. ред.*

11

PhD, “Doctor of Philosophy”, доктор наук (не только философских), соответствует российской степени кандидата наук. – *Прим. ред.*

12

Соответствуют «тройке» и «двойке» в России. – *Прим. ред.*

13

Соответствует «пятерке» в России. – *Прим. ред.*

14

Программа «Стратегическая оборонная инициатива» (“Strategic Defense Initiative”), известная также как «Звездные войны». – *Прим. ред.*

15

Игра слов: Смолвил, Smallville, дословно значит «маленький городок», «городишко». – *Прим. ред.*

16

Соответствуют «четверке с минусом» и «четверке» в России. – *Прим. ред.*

17

Соответствует «тройке с плюсом» в России. – *Прим. ред.*

18

Промежуточная оценка между «четверкой» и «четверкой с минусом» в России. – *Прим. ред.*

19

Курсив автора. – *Прим. ред.*

20

В оригинале “systemic oppression”, обобщающий термин для обозначения дискриминации по признаку расы, пола и т. д. В русском языке принят перевод «системное угнетение». – *Прим. ред.*

21

Разумеется. 16-й президент США такого не говорил. Приписывать эту фразу известным историческим деятелям – распространенная в Интернете шутка. – *Прим. ред.*

22

В оригинале “Cheers”, американский комедийный сериал, выходивший с 1982 по 1993 г. на канале NBC. – *Прим. ред.*

23

Распространенное в Интернете выражение, описывающее шуточную закономерность, подмеченную пользователем Сети Usenet Майком Годвином: «С течением времени вероятность упоминания Гитлера в любой дискуссии в Интернете стремится к единице». – *Прим. ред.*

24

Шуточное обозначение на псевдолатыни демагогического приема, когда позиция оппонента ставится под сомнение только потому, что ее разделял Адольф Гитлер. Сама эта позиция может оказаться совершенно безобидной, например: «Вегетарианство – зло, потому что Гитлер был вегетарианцем». Введено в оборот американским политическим философом Лео Штрауссом в 1951 г. – *Прим. ред.*

25

Террористическая организация, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации. – *Прим. ред.*

26

«Форин Аффферс», дословно «Внешняя политика» – американский журнал, посвященный внешней политике. Выходит шесть раз в год. – *Прим. ред.*

27

«Интернэшнл секьюрити», дословно «Вопросы международной безопасности» – американский рецензируемый научный журнал,

посвященный вопросам международной и национальной безопасности. – *Прим. ред.*

28

Уильям Рэндольф Херст (1863–1951) – американский медиамагнат, создатель индустрии новостей и автор идеи зарабатывать на сплетнях и скандалах. Именно ему мы обязаны такими понятиями, как «желтая пресса», «связи с общественностью» и собственно «медиамагнат». – *Прим. ред.*

29

Уолтер Кронкайт (1916–2009) – американский тележурналист, бессменный ведущий вечернего выпуска новостей CBS с 1962 по 1981 г.

30

Гарри Ризонер (1923–1991) – американский тележурналист, работавший в компаниях ABC и CBS.

31

Уильям Сафир (1929–2009) – американский журналист, главный редактор газеты New York Times, спичрайтер президента Ричарда Никсона.

32

Дословно «Судебное телевидение». – *Прим. ред.*

33

Кабельная и спутниковая телевизионная сеть в США, много транслирующая работу органов государственной власти США. – *Прим. ред.*

34

Ранняя (с 1975 по 1992 г.) версия спортивного телевизионного шоу WCW Worldwide, посвященного борьбе.

35

Парафраз известной в англоязычном мире поговорки “Seeing is believing” («Увидеть – значит поверить»). – *Прим. ред.*

36

Под этим именем известна стипендия Макартура, ежегодно присуждаемая одноименным американским фондом за выдающиеся достижения в любой профессиональной области. – *Прим. ред.*

37

Первая попытка США вывести на орбиту искусственный спутник Земли, называвшийся TV-3, была предпринята 6 декабря 1957 г. Ракета “Vanguard”, едва отделившись от стартового стола, рухнула на землю и взорвалась. – *Прим. ред.*

38

Курс предварительной подготовки к поступлению в медицинские вузы в США. – *Прим. ред.*

39

“On the Beach”, by Nevil Shute, ISBN 9780307473998, ISBN 9781519522481. – *Прим. ред.*

40

Авторитетный американский еженедельник, просуществовавший с 1890 по 1938 г. Был известен тем, что неоднократно точно предсказывал итоги президентских выборов в США, пока в 1936 г. не совершил роковую ошибку, предсказав победу республиканцев, в то время как президентом стал демократ Франклин Рузвельт. – *Прим. ред.*

41

Брент Скоукрофт (род. в 1925 г.) – советник по национальной безопасности двух президентов США: Джеральда Форда (1975–1977) и Джорджа Буша-старшего (1989–1993).

42

Билл Най (род. в 1955 г.) – американский актер, телеведущий-популяризатор науки и инженер-механик.

43

Детективный роман английского писателя Джона Ле Карре (род. в 1931 г.). В 1965 г. по нему был снят одноименный фильм. – *Прим. ред.*

44

Этот журнал относится к желтой прессе. – *Прим. ред.*

45

Понятие в теории СМИ, описывающее усиление или подкрепление заданного сообщения путем его многократного повторения внутри закрытой системы, в данном случае – экспертного сообщества. – *Прим. ред.*

46

Закон Смута – Хоули, подписанный президентом Говардом Гувером 17 июня 1930 г., поднимал импортные пошлины более чем на 20 тыс. наименований товаров. В ответ другие государства также подняли пошлины на американские товары, что привело к резкому сокращению объема внешней торговли США и послужило одной из главных причин Великой депрессии. – *Прим. ред.*

47

Эндрю Басевич (р. 1947) – американский историк, специализирующийся на вопросах международных отношений и безопасности, почетный профессор Бостонского университета. – *Прим. ред.*

48

В Соединенных Штатах карп скорее воспринимается как вредитель. – *Прим. ред.*

49

«Обезьянья лапка» (“Monkey’s Paw”) – мистический рассказ английского писателя Уильяма Джейкобса (1863–1943), опубликованный в 1902 г. В нем

говорится о талисмане, исполняющем три желания, но дорогой ценой: таково наказание за попытку вмешаться в судьбу. Послужил основой для пьес, фильмов и т. д. – *Прим. ред.*

50

Сборник статей в поддержку ратификации Конституции США, вышедших с 1787 по 1788 г. – *Прим. ред.*

51

Так в тексте. В мультфильме фигурирует город Аграба, а не страна. – *Прим. ред.*

52

«Баламут предлагает тост», продолжение повести «Письма Баламута». – *Прим. ред.*

Комментарии

1

Pride Chegwedere et al., “Estimating the Lost Benefits of Antiretroviral Drug Use in South Africa”, *Journal of Acquired Immune Deficiency Syndromes* 49 (4), 1 декабря 2008.

2

Kyle Dropp, Joshua D. Kertzer, Thomas Zeitzoff, “The Less Americans Know about Ukraine’s Location, the More they want U.S. to Intervene,” блог Monkey Cage, Washington Post онлайн, 7 апреля 2014.

3

Jose Ortega y Gasset, The Revolt of the Masses (New York: W. W. Norton, 1993), стр. 16–18 (в русском переводе, напр.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ. – 509 с. – (Philosophy). – ISBN 5-17-007796-3)

4

Richard Hofstadler, Anti-Intellectualism in American Life (New York: Vintage, 1963), стр. 34.

5

Ilya Somin, “Political Ignorance in America,” in Mark Baurelein and Adam Bellow, eds., The State of the American Mind (West Conshohochen, PA: Templeton, 2015), стр. 163–164.

6

Dana Goodyear, “Raw Deal: California Cracks Down on an Underground Gourmet Club,” New Yorker, 30 апреля 2012.

7

Olga Khazan, “27 % of American Surgeons Still Think Obamacare Has Death Panels,” Atlantic онлайн, 19 декабря 2013.

8

Kaiser Family Foundation, 2013 Survey of Americans of the US Role in Global Health.

9

Henry Blodget, "Here's What Day Traders Don't Understand", Business Insider, 29 марта 2010.

10

См. David Dunning, "We Are All Confident Idiots," Pacific Standard онлайн, 27 октября 2014.

11

Justin Kruger and David Dunning, "Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments," Journal of Personality and Social Psychology 77(6), декабрь 1999, стр. 1121–1122.

12

Dunning, "We Are All Confident Idiots".

13

John Allen Paulos, Innumeracy, Mathematical Illiteracy and Its Consequences (New York: Hill and Wang, 2001), стр. 9.

14

Michael Crichton, "Panic in the Sheets", Playboy, декабрь 1991, копия на MichaelCrichton.com

15

Существует целая область математической статистики, т. н. «байесов анализ», названный по имени английского математика XVIII столетия, посвященная именно этой проблеме.

16

Ученые, занимающиеся общественными науками, знакомы с этой проблемой, как никто другой. См. Charles O. Jones, "Doing before Knowing: Concept Development in Political Research," American Journal of Political Science 18(1), февраль 1974.

17

Maria Konnikova, "How a Gay-Marriage Study Went Wrong," New Yorker онлайн, 22 мая 2015.

18

Jonathan Kay, "Has Internet-Fueled Conspiracy Mongering Crested?" в Mark Bauerlein and Adam Bellow, eds., The State of American Mind (West Conshohocken, PA: Templeton, 2015), стр. 138–139.

19

Действительно, профессор Росс Чейт указывал, что небрежное расследование жалоб, имевшее место в 1980-х и 1990-х гг. имело трагические последствия: оно заставило маятник общественного мнения

качнуться в обратную сторону. Если раньше маленьким детям безусловно верили, то после этого стали скептически относиться к любым жалобам на насилие. Тем не менее сатанизм присутствовал в качестве элемента массовой истерии, но последующая работа ученых и правоохранительных органов не нашла доказательств существования подобных сетей в детских дошкольных учреждениях или где-либо еще. См. Ross E. Cheit, *The Witch-Hunt Narrative*.

20

Jef Rouner, "Guide to Arguing with a Snopes-Denier," *Houston Press*, 2 апреля 2014.

21

Ali Mahmoodi et al., "Equality Bias Impairs Collective Decision-Making across Cultures," *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 24 марта 2015.

22

Chris Mooney, "The Science of Protecting People's Feelings: Why We Pretend All Opinions Are Equal," *Washington Post* онлайн, 10 марта 2015.

23

Karl Taro Greenfield, "Faking Cultural Literacy," *New York Times* онлайн, 24 мая 2014.

24

Цит. по Chris Mooney, "Liberals Deny Science, Too," *Washington Post* онлайн, 28 октября 2014.

25

Единственная разница состояла в том, что консерваторы более эмоционально реагировали на данные, противоречащие их убеждениям, но исследователи предположили, что это следствие того, что «вопросы, беспокоящие консерваторов, как раз больше всего поляризуют нынешнее общество». Авторы сделали это и другие замечания в публикации Университета штата Огайо (Ohio State University) под названием "Both Liberals, Conservatives Can Have Science Bias", 9 февраля 2015.

26

Daniel W. Drezner, "A Clash between Administration and Students at Yale Went Viral" *Washington Post* онлайн, 9 ноября 2015.

27

Организация *Educational Testing Service*, в то время – администратор стандартизованного теста для приема в высшие учебные заведения США, *Scholastic Aptitude Test (SAT)*, провела исследование, согласно которому увеличение доли молодых людей, поступающих в колледж, не сопровождается соответствующим ростом умственных способностей. См. *Educational Testing Service, America's Skills Challenge: Millennials and the Future*. (Princeton, NJ: Educational Testing Service, 2015.)

28

Ben Casselmann “*Shut Up about Harvard,*” *FiveThirtyEight.com*, 30 марта 2016.

29

James Piereson and Naomi Schaefer Riley, “*Remedial Finance: The Outsized Cost of Playing Academic Catch-Up,*” *Weekly Standard*.

30

Robert Hughes, *Culture of Complaint* (New York: Time Warner, 1993), стр. 68.

31

Valerie Strauss, “*I Would Love to Teach, But...*,” *Washington Post* онлайн, 31 декабря 2013.

32

Emma Brown, “*Former Stanford Dean Explains Why Helicopter Parenting Is Ruining a Generation of Children*”, *Washington Post* онлайн, 16 октября 2015.

33

Megan McArdle, “*Sheltered Students Go to College, Avoid Education,*” *BloombergView.com*, 13 августа 2015.

34

Jeffrey J. Selingo, “*Helicopter Parents are Not the Only Problem. Colleges Coddle Students, too,*” *Washington Post*, 21 октября 2015.

35

Robby Soave, «*Yale Students Tell English Profs to Stop Teaching English: Too Many White Male Poets,*” *Reason.com*, 1 июня 2016.

36

Jonathan D. Glater, “*To: Professor@University.edu Subject: Why It’s All about Me,*” *New York Times* онлайн, 22 февраля 2006.

37

James V. Schall, *Another Sort of Learning* (San Francisco: Ignatius, 1988), стр 30–37.

38

David Dunning, “*We Are All Confident Idiots,*” *Pacific Standard* онлайн, 27 октября 2014.

39

Крошечный Castleton State College, теперь именующийся «*университетом*», – один из многочисленных примеров только в Новой Англии. *Lisa Rathke*, “*Switching from College to University Could Mean More Money, More Students,*” *Huffington Post*, 12 июля 2015.

40

Catherine Rampell, “*The Rise of the ‘Gentleman’s A’ and the GPA Arms Race,*” *Washington Post* онлайн, 28 марта 2016.

41

Richard Arum, "College Graduates: Satisfied, but Adrift," in Mark Bauerlein and Adam Bellow, eds., The State of the American Mind (West Conshohocken, PA: Templeton, 2015), стр. 68.

42

Показатели за 2016 г. были получены в ходе продолжения исследований, выполненных ранее профессорами Стюартом Ройстачером (Stuart Rojstaczer) и Крисом Хили (Chris Healy), которые продолжили сбор данных после публикации статей по данному вопросу в 2010 и 2012 гг. Они ведут базу данных с результатами своей работы по адресу www.gradeinflation.com

43

Два отчета из множества подобных могут служить примером. См. Katy Waldman, "Yale Students Erupt over Administrators Caring More about Free Speech Than Safe Spaces," Slate, 7 ноября 2015. и Shoshanna Weismann, "How Babies are Made," Weekly Standard, 10 ноября 2015.

44

Mará Rose Williams, "Race Problems at Mizzou Could Stunt Freshmen Enrollment," Kansas City Star онлайн, 13 января 2016.

45

Conor Friedersdorf, "The New Intolerance of Student Activism," Atlantic онлайн, 9 ноября 2015.

46

Glenn Reynolds, «After Yale, Mizzou, raise the voting age to 25," USA Today онлайн, 16 ноября 2015.

47

Adrienne LaFrance, "Raiders of the Lost Internet", Atlantic онлайн, 14 октября 2015.

48

Nicholas Carr, "Is Google Making Us Stupid?" Atlantic онлайн, июль-август 2008.

49

Caitlin Dewey, "What was Fake on the Internet This Week: Why Do We Even Bother, Honestly?" Washington Post онлайн, 30 октября 2015.

50

Damian Thompson, Counterknowledge (New York: W. W. Norton, 2008), стр. 11.

51

Allen West, "Obama's America: Look What our Troops Are Being FORCED to Do for Islam's Holy Month", allenwest.com, 29 июня 2015.

52

Michael Miller, "Gwyneth Paltrow's No Vagina Expert, Doctors Say", People онлайн, 29 января 2015. Блог доктора Джен Гантер (Gunter) находится по адресу drjengunter.wordpress.com

53

Laura Hooper Beck, "I Went to a Spa for My Uterus and This Is My Story," FastCompany.com, 27 января 2015.

54

Frank Bruni, «California, Camelot and Vaccines," New York Times онлайн, 4 июля 2015.

55

"'Stop Googling Your Symptoms,' Teenage Cancer Victim Told before Death," Daily Telegraph, 16 июня 2015.

56

Matthew Fisher et al., "Searching for Explanations: How the Internet Inflates Estimates of Internal Knowledge," Journal of Experimental Physiology 144(3), июнь 2015, стр. 674–687.

57

Tom Jacobs, "Searching the Internet Creates an Illusion of Knowledge," Pacific Standard онлайн, 1 апреля 2015.

58

Эта и последующие ссылки взяты из статьи Университетского колледжа Лондона для CIBER "The Information Behaviour of the Researcher of the Future," 11 января 2008.

59

Robert Epstein, "How Google Could Rig the 2016 Election," Politico, 19 августа 2015.

60

James Surowiecki, The Wisdom of Crowds (New York: Anchor, 2005), стр. xxii – xxiii.

61

Цит. по Tom Simonite, "The Decline of Wikipedia," MIT Technology Review, 22 октября 2013.

62

Там же.

63

Andrea Peterson, "Liberals Are More Likely to Unfriend You Over Politics – Online and Off," Washington Post онлайн, 21 октября 2014.

64

A.O. Scott, "Everybody's Critic and That's How it Should Be," New York Times Sunday Review онлайн, 30 января 2016.

65

Andrew Sullivan, *“Democracies End When They Are Too Democratic,”* New York онлайн, 1 мая 2016.

66

Ученый из Дартмутского колледжа, Брендан Найлан, был одним из многих исследователей, работавших над вопросом, почему люди упорствуют перед лицом доказательств того, что их точка зрения была ошибочна. Joe Keohane, *“How Facts Backfire: Researchers Discover a Surprising Threat to Democracy: Our Brains,”* Boston Globe онлайн, 11 июля 2010.

67

David Dunning, *“We Are All Confident Idiots,”* Pacific Standard онлайн, 27 октября 2014.

68

Megan McArdle, *«Your Assessment of the Election is Way Off,”* Forbes онлайн, 14 апреля 2016.

69

Sarah Kaplan, *“How, and Why, a Journalist Tricked News Outlets into Thinking Chocolate Makes You Thin,”* Washington Post онлайн, 28 мая 2015.

70

Molle Hemingway, *«Vox’s Motto Should Be “Explaining the News Incorrectly, Repeatedly,»* TheFederalist, 17 июля 2014.

71

Elisabetta Povoledo, *“Pope Calls for ‘Peace in All the World’ in First Easter Message,”* New York Times онлайн, 31 марта 2013.

72

Pew Research Center, *«The Age of Indifference: A Study of Young Americans and How They View the News,”* 28 июня.

73

Richard Arum, *“College Graduates: Satisfied, but Adrift,”* in Mark Bauerlein and Adam Bellow, eds., *The State of the American Mind*, (West Conshohocken, PA: Templeton, 2015), стр. 73.

74

James E. Short, *“How Much Media? Report on American Consumers,”* 2013. Institute on Communication Technology Management, Marshall School of Business, University of Southern California, <http://classic.marshall.usc.edu/assests/161/25995.pdf>

75

Jan Zverina, *“U.S. Media Consumption to Rise to 15.5 hours a Day – Per Person by 2015,”* UC San Diego News Center, 6 ноября 2013.

76

Цит. по Benjamin Mullen, *“Buyouts Hit the Dallas Morning News,”* Poynter.org, 7 июля 2015.

77

Cum. no Jeremy Peters, "Some Newspapers, Tracing Readers online, Shift Coverage," New York Times онлайн, 5 сентября 2010.

78

Jeremy Peters, "Some Newspapers, Tracing Readers online, Shift Coverage," New York Times онлайн, 5 сентября 2010.

79

National Journal Group, Washington in the Information Age, 2015, Washington, DC.

80

Steven Metz, "As Celebrity Pundits Rise, U.S. National Security Policy Suffers," World Politics Review, 14 августа 2015.

81

Mindlich in Bauerlein and Bellow, State of the American Mind, стр. 101.

82

R.R. Reno, "Trumpageddon," First Things онлайн, 20 февраля 2016.

83

Eliot Cohen, "The Age of Trump," American Interest онлайн, 26 февраля 2016.

84

Anne Pluta, "Trump Supporters Appear to Be Misinformed, Not Uninformed," FiveThirtyEight.com, 7 января 2016.

85

Justin McCarthy, "Trust in Mass Media Returns to All-Time Low," Gallup.com, 17 сентября 2014.

86

Paul Farhi, "How Biased Are the Media, Really?" Washington Post онлайн, 27 апреля 2012.

87

Dale Maharidge, «People's Stories: What Happens When No One Wants to Print Their Words Anymore?» Nation онлайн, 2 марта 2016.

88

Michael Nunez, "Want to Know What Facebook Really Thinks of Journalists? Here's What Happened When It Hired Some," Gizmodo.com, 3 мая 2016.

89

Willy Saletan, "Unhealthy Fixation," Slate.com, 15 июля 2015.

90

John Bohannon, "I Fooled Millions into Thining Chocolate Help Weight Loss. Here's How," io9.Gizmodo.com, 27 мая 2015.

91

Joshua Foust, "The Birth (and Death) of a Meme: Embedded Reportes Don't Always Get the Story," Columbia Journalism Review онлайн, 10 сентября 2008.

92

Sheila Coronek, Steve Coll, and Derek Kravitz, "Rolling Stone's Investigation: 'A Failure That Was Avoidable,'" Columbia Journalism Review онлайн, 5 апреля 2015.

93

Emily Yoffe, "The College Rape Overcorrection", Slate.com, 7 декабря 2014.

94

Сум. no Greg Jaffe, "VA Study Finds More Veterans Committing Suicide," Washington Post онлайн, 1 февраля 2013.

95

Brandon Freidman, "Military Suicides Top Combat Deaths – But Only Because the Wars Are Ending," TIME онлайн, 16 января 2013.

96

Helen Thompson, «Teen Schools Professor on 'No Irish Need Apply' Signs, Smithsonian.com, 5 августа 2015.

97

Geoffrey Norman, "Do I Dare to Eat an Egg," The Weekly Standard онлайн, 16 марта 2015.

98

Peter Whoriskey, "The Science of Skipping Breakfast: How Government Nutritionists May Have Gotten It Wrong, Washington Post онлайн, 10 августа 2015.

99

Sewery Bialer and Joan Afferica, "Reagan and Russia," Foreign Affairs, зима 1982–1983, стр. 263.

100

Stephen M. Meyer, "Testimony before the Senate Foreign Relations Committee," in Theodore Karasik, ed., Russia and Eurasia Armed Forces Review Annual, 15, 1991 (Gulf Breeze, FL: Academic International Press, 1999), 348.

101

Richard Ned Lebow and Thomas Risse Kappen, "Introduction," in Richard Ned Lebow and Thomas Risse Kappen, eds., International Relations Theory and the End of the Cold War (New York: Columbia University Press, 1995), стр. 2.

102

Десять стран – это США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан, Северная Корея, Израиль (само государство этого не подтверждает) и ЮАР. Арсенал последней был ликвидирован с падением создавшего его режима апартеида.

103

W. Ian Lipkin, «Anti-Vaccination Lunacy Won't Stop," Wall Street Journal онлайн, 3 апреля 2016.

104

См. Richard van Noorden, "Political Science's Problem with Research Ethics," *Nature* онлайн, 29 июня 2015; Brian C. Martinson, Melissa S. Anderson, and Raymond de Vries, "Scientists Behaving Badly," *Nature* 435 (9 июня 2015): стр. 737–738.

105

Carl Zimmer, "A Sharp Rise in Retractions Prompts Calls for Reform," *New York Times* онлайн, 16 апреля 2012.

106

Benedict Carey, "Many Psychology Findings Not as Strong as Claimed, Study Says," *New York Times* онлайн, 27 августа 2015.

107

Цит. по Rachel Gross, "Psychologists Call Out the Study That Called Out the Field of Psychology," *Slate.com*, 3 марта 2016.

108

Daniel Engber, "Cancer Research Is Broken," *Slate.com*, 9 апреля 2016.

109

Garret Epps, "Genuine Christian Scholars Samck Down an Unruly Colleague," *Atlantic* онлайн, 10 августа 2012.

110

"Actresses' Role in Farm Issue Stirs Criticism," *Los Angeles Times*, онлайн-архив, 3 мая 1985.

111

Jessica Goldstein, "Is Gwyneth Patrow Wrong about Everything? This Scientist Thinks So," *ThinkProgress.com*, 21 апреля 2016.

112

Alexandra Petri, «Dr. Carson, This Is Not Brain Surgery," *Washington Post* онлайн, 5 ноября 2015.

113

Это свидетельство взято из Paul Offit, "The Vitamin Myth: Why We Think We Need Supplements," *Atlantic* онлайн, 19 июля 2013.

114

Helen Caldicott, *Missile Envy* (New York: Bantam, 1985), стр. 235; Helen Caldicott, *If You Love This Planet* (New York: W. W. Norton, 1992), стр. 156.

115

В многочисленных статьях о Крисвелле, написанных за прошедшие годы, есть утверждение, что однажды ему удалось сделать более-менее сбывшееся, и в то же время жутковатое, предсказание. Говорят, в марте 1963 г. он сказал ведущему телешоу Джеку Паару, что президент Кеннеди не будет переизбран на следующий срок, так как в ноябре 1963 г. с ним что-то произойдет. Тем не менее это может быть просто городской легендой.

Определенно судить об этом нельзя – по крайней мере, пока не найдется видеозапись того шоу (если она существует).

116

Carl Bialik, “Most Pollsters Say Their Reputations Have Worsened,” *FiveThirtyEight.com*, 28 декабря 2015.

117

Clive Thompson, “Can Game Theory Predict Whe Iran Will Get the Bomb?” *New York Times Magazine* онлайн, 12 августа 2009.

118

Nassim Nicholas Taleb, *The Black Swan* (New York: Random House, 2010), стр. xxiv – xxv.

119

Philip E. Tetlock, *Expert Political Judgement* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005), стр. 20.

120

Tetlock, Expert Political Judgement, стр. 20.

121

James Surowiecki, *The Wisdom of the Crowds* (New York: Anchor, 2005), стр. 31.

122

Tetlock, Expert Political Judgement, стр. 21.

123

См. *Tetlock, Expert Political Judgement*.

124

См. напр. Tina Nguyen, “How Nate Silver Failed to Predict Trump,” *Vanity Fair*, 1 февраля 2016.

125

Noah Rothman, “Why They Think Trump Can Win in Nov?” *Commentary* онлайн, 27 апреля 2016.

126

Tetlock, Expert Political Judgement, стр. 23.

127

См. James Traub, “First, They Came for the Experts,” *Foreign Policy*, 7 июля 2016.

128

Цит. по Michael Deacon, “Michael Cove’s Guide to Britain’s Greatest Enemy... the Experts,” *Telegraph* онлайн, 10 июня 2016.

129

Цит. по Stephen Castle, “Having Won, Some ‘Brexit’ Campaigners Begin Backpedaling,” *New York Times* онлайн, 26 июня 2016.

130

Цит. по Nick Gass, “Trump: ‘The Experts are Terrible’,” Politico.com, 4 апреля 2016.

131

David Dunning, “The Psychological Quirk That Explains Why You Love Donald Trump,” Politico.com, 25 мая 2016.

132

См., напр., Jennifer Kerr, “Educational Divide in GOP White House Race: What’s behind it,” Associated Press, 3 апреля 2016; Max Ehrenfreund, “The Outlandish Conspiracy Theories Man of Donald Trump’s Supporters Believe,” Washington Post онлайн, 5 мая 2016; Scott Clement, “Donald Trump is Splitting the White Vote in Ways We’ve Never Seen Before,” Washington Post онлайн, 31 мая 2016.

133

Журналист Джеффри Голдберг, например, утверждал, что Сэмюэль использовал этот материал, чтобы свести с ним персональные счеты. См. Jeffrey Goldberg, “Ben Rhodes and the ‘Retailing’ of the Iran Deal,” Atlantic онлайн, 9 мая 2016.

134

David Samuels, “The Aspiring Novelist Who became Obama’s Foreign-Policy Guru,” New York Times Sunday Magazine онлайн, 5 мая 2016.

135

Классический эпизод оригинального сериала *Star Trek*, показанный в 1968 г., рассказывает о благонамеренном профессоре (разумеется!), стремящемся установить нацистский режим на всей планете. Все заканчивается катастрофой, но умирающий профессор все равно называет нацистскую Германию «самым эффективным государством, когда-либо известным человечеству». Мистер Спок, которому в шоу досталась роль голоса разума, отвечает: «Совершенно верно». В действительности же, нацистская Германия была глубоко коррумпированным и неэффективным государством, и многие из ее ведущих ученых и интеллектуалов покинули страну после 1933 г. Многие американцы, тем не менее, все еще верят в миф об эффективности гитлеровской Германии.

136

Daniel Libit, “How the Expert Class Got Trumped and Berned,” CNBC.com, 12 мая 2016.

137

Susan Jacoby, “The Dumbing of America,” Washington Post онлайн, 17 февраля 2008.

138

Friedrich Hayek, *The Constitution of Liberty: The Definitive Edition* (Chicago: University of Chicago Press, 2011), стр. 378.

139

Evan Thomas, “*Why We Need a Foreign Policy Elite*,” *New York Times* онлайн, 8 мая 2016.

140

Andrew Bacevich, “*Rationalizing Lunacy: The Intellectual as Servant of the State*,” *Huffington Post*, 8 мая 2015.

141

Philip E. Tetlock, *Expert Political Judgement*, (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005), стр. 231–232.

142

Malcolm Gladwell, “*Small Change: Why the Revolution Will Not Be Tweeted*,” *New Yorker*, 4 октября 2010.

143

Ilya Somin, “*Political Ignorance in America*,” in *Mark Bauerlein and Adam Bellow*, eds., *The State of the American Mind* (West Conshohocken, PA: Templeton, 2015), стр. 166.

144

Neetzan Zimmerman, “*Kimmel Fools Hillary Supporters into Backing Trump’s Tax Plan*”, *The Hill*, 30 сентября 2015.

145

Ariel Edwards-Levy, “*Republicans Like Obama’s Idea Better When They Think They’re Donald Trump’s*” *Huffpost Politics*, 1 сентября 2015.

146

Nick Saffran, “*Wipe That Grin Off Your Smug Faces, Progressive Pollsters*,” *TheFederalist.com*, 29 декабря 2015.

147

Derek Kohler, “*Why People Are Confused about What Experts Really Think*,” *New York Times* онлайн, 14 февраля 2016.

148

Jacoby, “*Dumbing Off America*”.

149

C.S. Lewis, *The Screwtape Letters with Screwtape Proposes a Toast* (New York: Image, 1981), стр. 136–139 (курсив автора).

150

Jose Ortega-y-Gasset, *The Revolt of the Masses* (New York: W. W. Norton, 1993), стр. 18.

151

См. Labit, “*How the Expert Class Got Trumped and Berned*”; and *Jule Beck*, “*Americans Believe in Science, Just Not Its Findings*,” *Atlantic* онлайн, 29 января 2015.

152

James Traub, “It’s Time for the Elites to Rise Up against the Ignorant Masses,”
Foreign Policy, 28 июня 2016.

153

Andrew Sullivan, “Democracies End When They Are Too Democratic,”
NYMag.com, 1 мая 2016.

Оглавление

- [Предисловие](#)
- [Вступление Гибель экспертного знания](#)
- [Что впереди](#)
- [1 Эксперты и дилетанты](#)
- [Нация любителей объяснять](#)
- [Новое ли это явление?](#)
- [Проблема не нова. А проблема ли это?](#)
- [Время недостаточно информированных избирателей](#)
- [Эксперты и обычные люди](#)
- [2 Разговоры стали утомительны](#)
- [Мне спор, пожалуйста](#)
- [Возможно, все мы просто глупы](#)
- [Склонность подтверждать свою точку зрения](#)
- [Бабушкины сказки, суеверия и теории заговора](#)
- [Стереотипы и обобщения](#)
- [Я нормальный и вы нормальный как бы](#)
- [3 Высшее образование: клиент всегда прав](#)
- [Семь волшебных лет](#)
- [Добро пожаловать, дорогие клиенты](#)
- [Можно просто отправить электронную почту?](#)
- [Типичный университет](#)
- [Не судите меня строго](#)
- [Колледж – не островок безопасности](#)
- [4 Давай загуглю: как неограниченное количество информации отупляет](#)
- [Возвращение закона Старджона](#)
- [Что в интернете фальшивка? Все](#)
- [Конечно, это безопасно. Я смотрел в Google](#)
- [Мудрость мегатолп](#)
- [Удаляю тебя из списка друзей](#)
- [5 Много «новой» журналистики](#)
- [Я прочитаю об этом в газете](#)
- [Слишком много хорошо – тоже нехорошо](#)
- [Радио убило звезду видео](#)
- [Американские заложники: День 15 000-й](#)
- [Никому не доверяй](#)
- [Кто умнее – зрители или эксперты?](#)
- [Что нужно делать](#)

- [6 Когда эксперты ошибаются](#)
- [Экспертов просят не беспокоиться](#)
- [Ошибки бывают разными](#)
- [Когда эксперт обманывает](#)
- [Я думал, ты студент pre-med\[38\]](#)
- [Я предсказываю!](#)
- [Восстановление отношений](#)
- [Заключение Эксперты и демократия](#)
- [«Эксперты отвратительны»](#)
- [Компетентность и демократия: смертельный штопор](#)
- [Те, кто знает, и те, кто решает](#)
- [Республика, если вы понимаете, что это значит](#)
- [А я не хуже тебя](#)
- [Восстание экспертов](#)

Fueled by Johannes Gensfleisch zur Laden zum Gutenberg